

СОДЕРЖАНИЕ

Страница главного редактора 3

ПРОЗА

Георгий Шумаров

Мама этой девочки Анжелы *Повесть* 5

Владимир Маляров

Недорубы *Роман*..... 103

Галина Туз

Вечер, проведенный со свечой и
младенцем *Рассказ*..... 187

Елена Тулушева

Чудес хочется *Рассказ* 203

Владимир Петров

Если б не дождь... *Рассказ*..... 225

ПОЭЗИЯ

Екатерина Полумискова..... 163

Галина Шевченко..... 173

АНТОЛОГИЯ

СТАВРОПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Иван Кашпуров

Стихотворения..... 179

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Петр Чекалов

Ольга Шатохина

«Я вернусь» 243

Роман Нутрихин

Тайны ставропольских сказок 267

ПУБЛИЦИСТИКА

Елена Анохина

Возьму твою боль *Очерк* 287

КРАЕВЕДЕНИЕ

Алексей Кругов

Олег Парфенов

Линия Суслова..... 297

Владимир Забелин

Благодарненские хроники 309

Сведения об авторах..... 320

Главный редактор альманаха
«Литературное Ставрополье»

В. БУТЕНКО

Литературное

Ставрополье

№ 3 (2016)

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
УДК 821.161.(470.630)-8
Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова,**

**Л 64 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь. 2016 г. № 3.**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Технический редактор: Ю. П. Шаталов

Дизайн, верстка: А. П. Черкашина

Сдано в набор 11.09.2016. Подписано в печать 23.09.2016.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № Тираж 979 экз.

ЗАО «Минераловодская типография», г. Минеральные Воды,

ул. Фрунзе, 33, тел.: 8 (87922) 7-67-17.

ISBN 978-5-905831-18-8

Один день из жизни Ивана Кашпурова

...В душную комнату, занимаемую писательской организацией, стремительно, как всегда, вошел Иван Васильевич Кашпуров. Невысокий, коротко подстриженный, в сорочке навыпуск, с глубоко расстегнутым воротом. Окинув своим косящим взглядом находившихся здесь литераторов, он устало сел за свой «руководящий» стол, забыв, что на лоб вздернуты очки. В приоткрытую фрамугу окна втекал раскаленный июньский воздух.

– Так. У нас в Ставрополе сотрудник «Литературной России». Он просит для еженедельника материалы. Жду до завтрашнего полудня. Кто хочет, чтобы его напечатали в Москве и узнали в России, пусть поторопится, – сообщил Кашпуров, по привычке немного пропевая и подчеркивая слова. А затем почему-то обратился ко мне. – Бутенко, у тебя есть новый рассказ?

– Нет.

– Нет? Так садись и напиши! В твои молодые годы я за ночь всем успевал заниматься: и стихами, и любовью...

В комнате негромко засмеялись. Но что-то кольнуло в душе. В голосе Ивана Васильевича я ощутил и напор, и насмешку, и... некое поощряющее чувство уверенности. «Это невозможно, – подумал я. – Сейчас вторая половина дня. За вечер, ночь и утро надо придумать сюжет и набело написать рассказ для солидного издания? Бред!» Между тем Кашпуров по-

**Страница
главного
редактора**

говорил с кем-то по телефону и – убыл. Я пошел домой. А неотступное: «Так садись и напиши!» – звучало в ушах...

И странно, мне точно передалось то дерзкое кашпуровское чувство уверенности. Уже через полчаса с зачехленной печатной машинкой, бумагой и пачкой сигарет я устремился к дому друзей, которые на время оставили свою квартиру под нашим с женой присмотром. Возможные завязки рассказов, сюжетные ходы, концовки путались в голове. Я не знал о чем мне писать, и в то же время внутренне был убежден, что рассказ осилю...

Вот предо мной и печатная машинка с вложенным в нее кристально белым листом. И сигарета в руке, и на краю стола дымящаяся чашка чая... Слышно, как в соседней комнате, на кухне, считают секунды настенные часы... И – как удар молнии – первая родившаяся фраза, та самая, которую ждала душа. Живой звук, ведущий за собой. Пальцы с легкой дрожью постукивают по литерам, точно переговариваются с часами...

Я сел работать в предвечерье, а поднялся из-за стола далеко за полночь. Черновик рассказа «Лодочник» был готов. В полном изнеможении прилег на диванчик. На несколько минут забылся. И в тревоге вскочил! Нужно набело перепечатать рассказ, отредактировать его...

В тридцать четыре года солнце так близко, радость – ошеломительная, несказанно удовлетворение от достигнутой цели. Незаметно кончилась ночь, рассвет сменился утром... Но я успел! Я нес в руках папку со своим только что написанным рассказом. И вдруг я увидел, как из здания, где размещалась писательская организация, преждевременно, значительно раньше условленного часа, вышли Кашпуров и неизвестный мне мужчина с чемоданчиком, направляясь к «Волге». Я рванулся вперед и догнал их. Иван Васильевич, похоже, забыл о вчерашнем разговоре. Они уезжали в аэропорт. Опоздай я на минутку и...

Через две недели мне удалось купить номер «Литературной России» со своим рассказом. Помню, как сел на лавочку и, возбужденный первой публикацией в столице, долго не мог выпустить еженедельник из рук...

Минуло ровно тридцать лет. А я до сих пор с благодарностью вспоминаю Ивана Васильевича Кашпунова, научившего меня, что только в творчестве достижимо ни с чем несравнимое счастье победы над собой...

Из неопубликованного

Мама этой девочки Анжелы

Дачная повесть

I

В разговоре отец словно бы сплевывал на сторону невидимую соринку с губы. Движение рта наискосок делало его речь нервной и странным образом наводило на мысль о вздорной привычке, о гримасе, а не о болезни – отметине возраста и нелегкой судьбы. Тонкий серпик краевого сознания на короткое время осветился у Лены этой непочтительной мыслью, и опять Лена притянула Анжелу за прохладное плечо и вгляделась в блескучий уголок ее глаза. Дочь напряглась, невзначай завиток черных волос коснулся лица матери и отлетел. В том, что дети становятся чужими, виноваты матери.

Вид петушково-пестрого вокзала накрепко связался в сознании Лены с паровозными гудками и ритмическим постреливанием в небо паровой фистулы, хотя железную дорогу давно электрифицировали. То ли это из детства нахлынуло, то

**ГЕОРГИЙ
ШУМАРОВ**

Проза

ли из литературных запасников памяти. Интересно, что запоминается не филологическая экзотика, которая бывает, впрочем, очень впечатляющей, а какие-то сцены, близкие к пережитому: зонтики, как цветы повилики, на перроне барышни гуляют с офицерами, играет духовой оркестр, пахнет горячим шлаком ...

Дернув угол рта, отец сообщил, что мать какие-то стряпанцы делает на даче, и сейчас они поедут именно туда. Дух там вольный. Человек наедине с природой совестливым становится.

Интересно было, слушая и не слушая отца, глядеть на Анжелу. Капризно повернув голову, прочь от всех, дочь глядела зауженным глазом поверх вокзального карниза с лепниной ласточкиных гнезд и как бы говорила про деда: все это вздор и прошлый век. Для красивой молодой души, эгоизм которой застит небо, слова взрослых кажутся заземленными и лишены романтики.

Все вдруг спохватились, что довольно долго переминаются у вагона. Со стороны могло показаться, будто люди захлеб рассказывают друг другу новости. Анжела давно порывалась схватить мамину сумку, но каждый раз только встряхивала волосами. Ей было трудно так долго оставаться снисходительной к взрослым. В тамбур вагона, у которого они стояли, вышла молоденькая кондукторша, без внимания поглядела на свою давешнюю пассажирку и потянулась от радостного осознания тупичковой прелести этого старообразного города, сулящего ласковый анисовый приют. Вот тогда Анжела и подхватила сумку, а за ней тронулись дед с матерью. Они продолжали говорить, но теперь уже ей в спину, так что слушать было необязательно. На привокзальной площади она уверенно отыскала машину, на которой они приехали к поезду. Свою

машину дед поставил на ремонт. Пришлось просить у старого высокого начальства.

– Семен Семенович помнит меня и уважает, – поделился Сергей Петрович, усаживаясь в машине рядом с шофером и, может быть, к его слуховой памяти и взывая.

Анжела приподнялась и натянула сзади на себе клинышки юбки.

– На кой тебе сдался твой Семен Семенович? – запросто поинтересовалась она, наклонившись к волосатому уху деда. – Я могла бы такси вызвать!

Все личные шоферы, служащие у высокого начальства, делают вид, что не слушают своих пассажиров. И у отца Лены, Сергея Петровича в свое время был такой, без обратной связи, только впитывал и как будто набухал. А этого шофера Лена видит впервые. Что касается дочери, то у нее с дедом, похоже, продолжается давний разговор. Господи, кажется, еще вчера над Анжелой умилительно властвовал культ матери и вообще взрослого человека. Вроде бы совсем недавно Лена торопила время, опасаясь, как бы ее дочь не осталась на всю жизнь инфантильной. Едва научившись лопотать, дочка потешала гостей: "Я не Анжела, я Анжелика!"

Не женское это дело – торопить время.

Сергей Петрович покрутил безымянным пальцем в левом ухе, словно туда попала вода, когда он принимал наемни души. Чешется в ухе от слов внучки. Шофер же был глух и нем, никакого чувства не обозначилось на его лице. Многочисленные способы отвертеться от ответов на прямые и скрытые вопросы составляют основную трудность некоторых профессий, насколько понимает Лена.

Пожалуй, отец был ей более понятен, чем дочь. Лена уехала из дома, когда отец был уже испытан властью и популярностью. Все другое влияет на

человека гораздо меньше, в том числе и лишение власти и популярности. Дочь же была на ее глазах только до школы. Конечно, она стала бутончиком в свои шестнадцать лет, но по младомыслию считала, что всего достигла в смысле человеческой зрелости. В ней было столько самоуверенности, что матери, взглядывающей на нее, она казалась не только очень красивой, но и очень незнакомой. Но оттого, что разлука как бы оправдывала Елену Сергеевну, легче ей не становилось.

– Ну, а что ж у тебя там комнатка была или, ты писала, общежитие? – спросил отец, развернувшись на сиденье и свесив локоть с избыточной пергаментной кожей.

Собственно, вопрос был формой поддержания разговора. Можно было подивиться отцовской забывчивости, потому что Лена о получении однокомнатной квартиры не один раз писала. Но она, поддерживая поверхностный интерес отца к внешним событиям ее жизни, рассказала, как ей в зиму дали однокомнатную квартиру и пришлось перебираться из обжитого и, в последнее время, не такого уж худого общежития семейного типа.

В глазах Анжелики впервые вспыхнул интерес.

– А тетка Валька? – спросила она, словно только вчера с ней рассталась.

Это было так неожиданно, что матери понадобилось несколько секунд, чтобы, скручивая ролик памяти назад, остановиться у нужной зарубки. Валя – из поры молодости. Языкатая, напористая, надежная, как заплотина, она привязалась к Анжелике, когда Лена однажды привезла ее на север, в Подзор, а потом еще привозила. Не один раз, заглядывая в гомоник при Лене, она приговаривала: "А денег осталось на веник!" И мужичка себе не сыскала, не привадила никого, хоть и обещала с сильным

полом быть слабой и сговорчивой. На Украине у нее остался сын. Он был так похож на отца, что Валя не брала сына с собой на демонстрацию: боялась, что отца узнают. Так и отправила сына к родителям, а сама подалась на север. Зимой этого года ее нашли в комнате мертвой. На тумбочке были рассыпаны таблетки снотворного.

Зачем мы туда едем, если возвращаемся одинокими и побитыми? Лена переезжала из общежития на квартиру, уже зная, что не дочь привезет в Подзор, а сама вернется к дочери.

– Уснула тетя Валя. Легла и не проснулась...

– Самоубийство? – спросил отец.

– Записки она не оставила, – неопределенно ответила Лена, как будто еще сомневалась, как это называть.

– Господи! – вздохнула дочка. – Она водку красиво пила: мизинчик отставит и пьет из стакана...

Тряхнув головой, она разметала по загоревшим плечам вольные, как будто и не прихолощенные волосы. К началу лета они уже хитро выгорали, но, развеянные надвое, выказывали по пробору нетронутую темноту – такого у славянок не бывает, ищи в глубинах рода какую турчанку или кавказскую горянку.

– Потом мы постановили, чтобы к нам водку не несли, – вспомнила Лена, – но к тому времени уже все стали разбегаться.

– Жить надо вместе, – невсклад заявил отец. – И всегда надо было, а сейчас – особенно.

Об этом они говорили каждый раз, но возвращению дочери мешал сначала страх, потом упрямство, потом бездыханная инерция. С Леной окончательно все решится после разговора с матерью. Мать с отцом любили говорить, что жить надо вместе, но Виктора в зятя брать так и не захотели.

– А чай там есть? – спросил отец, сплевывая с угла рта невидимую соринку. – У нас какой хочешь!

С начала реформ обозначилась невыгода работы на севере, не говоря уж о том, что многократно повысили цены на железнодорожные билеты. Но признаться в своем полном поражении /ни судьбы, ни денег, ни хоть трезвого мужчины/ ей впервые придется сегодня. Хорошо пить чай в Кизилровке – с малиновым вареньем, сказала себе Лена и улыбнулась отцу.

– Страна большая, а котелок маленький, – добавил отец и повернулся к Анжеле, как бы в предожидании спора.

Внучка опять наклонилась к его волосатому уху.

– Пойду в технический вуз, а после котелки буду клепать, чтобы помочь моей стране, – доложила она. – Большие котелки!

Дед выпрямился на сиденье и убрал руку со спинки.

– Вот так мы и разговариваем, – буркнул он через плечо. – Я тут не виноват. Виноваты родители этой девицы, которые в свое время задумали не ребенка, а вместилище парадоксов.

Впервые Сергей Петрович позволил себе легкое прикосновение к теме материнства Лены и ее замужества. До сих пор тема оставалась как бы несуществующей для деликатного человека. Анжела тоже это чувствовала, но не боялась говорить с матерью. У истории не бывает никакого грязного белья, которым пугают те, кто сам страшится истины. Для живущего правда может быть горькой. Но правда не более горька, чем смерть.

Анжела снова приподнялась и расправила свою юбочку, растянув ее на пальчиках. Ответила деду:

– Я слежу, чтобы спина у меня была прямой, а не как у парадоксов, которые скрючились в мешке или как там?.. Во вместилище! Меня маменька учила...

Ага, значит, все-таки удостоена чести быть признанной: хоть чему-то мать да научила... Самое печальное, что свою иронию дети оттачивают на своих родителях. Теперь они с Анжелой будут неразлучны. Пожалуй, лучше всего им будет жить на даче – подальше от уточнения всяких деталей, которые она так и не уточнила за все приезды к родителям. Дача мало чем отличается от городского дома: свет газ, отопление, телефон, и расположена дача в привилегированной зоне – там разрешали строить далеко не всем.

– А что такое эти самые парадоксы? – вдруг спросил шофер, которому наскучило молчать.

Анжела подалась вперед.

– Я-то знаю, где пребывают люди с парадоксальным мышлением: в психушке! – рубанула деду. – А вообще парадоксальная мысль более всего требует доказательств, но блестящая ее форма делает доказательства вовсе не обязательными. Правда, деда?

На шофера – ноль внимания. Со зла Лена подумала о шофере как о человеке, призванном стирать грани между умственным и физическим трудом. От стирания этих граней, как известно, руки белы и мозги не натружены. У него на лобовом стекле машины – портрет генералиссимуса Сталина. Ничего, однажды хорошо прожаренный петух клюнет хорошо обнаженную задницу шофера, и он выбросит портрет Сталина.

Притянув Анжелу к себе, Лена вдруг горячо зашептала вблизи ее розового ушка:

– Анжела, не петушишься, дедушка тебя любит! Господи, если бы не дедушка с бабушкой!..

Дочь развернулась коленями в сторону матери. В словах матери она услышала намек на какие-то обстоятельства, связанные с пребыванием мамы на севере. Запросто спросила:

– А тетка Валька замуж вышла?

– Нет, к сожалению, не вышла, – отозвалась мать.

– Замуж выходить надо резко.

– Как это – резко?

– У Льва Толстого сказано: хорошие дела делаются сразу и без дум.

– Так ведь это – хорошие. Надо еще разобраться, что хорошо, а что плохо. Вот время и уходит. А ты говоришь – резко...

– Все равно резко, – упрямо повторила Анжела. – Мужчину нельзя долго обдумывать. А то он окажется, как петух общипанный – в пупырышках, синий – аж противно! А Ирка говорит, что мужчина вообще по природе своей наполовину треснутый, наполовину чокнутый. По сравнению с нами, женщинами.

Из-за строгих, вроде даже каких-то форменных ушных раковин шофера залоснились тугие округлости щек. От сочувствия бедным родителям и родственникам этой девицы у него вспотели ладони. Так бы и отхлестал. Он высунул левую руку из машины и помял ею тугой воздух.

– Боже, обдумывать мужчину, пусть даже наполовину треснутого, а наполовину чокнутого! – негромко воскликнула Елена Сергеевна. – Анжела, это же цинизм! Я понимаю, сейчас другое время. Вряд ли когда-нибудь я приду в восторг от вашей музыки. Мне не нравятся ваши забавы, но тут я могу винить только себя, хотя бы за принадлежность к иному поколению. А вот в том, что вы пересматриваете мораль, тут я и мое поколение ни в чем не виноваты.

Анжела выпрямилась и разметала по коленям крашенные ноготки. Глядя на нее, можно было подумать, что она недавно приобрела чудный такой бронезилетик от резиновых пулек всяких моралистов и любителей подержаться за трибунку. Источая ехидное миролепие, Сергей Петрович пообещал Лене:

– Ты еще не то от нее услышишь!

Внешне отец не постарел, даже не изменился. По-прежнему он предпочитал для разговоров закрытые помещения, значительно большие, чем салон машины, но значительно меньшие, чем закрытый стадион – лучше всего, пожалуй, кабинет, в котором спорщики редко остаются спесивыми. Во всяком случае, этих разговоров с отцом не избежать и дома. Поэтому она так неохотно приезжала к родителям, несмотря на тоску по дочери. Никита, один из северных неудачных ее ухажеров, похвалялся: "Если ко мне в огород плюхнет метеорит, я выгляну из окна и скажу: "Ни хрена себе, камешки соседи в огород швыряют!" Метеорит – ладно, но Лена терпеть не может, когда швыряют именно камешки. Чтобы вынести такое, нужны какие-то специальные нервы.

Отцу она не ответила. Ехали они по живописной долине. В этой стороне, радующей глаз тугой зеленью холмов, вольготно было с водой. Ключи напитали долину и образовали некогда затейливые выплески озер. Зелеными царями долины стали пирамидальные тополя – примерились и утвердились вокруг озер. А где они не выдюжили, там скупилась ракушка, так что сверху, с дороги, озера и не видны. От холмов, обступивших долину, от сбереженной в корнях деревьев влаги образовался здесь особый климат, сразу разгаданный людьми еще при царе, а потом и в недавнее время, когда

стали нарезать землю для дачного пользования, а люди перестали опасаться, что ее отнимут, уже не-
праздную, с тяжелыми плодами на деревьях. Тут
рано и богато вызревала багряная клубника, подат-
ливая земля принимала и возвращала в обогащен-
ном виде любой корнеплод и клубень. Лощинами
спускался прямо к людским тропам непролазный
кизиловый дикорос. Местечко оттого так и называ-
лось – Кизиловка, являя редкий пример совпадения
прозвища и причин, его породивших. По мере осво-
ения пригородных зон, цены на дачи в Кизилов-
ке быстро росли, так что стало здесь престижно и
пошли вымахивать дачки, имеющие не только ути-
литарную, но и эстетическую ценность. В архивах
не сохранилось бумаг о первых поселенцах в Кизи-
ловке, но легенды упоминали агрономическую дея-
тельность помещика Оболенского, построившего в
прошлом веке для личного удобства барский дом с
колоннами. После Гражданской дом отдали беспри-
зорникам. Когда с этим наследием разрухи было
покончено, то есть шпана была перекована трудом,
белокаменное здание отдали рабоче-крестьянской
милиции. Молодые блюстители порядка поразби-
вали остатки витражных окон и разобрали крышу,
поскольку для отопления она сподручнее, чем даже
ясневый сухостой в лесу. В молодом запале, пока
еще не пришла пора думать о справедливости, бу-
дущие законники полагали, что лучше сидеть на
полу под открытым небом и греться у пылающих в
барском зале стульев и стропил, чем сидеть на стуле
под лепным потолком и мерзнуть по причине жало-
сти к господскому паркету. Но самый неодолимый
враг для жилого помещения – это полное безлюдье.
Милиция скоро сгинула. Организованный колхоз в
соседних селах потратился на засовы да лабазные
замки и устроил в подвалах ненавистного помещи-

ка Оболенского свои складские помещения. Но бригада здесь не прижилась, для складов хватало порушенных церквей в каждом селе, и Кизилровка стала дичать. Зарос булыжный отвилек барской дороги. Малые озерки покорились камышу и кувшинке. Как раны, затужавили проплешины воды у темечка небольших озерин. Но потом у людей появились автомобили, и горожане вспомнили, что есть у них в пятнадцати километрах райский уголок. После того, как было осознано, что помещик Оболенский отнюдь не был дураком, в Кизилровке стали оседать активисты, смельчаки, любители покопаться в земле. Тогда номенклатура не смешивалась с народом ни в больницах, ни в магазинах, ни в театрах. Так в Кизилровке образовалось номенклатурное крыло. За долгое время произошли смены поколений. Дачи достались детям, а то и вообще чужим людям. Разрешение на строительство стали получать известные деятели культуры. Девяностые годы с их непоследовательными реформаторскими озарениями и шустрой куплей-продажей садовых участков добавили мешанины в традиционно привилегированные ряды дачников. Но все равно благодать дореформенного отбора и сложившегося рейтинга уже проявились в Кизилровке тягой к особенности внешнего вида домика, к основательному решению вопроса с гаражами и подъездными путями.

Свою дачу Сергей Петрович затеял еще будучи главным инженером "Промстроя". В предощущении пенсионера домик сладился быстро. Тому теперь около десятка лет. А мансарда так и недоделана.

При виде поворота на Кизилровку, обозначенному на щите четырьмя стрелками, которые создавали энергичный приказной эффект, Сергей Петрович стал объяснять шоферу, как лучше проехать к их домику. Ориентиром был все тот же дворец Обо-

ленского. Порушило его не время, а эпоха, но даже сквозь нее доносилась, пусть не в полный голос, чистозвонная мысль о нетленности красоты и силе человеческого разума, обращенного к добру. Мысль эту внушали великолепные пропорции здания, делающие красивыми, как известно, даже руины. Перспектива скрадывала разбой кувалды и пожарищ. Портик о четырех колоннах и фронтон, казалось, только вчера верхолазы выкрасили в белое. При виде этого здания, до сих пор светящегося на возвышении, к Лене подступало чувство, схожее с желанием покаяться. Всю жизнь она боялась темноты и одиночества. Потом стала бояться возврата прошлого, а сейчас, провожая взглядом дом Оболенского, выстроенного талантливым учеником Ринальди, она поняла, что больше всего боится очень умной своей дочери, перед которой она виновата.

Кривыми улочками, подныривая под опахла черешен и вишен, нависших над заборами, они выехали на асфальт, который жирно подчеркнул особенность этой части Кизиловки. Остановились у вольного, просторного дома с мансардой, окна которой были заколочены крашеной фанерой. Ускорник асфальта отходил воротам, за которыми зеленели двери бело-кирпичного гаража. Из калитки выскочил Филька – непроглядно волосатая морда, нос взволнованно осмысливает запутанную в деталях ситуацию. Своих пес узнал, незнакомым шофером пренебрег. Знакомый дух, исходивший от Лены, проступал сквозь досадные запахи дальних дорог, путаных встреч и переменчивой косметики. Прошел год с небольшим, а Филька вмиг пронюхал про все перемены и радостно залаял, обращаясь к одной Лене.

Из времянки вышла Раиса Степановна. Тронула косынку, успела взглянуть на свои локти. Сто-

рожевой опыт красивой женщины не позволял ей расслабиться даже за этим высоким забором. Мать почти не изменилась за это время. Во всяком случае, не подурнела. Ноги и шея у нее, как у балерины, тянулись кверху. А ведь, надо признаться, жизнь у нее никогда не была безмятежной, даже в те годы, когда в театре на нее с балконов направляли бинокли.

Поцеловались с матерью, постояли, обнявшись. Но долго стоять было некогда. Лена помыла руки и сразу стала помогать матери накрывать стол. Анжела прислонилась к косяку и насмешливо наблюдала за ними. Ей это быстро надоело. Она сняла с гвоздя на столбе беседки алюминиевый хула-хуп и стала его крутить. Шофер, которого Сергей Петрович уговаривал перекусить, от угощения отказался, но с уходом за калитку медлил и все поглядывал на внучку Плугина, которая и хороша была, и бесстыжа – прямо натура и модель.

– Анжела, ты бы помогла бабушке, – осторожно попросила Лена, перехватив взгляд шофера.

Едва заметные движения девичьего тела, благодаря которым обруч устремлялся вверх, как бы сам по себе, создавали иллюзию легконосности, как любое мастерство. В трудную выучку не верилось. Не оставляя своего занятия, Анжела повернулась к матери и ответила:

– Не хочу быть утюжницей, тарельщицей и колыбельщицей.

– А кем ты хочешь быть? – спросила мать, понимая, что искушенная в спорах бабушка, научилась различать существенное, а на второстепенное не обращала внимание.

Внучка переступила через звякнувший об асфальт обруч. Ответила с явным желанием подразнить нечастого гостя, маменьку:

– Хочу быть свободной! Женщинам надоела эмансипация. Вот она чем обернулась!

Она сморщила носик, хотя из времянки доносились аппетитные запахи обеда: носик у капризных девушек реагирует более всего на мимолетности собственного настроения.

– Ты говоришь: стать свободной. Это значит, сейчас ты несвободна? – спросила мать, все-таки протягивая ей посуду.

Увлеченная своей мыслью, с тарелками в руках, Анжела не услышала мать. Говорила, напоминая устремленностью речи своего отца.

– Дед уверял меня, что свобода – это осознанная необходимость, а по-моему свобода – это "плыви, мой челн, по воле волн". Свободу создают законы, а вы мне предрассудков насочиняли.

Они зашли на веранду. Бабушка с дедом раздвинули стол. Лене надо было что-то ответить дочери, которая решительно поставила тарелки на край стола и ожидала ответа. Что-то в этом разговоре Лене злило, а что-то настораживало. За год дочь повзрослела, но, кажется, из детства ничего не утратила. Переломный возраст. Ломается всегда на стыке юности и отчаяния.

– Ну, а мораль – это тоже предрассудки? Она ведь вроде бы и не закон, никто не остановит, если захочешь переступить.

Анжела ответила, едва дослушав:

– Не убий, не воруй, не изменяй, да? Нет человека, который бы не пнул эту мораль. На страже морали все равно стоит закон.

Слышно было, как хлопнула калитка и завелась машина: шофер Семена Семеновича поспешил в город, чтобы успеть сделать несколько неконтролируемых рейсов. Филька бросился вдоль забора, провожая машину лаем. Девушка убрала пятый прибор.

– Господи, как здесь тихо! – признала Лена и опустила на стул.

Дочь обняла ее сзади.

– Никто и не заметил, как смолкли на земле фореиторские рожки и колотушки сторожей, – произнесла она к сведению красивой своей мамы и молодой своей бабушки.

Сергей Петрович вышел через комнату дочери из санитарного закутка с полотенцем в руках.

– Ну, давайте перекусим, бабушкиной наливочки попробуем в честь приезда Лены! – предложил он.

II

Во время обеда мать с отцом облегченно услышали, что Лена больше не вернется на север. И семейный совет тут же решил, что она до прояснения момента проживет на даче вместе с Анжелой. "Прояснение момента" – номенклатурное выражение ушедшей эпохи, в которой до сих пор пребывал отец. Что оно означает, дочь не совсем понимала, но делала вид, что нет проблем, как оно и положено в родительском доме.

Через несколько дней Анжелика попросила:

– Маменька, расскажи про отца!

Не впервые просит. Мать видела по ее глазам, что она все помнит и просит именно повторить, а не напомнить. Но каждый раз эта просьба застаёт Лену врасплох. Ей было неловко, что они с Виктором не зарегистрировали брак. Хотя вполне возможно, что такие мелочи нынче молодых людей не уязвляют.

– Твой отец был хорошим, – ответила Лена, чувствуя, что слезы перегорели в душе и больше не надо их бояться.

Они сидели на веранде. Сергей Петрович надумал зарешетить окна веранды. Завезли решетки, но мастер запил, и дело пришлось временно отложить. Говорят, от решеток на окнах в домах темно среди бела дня. Сейчас в городе, да и в Кизилровке, все первые этажи забраны решетками. С полным основанием люди нашего времени говорят, что раньше было гораздо светлее – в угоду тем, кто сразу же отнес эти слова к свету идей, разлитых по большой и неладной нашей России.

– Ты думаешь, родила ребеночка и все? Нет уж, ты ребеночку объясни по порядку, как вы познакомились, как ребеночек вел себя в животе и как... потом.

– Анжела! – повысила голос мать. – Постарайся никогда не быть циничной!

Дочь сплела ноги под стулом. Получилась изящная линия – загляденье для художника, куда они подевались!

– Не обращай внимания, маменька. Ты просто долго отсутствовала и отвыкла. Я не более циник, чем благочестивая монахиня.

У Лены, чистившей яблоко, опустились руки. За эти дни она поняла, что ее дочь не столько повзрослела, сколько стала по каким-то причинам другой. Если сказать ей об этом, она, пожалуй, ответит, что просто стала умней. Надо как-то иначе к ней относиться. И Лена не стала читать мораль, а без нажима вернулась к рассказу о своей счастливой, но недолгой любви.

– Он знал четыре языка. А может, и больше: сегодня он мог говорить на четырех, а завтра объявить, что за ночь одолел еще один. В тот день он ехал по Родниковой улице. Там и движения никакого, но нашелся самосвал, который выруливал на Родниковую... Твой папа погиб не от травмы, а от ожогов...

– Вы не были зарегистрированы? – спросила дочь, стараясь уловить не столько новые факты, сколько новые оттенки отношения мамы к тем давним событиям: на севере она чуть не вышла замуж...

– Нет, так получилось...

– А ты не стесняйся; маменька, – позволила Анжела. – Сейчас все так делают. Это называется пробный брак.

Надо приучить себя не вздрагивать, не поджигать губы, не вскидывать строго глаза на дочь. Надо не только воспитывать ее беседами, но и самой воспитываться рядом с дочерью. И Лена продолжала:

– Твой папа просил поскорее доставить к нему его мать. Вполне возможно, что он хотел ей сообщить, что у нас будет ребенок. Он и имя тебе придумал: Анжелика. Но его мать не любила сидеть дома, ее нескоро нашли, а когда нашли, твой папа был уже без сознания и вскоре умер.

– Ой, маменька, как жалко! – натурально пригрюнилась Анжела.

Но горе ее всегда было легким и застило сердце ненадолго. Через минуту она сдула со лба челку и спросила:

– А бабка Верка меня не признаёт?

– Не признает! – подтвердила мать. – Ну и пусть! Я исхожу из того, что установление родственных отношений – дело добровольное.

До сих пор у Лены холодок леденит межлопаточное пространство при воспоминании о взгляде тогда еще нестарой женщины, которую ввели в палату, а она не на забинтованного сына глядела, а на рыдающую девочку около его кровати. А потом были похороны, и мать Виктора сказала: "Вот что, милочка, если у тебя там намечается продолжение рода, то я тут ни при чем, так и знай!"

Лена посадила на могиле две березки и поставила гранитный памятник. Приезжая с севера, она изредка видела женщину у могилы Виктора. Бывшая с матерью Анжела со временем стала догадываться, что маменьку об этой женщине лучше не расспрашивать.

– Ой, мне что-то на кладбище захотелось, к папеньке! – воскликнула девочка, но голосок ее был веселым, непригорюничвым. Родничок, бывший изнутри, не давал ничем себя замутнить. Дай Бог, чтобы во веки веков так было!

И Лена без раздумий согласилась поехать на кладбище, тем более что два дня назад она уже была там и срядилась с бомжем, чтобы тот спилил одну березу на могиле Вити: она выросла в наклон и мешала проезду, а главное, мешала всем вдовушкам, у которых не было таких берез. Заплатила она за работу две бутылки водки, а третью ей надлежало привезти на неделе. Сам Бог позвал ее устами Анжелы. И очень хорошо, что отец оставил им с Анжелой автомобиль. Пригнал с ремонта, вручил бумаги и обратил внимание на капризы управления. Машина и зимовать будет в Кизилровке.

– А ну-ка, маменька, подкрасим губки! – призвала дочь.

Мать хотела было прочесть дочери ненавязчивую мораль, но подумала, что, скорее всего, этого делать не следует: не навреди! Стояли у одного зеркала в комнате Лены и макияжились. Обжимая губы, дочь поделилась:

– Мой Андрей, он медик, говорит, что темная помада на губах женщины делает ее похожей на больную с врожденным пороком сердца. Много он понимает!

– А, по-моему, он прав, – одобрила Лена. – В тебе столько красоты и молодости, что можно и не пользоваться косметикой.

– Конечно, красоту ничем не подчеркнешь, – согласилась дочь. – Надо просто оставаться красивой. Но вот насчет гармонии без макияжа никак не обойтись. И тут надо идти на риск. Скажем, к этому моему наряду идет только темная помада.

– Ты бы оценила, что я избегаю споров с тобой, – обреченно заметила мать.

Она прихватила бутылку водки, которую задолжала бомжу, и пошла открывать гараж. Стоял ясный осенний день. Кизилровка роняла лист. За ночь листвяная падь укрыла землю будто бы от остуды. Здешние грачи, не покидавшие Кизилровку на зиму, важно носили свои серые клювы величиной с зуб бороны. Они расхаживали по пахоте и с полей держали путь к усадьбе Оболенского, где было много старых берез, располагавших к покою.

Лена выкатила машину, Анжела заперла гараж и уселась рядом с матерью.

– У меня душа-помогатка, – поделилась она с матерью. – Она помогает жить всем людям и мне самой тоже. Она существует, чтобы тело не очень толстело...

В Кизилровке мать потихоньку отходила сердцем. Сейчас она расторможенно засмеялась. Сорвавшись на север, она была уверена, что перемены в судьбе зависят от географических широт. Жесткая родительская любовь вызывала страдания. Не помогла и Анжела, которую Лена несколько раз брала с собой. В прошлом году отец сказал, что они с матерью никогда не были против Виктора, они были против эгоистичности их любви, словно бывает другая любовь, неэгоистичная. И Лена решила вернуться.

– Какой он, твой Андрей? – неожиданно спросила Лена после того, как дочь объяснила ей маршрут поездки: два дня назад Лена ехала на автобусе, но

представление о дороге у пассажира иные, чем у человека, сидящего за рулем.

Незнакомые люди принимают их за сестер: дочь уже расцвела, а мать хорошо сохранилась. Да и то: всего на восемнадцать лет старше.

– Вот спасибо, маменька, что ты поинтересовалась, – затараторила Анжела, – а то такие маменьки скучные бывают – только антимонии разводят. А мой Андрюха – два уха, он студент медакадемии. Не военной, а нашей. Перешел на шестой курс. Он меня с малых лет в жены воспитывает. Не готовит, а воспитывает! Ты в прошлом году приезжала, а он уже воспитывал. В прошлом году ты им не поинтересовалась, потому что у тебя у самой любовь была.

– Анжела, лучше продолжай про Андрея!

Лена вдруг почувствовала короткий век своей красоты: уже прошел год с момента, когда в нее влюбился неплохой человек. Когда она вернулась, вышло, что он не смог уйти из своей семьи. И вообще, если мужчина и приезжает на север полюбоваться северным сиянием, то непременно с поллитровкой в руке.

– Ну, вот, – продолжала дочь. – В этом году он с лета подрабатывает: возит туристов. Он английский и французский знает. Но, если честно, то от знания языков у Андрея одни неприятности. Когда он учился на первом курсе – это еще при развитом социализме было – его едва не исключили из института: кому-то не понравилось, что он переводит романы Агаты Кристи. Тогда сделали вид, что кто-то подумал, будто он торгует агатами. Но на самом деле, это идеология.

– Ты и не знаешь, что такое идеология... – Мать воспользовалась небольшим зазорчиком в густой вербальной толчее дочери: Анжела уже рот открыла, чтобы выдать очередную информацию. Пришлось переждать замечание матери.

Потом дочь, никак не комментируя это замечание, продолжала:

– А в этом году его выследили двое... Он вышел из гостиницы, а они на него набросились, оба косые, как пизанские башни, Андрей снял очки и бросил одного в мусорный ящик, а другого загнал в охраняемый офис. Он владеет приемами каратэ. А те денег захотели...

– Включи музыку! – попросила Лена.

Дочь поморщилась, но включила. Что толку спорить насчет достоинств музыки, если нет деда, кому принадлежат кассеты? Мать тоже поклонница классической музыки, хотя еще напевала песенки, которым можно дать общее комсомольское название: "Нет дыма без огня наших жарких сердец!"

– Мое лицо удлинилось! – доложила она матери: ей очень трудно было не дать оценки этой музыке. – Единицей измерения вытянувшегося лица я предлагаю "один Фернандель". Это в честь французского актера. Мое лицо от этой музыки удлинилось на полтора-два Фернанделя...

– А что ты предлагаешь в качестве единицы таланта?

– Единицей таланта у меня является лира.

– Господи, хотя бы ты поумнела на полторы-две лиры! – пожелала мать. – Это "4 Фанданго" Эдуарда Направника. Прекрасная музыка! У Направника умерла любимая жена, умерла неизлечимо больная дочь, покончил жизнь самоубийством сын. Направник прожил в России пятьдесят пять лет, умер он, кажется, перед революцией. В родной Чехии он прожил всего двадцать лет. Написал в России четыре оперы, работал дирижером Мариинского оперного театра. Оперу "Дубровский" поют потомки. Состоялась ли его жизнь? Мог ли он сказать в конце жизни, что он счастлив? Жестокий вопрос!

Когда оркестровая пьеса окончилась, Анжела глянула на мать влюбленными глазами и ничего ей не ответила. Потом оркестр исполнил "Интермеццо" Мусоргского. Боковым зрением, не отрывая взгляда от дороги, Лена замечала, как беспокоились и внезапно затихали на коленях тоненькие пальчики дочери.

– Маменька! – воскликнула Анжела. – Я, конечно, эту музыку слушала, но ты как-то ко времени мне рассказала про Направника. На меня всегда большое впечатление производит биография творца: когда написал, что перед этим случилось, как жил, в кого влюблялся, что пил, где бывал... Как ты думаешь, что важнее всего для человека из его мускульных усилий?

– Дыхание? – пыталась угадать Лена, хотя знала, что с Анжелой просто не бывает.

– Важнее всего человеку работать микровинтом! – объявила дочь.

– Как это?

– Это меня Андрей просветил. Когда они проходили микро-биологию и разглядывали под микроскопом какую-нибудь, каплю, то поначалу ничего не видели и звали преподавателя. А он, не глядя, советовал: "Работайте микровинтом!" Микровинт – это тонкая настройка. Когда мне Андрей все объяснил, я сразу же подумала, что микровинт в жизни – это такт, корректность, нравственность. Это регулятор совестью, а еще, я думаю, воздействие искусством, культурой, поэзией. А микровинт – есть в микроскопе и такой – это регулятор законом, грубое подчинение, общественные тормоза, понимаешь? Государству достаточно, чтобы у его сограждан работал микровинт, но даже одному человеку наедине с собой нужен микровинт.

– Это твои мысли? – осторожно спросила мать, прикидывая, когда ей сворачивать с шоссе на кладбище.

– Ну что ты, маменька! Я своими мыслями никогда не пользуюсь!

Обе рассмеялись. Мать не впервой думала, какая у нее умная, немного холодноватая, но по-человечески, несомненно, интересная, а по-женски – красивая дочь. А дочь, увидев не исчезающую с лица матери улыбку, решила больше никогда не расставаться с мамой.

– Маменька! – наладилась Анжела. – Иногда, когда я говорю с тобой, во мне побеждает твоя подружка, потому что ты молодая и добрая. Но сейчас я эту подружку приструнила и хочу тебя спросить, почему ты до сих пор не замужем?

Нет, не приструнила, подумала Лена. Все-таки она сама такой вопрос своей матери никогда бы не задала. Неожиданно она приняла тон Анжелы – легкомысленно-иронический, лукавый, непроницаемый, в котором легко упрятать подлинные мысли и который делает необязательным говорить правду.

– Ты, конечно, еще не успела сформулировать для себя, что основное назначение мужчины... Какое?

– Не знаю! – растерянно и испуганно ответила дочь.

– Коренное назначение мужчины, – повторила Лена, – жужжать вокруг. А что женщина теряет без мужа лепесточки – им дела нет...

– Mam, ты дурачишься, да?

– Испугалась?

– Аж девичье сердце зашлось!

– Насчет сердца – не знаю, а вот "маменьку" свою забыла – так это точно!

– А тебе не нравится, что я тебя называю маменькой?

– Если это не насмешка, то я не возражаю

– Маменька, а каково, на твой взгляд, коренное назначение женщины?

Лена как будто скинула с себя тяжкий груз. После приезда ей казалось, что отчуждение с дочерью не будет кратким, а сама Анжела виделась насмешливой эгоисткой, которой никакого дела нет до матери. Кажется, слава Богу, это не так.

– Любить! – ответила она дочери.

– Любовь с каждого первого взгляда каждый Божий день? – попыталась уточнить дочь.

– А как воспринимает твой Андрей вот такие твои заявления?

– А это только к нему и относится: каждый взгляд на него – первый, а каждый Божий день – для него.

– Ох, и умница ты! – восхитилась мать. – Ты из Андрея, небось, веревки вьешь?

– Знаешь, маменька, я всегда внутренне протестовала против мифа о происхождении Евы. Не может быть, чтобы женщину из вторсырья сделали, даже такой мастер, как Бог! По-моему, сделав Адама и увидев его несовершенство, Бог задумчиво произнес: "Возможны варианты!" И сделал Еву из того же сырья, что и Адама, но значительно ближе к совершенству!

– Скажи-ка, мое совершенство, где сворачивать к кладбищу? Вон у тех тополей или дальше? – уточнила Лена, хотя теперь отчетливо вспомнила эту череду тополей, отчеркнувших дорогу к городскому кладбищу.

– Не надо сворачивать! – решительно заявила Анжела. – Мы сейчас поедem в город и прихватим

Андрея: он сегодня с туристами не занимается. Мне что-то кажется, что нам понадобятся мужские руки.

Насчет мужских рук Лена нашла мысль удачной. Ей самой казалось не таким уж вероятным делом, что ханыжка захочет ждать ее бутылку водки. Мало ли о чем думает настоящий ханыга! Но вот насчет активного навязывания своей персоны Лена сильно сомневалась.

Как это будет выглядеть в глазах молодого человека? Не покажется ли она смешной мамашей, проверяющей серьезность намерений молодого человека? Но она решила не спорить, выключила сигнал левого поворота и согласилась:

– Ладно.

Через четверть часа они остановились у дома, на который указала дочь.

– Он с отцом живет. – Наморщив лобик, Анжела вспоминала, говорила ли об этом маме. – Отец был хирургом и ослеп. У них в коммуналке одна комната. – Она уже было выпрыгнула из машины, но какая-то мысль ее остановила: – Маменька, а тебе не жалко такого умирающего слова – коммуналка? Можно подумать, что это сокращение: коммунистическая алка. Что такое алка? Или это имя несчастной женщины, или это алкашня? Ну ладно, я быстро!

В джинсовых брючках, она легко взбежала на крыльцо и скрылась в подъезде. Лена откинула голову на спинку сиденья. Входила жизнь, отпускало оцепененье. Все ее ошибки были результатом давнего бегства от самой себя. Разумеется, последние годы она не возвращалась с севера не потому, что между ней и городом, в котором жила ее дочь, лежала Печаль, а потому, что уже привыкла к своему выбору, к работе, к людям, среди которых были и

очень привязанные, хотя, как оказалось, не до гробовой доски.

Подошел улыбающийся парень. Попросил прикурить. Не говоря ни слова, она подняла стекло. Похоже, он ничего другого и не ожидал: пошел вразвалочку, пиджак через плечо. Было много народу на улицах. Отчего-то город сегодня основательно отдыхал. Она включила приемник. Рассказывали о каком-то сибирском селе, в котором нет ни дорог, ни телег. Больные сутками ждут попутную машину. Подумаешь о таком житье и почувствуешь себя счастливой.

Она открыла окно в машине и закурила. Если в России легко быть несчастным, то столь же легко и счастливым сделаться. Вот и Лена пытается внушить себе, что теперь-то уж, рядом с родителями и дочерью, все у нее будет хорошо, потому что далеко на севере остался городок, в котором плохо с развлечениями и из которого так трудно вырваться.

Молодые люди вышли из подъезда. Андрей нес обёрнутую газетой лучковую пилу, его очки держали солнечный свет, ниспосланный в этот день горожанам щедро и жарко. Вид у Андрея, несмотря на очки, был довольно спортивным. Вежливо поздоровался, предупредительно открыл дверцу машины для Анжелы. Но она пожелала сесть рядом с ним на заднем сиденье.

– Это Андрей, – представила дочь. – Мы с ним на следующие летние каникулы организуем мастерскую по реставрации флагов и стягов. Я предлагаю название ателье – "Стяжатель". А, маменька?

– Не обращайтесь на нее внимания, Андрей, – предупредила Лена, вырубивая на главную улицу. – Она всегда такой была, а уж если на нее обращают внимание несколько человек, она и вовсе заносится... Я помню вашего отца, у него лежал отец Анжелы. К сожалению, все кончилось печально... Как он сейчас?

– Слепой. Диктует книгу. Я восстанавливаю с микрофона, обрабатываю и читаю ему. Он слушает, просит что-то исправить, а я вписываю и печатаю. Тяжко на него глядеть. Надиктовывать – это какой-то другой талант по сравнению с написанием.

– Господи, за что хирурга наказывать слепотой? Кажется, не существует такого греха, которого нельзя простить хорошему врачу, – продолжала Лена.

На самом деле, она плохо помнила Демидова-старшего. Помнила факт. Виктор был в больнице менее суток. Как прихотлива судьба, как затейлив узор ее фантазий! Через много лет после гибели мужа она познакомилась с сыном хирурга, прикоснувшегося к Виктору последним. И они едут к могиле Виктора. И возможно, что он станет мужем дочери Виктора...

– Зато Андрей у нас не просто зрячий, а ясно-видящий! – вздохнула Анжела. – Он вообще...

Не так уж часто бывало, чтобы Анжеле не хватало слов для выражения своих мыслей. Пока она искала эти слова, Андрей спокойно объяснил:

– Задача состоит не в том, чтобы открывать во мне несуществующие таланты, а в том, чтобы не пройти мимо существующих.

– Недурно сказано, сэр, как говорили, кажется, у Диккенса, – похвалила девушка.

– По мне, ясновидение – это отсутствие склероза, – заключил Андрей с видом многоопытного медика.

– А что же там, в рукописи папы, если не секрет? – спросила Лена. – Это медицина?

– Нет, по-моему, это воспоминания.

– А маменька могла бы помочь вам по части русского, тут она просто дока! – заверила Анжела и

вдруг стала просить Андрея: – Расскажи, как в больнице медсестричка плакала!

– Расскажите! – присоединилась Лена.

– Это из рукописи отца... Летом восемьдесят шестого года он увидел в своем отделении рыдающую медсестру. Подошел, спросил, в чем дело, а она отвечает: "Дин Рид утонул!" Это певец, помните? Он переехал из Америки в ГДР и там утонул. Отец вытер ей слезы и говорит: "А я думал, это вы с конца апреля по поводу Чернобыля плачете!" Сейчас и о Дине Риде забыли, и о ГДР. А вот Чернобыль забыть нельзя...

– А еще он рассказывал про бабулю! – встряла Анжелика: очень уж ей хотелось отметить. – Бабуля написала жалобу: "Я ничего не вижу, но хочу читать произведения дорогого Леонида Ильича Брежнева!" И ведь ей сделали операцию вне очереди!

У Андрея длинные волосы выгорели прядями. Он их крутил на пальце за ухом и не замечал этого. Время от времени Анжела отводила его руку и, возможно, думала, что этому придется посвятить всю жизнь...

– А вы что – договорились сегодня встретиться? – вдруг по каким-то приметам догадалась Лена.

– А я написала Андрею закрытку, – призналась Анжела.

– Что это такое?

– Ну, открытка – это открытка, а письмо – закрытка...

– Действительно! – подивилась мать. – Как это я не догадалась? Придумали какое-то письмо! А тут – на тебе: открытка и закрытка! Все просто.

– А вы спросите ее, отчего дождь бывает? – предложил Андрей. – Она вам не говорила?

– А ну-ка скажи нам, Анжела, почему происходит такое явление природы, как дождь? – рассеянно повторила мать, всматриваясь в дорогу, чтобы не пропустить поворот направо.

– Подумаешь – смеются! – оборонилась Анжела. – Это круговращение воды, понятно? Зонтики после дождя высыхают, влага с них поднимается в облака, облака набухают и становятся тучами, которые и проливаются дождем опять на зонтики. Помнится, я этот урок пропустила по болезни и доверилась своей сообразительности.

– И твоя сообразительность тебя не подвела! – удостоверил Андрей. – Елена Сергеевна, вон там, у лесополосы поворот направо!

Кладбище за год сильно изменилось: и вширь разошлось, и вверх выметнулось верхушками деревьев, и омолодилось, и состарилось. Лене неловко было спрашивать, как вернее проехать к могиле Виктора. Все очень просто: могилы забываются. Поворот – не поворот?

Могилы, хоть и священные, но слишком печальны, чтобы не забываться.

Дочь почувствовала ее смятение. У нее это чувство выражено с малых лет.

– Маменька, вон наши березки!

Одна березка росла нормально, другая сильно наклонилась. В прошлом году она, кажется, никому не мешала. В прошлом году Лена приехала зимой после нового года. В один из первых дней они с Анжелой добрались до кладбища. Помнится, когда они стояли у могилы Виктора, Лена услышала какой-то странный, потусторонний звон. Обернулась. На могиле, которую она раньше не видела, стояла маленькая, наряженная ёлочка. Под ветром звенели ёлочные игрушки... Странно, она не помнит, когда выросли эти березы.

Лена притормозила машину: не успели они подъехать к могиле, как из кустов выскочил ханыжка, поднимая руки и семафоря ими. Неужели он все время здесь караулил?

– Мадам, мы с вами договорились на три бутылки водки, а вы мне изволили дать только две!

Он хотел помочь даме выйти из машины, но его опередил Андрей. Когда Лена захлопнула дверцу и легко коснулась темного узла волос на затылке, бомж одухотворенно вскинул над головой руку и хрипло повторил:

– Мадам!

Устремившаяся в его сторону Анжела выпалила ему в лицо:

– Вы как договорились с мадам? Вы делаете дело за две бутылки, а третья – как тринадцатая зарплата. Забыли?

– Забыл! – признался хитрый бомж. – Мадемуазель, вы только посочувствуйте мне! Вчера мы собрались вон в том недостроенном крематории. Как нам пилося, Боже, как нам активно пилося! В лампе у нас кончился керосин, и мы шпроты ели в полной темноте. Представляете? Потом мы из консервной банки сделали каганец и осветили свою скудную жизнь...

– Ничего себе – скудная жизнь: водочка под шпроты! – заметил Андрей.

– Мадам, не угостите ли меня сигареткой? – попросил ханыга, увидев, как она достала из сумки сигареты и закурила. – Страсть как курить хочется! Вообразите, я чуть в тюрьму не попал в девяностом году, когда курево исчезло! Вы никогда не читали в газетах того времени, как появился новый сексуальный маньяк? Писали, что он нападал на женщин среди бела дня, целовал их и отпускал с Богом. Можете себе представить, что это был я? Меня, конеч-

но, взяли, и на следствии я признался: "Все, кого я целовал, были курящие!" Табака-то в городе не было. Я пригрозил, что если не появятся сигареты, буду на курящих мужиков нападать. Они бы, конечно, скоро меня поколотили...

Смешно и невесело – вот таким сложился иронический талант России. С интересом слушавший бомжа Андрей буркнул:

– Ну да, они все там перепугались в правительстве и обеспечили вас табаком! Точнее, не вас, а тех, кого вы собирались целовать.

– Меня зовут Евгением Ивановичем! – бомж церемонно снял помятую шляпу и поклонился. – У этого молодого человека в голове не ветошь. – Он повернулся к Елене Сергеевне и показал на Андрея. Самому Андрею он ответил с ностальгическим вздохом: – Как мы тогда обрадовались: даже у Явлинского, как и у нас, алкашей, возник "План-500". Давно бы у нас спросили, у нас не было такого дня, чтобы мы не осуществляли план-пятьсот!

– Я слышал, что Елена Сергеевна обеспечивала вам "план – полтора литра"! – напомнил Андрей. – А вы ничего не сделали, согласно договоренности. Это не по-мужски.

Евгений Иванович заложил руки за спину и, слегка наклонившись, обратился к Анжеле:

– Он ваш лобызант?

Пряча смеющиеся глаза, Анжела подошла к матери, взяла ее под руку и наклонила голову к плечу, словно позируя перед фотообъективом. Но, не получив ответа, Евгений Иванович шагнул к Андрею и воскликнул, обдавая чувствительного медика перегаром:

– А это по-мужски – наобещать нам, что мы мирные люди и наш бронепоезд стоит на запасном пути, а на самом деле это был не запасный путь, а

тупик? То есть обмануть свой народ! Вот куда привели рельсы социализма! А я из этого тупика должен теперь пёхом шлепать!

Неожиданно он сорвал с головы выдавшую виды шляпу и картинно хватил ею оземь. Через минуту, поглядев на приехавших, он поднял с земли шляпу, сдул с нее пыль и объяснил, главным образом, Лене:

– Феномен "шапки оземь" – национальная черта русских. Я думаю, у избирательных урн срабатывает именно этот феномен. Электорат надо обеспечивать дорогими шапками – вот путь к стабильности его помыслов. Полезно и полы хорошо мыть...

– Ну ладно! – сказала Лена. – Было бы справедливым вернуть две бутылки водки, которые я вам дала, но это, я чувствую, никак невозможно. Меня будут успокаивать, по крайней мере, что я не отдала вам третью. Вы же из говорунов...

– Мадам, я очень деловой! Я, можно сказать, чрезвычайно деловой! Дайте мне еще один разьединственный шанс!

Быстрым шагом он подошел к березам и задрал голову к маковкам. У могилы отца Анжелы уже стоял Андрей с лучковой пилой.

– Сейчас Андрей все сделает, – сказала дочь матери. – Он здорово прилаживает очки. Они у него не слезают, хоть на батуте прыгай.

– Мадам! – пригласил Евгений Иванович. – Обратите внимание: здесь ничего невозможно сделать! Смотрите, если эту березу заломати, то она порушит надгробья! Поэтому мне пришлось в тоске и печали пить водку, не отработав должок...

– Разрешите, – попросил Андрей и легко полез на березу.

В руках он держал смотанную бельевую веревку. В трех метрах от земли Анжела подала ему

лучковую пилу. Веревку он привязал к самой верхушке, а второй конец веревки затянул на стволе пониже. Быстро спилил вершину дерева, которая повисла на веревке над чьей-то могилой, мать и Ангела быстро развязали веревку на отпиленном чурбане и снесли чурку с ветками на дорогу. Тем временем Андрей завязал веревку на очередном отрезке дерева, подлежащему опиливанию. Пила была острой, на резку шло несколько минут. Скоро и второй чурбан повис на веревке. Теперь Андрей сместил второй узел ближе к комлю, а когда резал последнюю чурку, то вообще обошелся без веревки: держал отрезанную часть за ветку. Сам комель он подпилит двумя резами на разных уровнях – по науке. Стоявший недалеко бомж восхищенно произнес:

– Напрасно я надеялся на везение: приобрести талант лесоповальщика мне не помогут, и пять тузов на руках...

И пошел прочь по направлению к недостроенному крематорию. Лена открыла машину, достала бутылку водки и крикнула бомжу:

– Евгений Иванович!

Тот остановился. Увидев водку, не смог сделать ни одного шага – окостенел. Лена сама подошла к нему и отдала водку:

– Выпейте за упокой души мужа моего и отца моей девочки Виктора!

Андрей, отряхивая с себя опилки, продекламировал:

– Отправляясь в отпуск, не забудьте водку-с!

Осенью Лену приняли преподавателем русского языка и литературы той школы, где училась Ангела. Приняли не без помощи отца. Говорят ли за границей "по знакомству"? Или знакомство, блат входит в сферу лоббирования?

Анжела с сентября пошла в одиннадцатый класс. По утрам они с матерью бежали на шоссе, дожидались своего автобуса и ехали в город. После уроков Анжела заглядывала к бабушке, но чаще встречалась с Андреем, и он ее провожал или к автобусу, или к школе, если об этом договаривались с мамой. У Анжелы была записная книжечка, куда она заносила расписание Андрея и матери, а также автобусное расписание и даже расписание поездов, хотя железная дорога проходила довольно далеко от Кизиловки, а полустанок, где останавливались поезда, вообще был в пяти километрах.

Машине Сергея Петровича был определен, как ляпнула Анжела, "стойловый период" – зимнее пребывание в гараже. Пока стойловый период не был определен, мать и дочь ездили в город на машине. За продуктами Лена заезжала попутно, в театры и кино они почти не ходили. Лена говорила: "До лучших времен", но понимала, что фраза эта беспечна. Лучших времен не будет. В городе она почти не беспокоила родителей. Они до сих пор полагали, что ставят дочь на ноги, но так упорно можно только на колени ставить.

Анжела была готова все время проводить с Андреем, но Андрей придавал значение хорошим оценкам в дипломе, а еще ему нужно было ухаживать за отцом, и Анжела тоже стала больше бывать с маменькой.

– Маменька, – призналась она однажды, – во мне просыпается большой и прекрасный Тимур, и его команда!

– Это как понимать? – уточнила Лена, еще не очень привыкшая к заячьим прыжкам мыслей у дочери.

– Я хочу, чтобы тебе хоть немножечко легче было жить!

– Спасибо, доченька! Когда я с тобой, мне легко.

А про себя Лена подумала: как же это она пыталась решать семейные задачи без дочери?

Едва ли не под влиянием того Большого Тимура Анжела решила посетить свою бабушку по отцовской линии. Раньше она как-то не задумывалась, почему на ее памяти обе бабушки ни разу не встретились? Потом она повзрослела, и вопрос отпал сам собой. Потом она поумнела и результатом ее раздумий явилась идея Большого Тимура, которому, понятно, до всяких бабок дело есть. Однажды она сказала маменьке, что после школы, возможно, задержится. А возможно, и нет, добавила она для хитрости. Они ежедневно информировали друг друга о своих планах. Больше дочь ничего не сказала, но мама почувствовала, что планы Анжелы, вероятно, более определенные, чем информация в ее беспечной, расплывчатой фразе.

В тот день предстояло высидеть пять уроков, и она высидела. После школы Анжела доехала до медицинской академии. Выйдя из троллейбуса, осмотрелась, нет ли где Андрея, который мог бы ей помочь, как сейчас говорят, в порядке информационной поддержки. Но Андрея и не могло быть: он занимался в клинике. Девушка перешла на другую сторону и скоро отыскала нужный номер в ряду частных домов. На двери она крутанула ручной звонок и вслушалась, как исследователь, прозванивающий вселенную. Вселенная оказалась конечной: шаркнули подошвы домашней обуви, замерло дыхание у глазка. Зашлась лаем собака в конце коридора. Дверь открылась, цепочкой с той стороны не воспользовались. Значит, гостью не боялись, но это вовсе не означало, что ей рады.

Ах, какая ты умница, похвалила себя Анжела, разглядывая седовласую Веру Васильевну, потре-

воженную в своем доме и готовую отповадить любую обпшмыгу за порогом. Умница, что не боялась, не постеснялась, не поленилась пред неприятным человеком, который, может, и вытурит тебя. Да нет: бабка через глазок углядела неопасного человека, а может, и узнала внучку. Маменька говорила, что несколько раз видела на кладбище Веру Васильевну, а с маменькой была и Анжела. И никогда они не встречались, но, скорее всего, знали друг друга.

– Проходи! – сказала бабка.

Позади нее дергались чьи-то головы: старались разглядеть молодую, непонятную.

– Проходи! – подхватили головы, сблизу беззубые и сивые.

– Я ненадолго, – предупредила девочка.

– Чего ж ненадолго? – спросила хозяйка. – Могла бы и не торопиться, коль за шестнадцать лет впервой зашла.

– Нет, я уж лучше ненадолго, – отрезала гостя.

– Как хочешь! – Вера Васильевна поджала губы.

Они прошли в комнату, Вера Васильевна указала на стул и сама уселась напротив внучки. Комната у нее оказалась большой, с высокими потолками. Дверной проем, забранный плотной материей с кистями понизу, свидетельствовал, что есть и другая комната, а исчезнувшие в коридоре прихожалки, а может, и приживалки, видно, удалились не то на кухню, не то еще куда.

Ни одной фотографии сына. Может, где-нибудь на стене висит маленькая или в альбомах прилажена в прорези?

– А это мой дед? – спросила Анжела и кивнула на большую фотографию, висевшую на ковре.

– Как тебе сказать? – прикинула бабка.

– Поясните! – попросила Анжела.

До нее дошло, что о ней может сложиться не самое благоприятное впечатление. Ну и пусть! На удивление легко Вера Васильевна согласилась говорить, только жестко сощурила глаза. Скрипнула дверь, показались две женские головы, одна поверх другой. На скрип она не обернулась, а только завела за спину руку и махнула. И головы скрылись, как будто кто-то их сзади дернул за космы. Двери захлопнулись.

– Ходят тут... Как не стало деда, так и жужжат, и жужжат! Самовар то нальют, то выхлебают и жужжат. Крутятся тут, как шагающие экскаваторы.

– Почему вы так странно сказали про деда? – перебила девушка. – Он мне не родной?

Взгляд у старухи под седыми бровями был еще сноровист и цепок. Она уже все оценила в девушке и во всем разобралась.

– Дюже красивая ты! – ответила. – Ресницы индо тучи разгоняют. Не в нашу породу. А откуда в нашу-то? Мы с Андрей Андреечем уже лет десять прожили, а детей все не было и не было. Мне мама, покойница, царство ей небесное, говорит: "А ты, Верка, найди себе покрасивше, да и слубляйся с ним!" А потом сам Андрей Анрейч шепчет мне: "Дитя от Бога, а не от мужчины. Нет греха, если женщина семя ищет!" А сам плачет. Ну, уговорил, а толку никакого – так и не понесла я. Пришлось из приюта брать младенца. В очереди стояли. Зато такой сынок сызмалу хороший попался, поладился нам...

– Это мой папа? – изменившимся голосом спросила Анжела.

– А то! – удостоверила хозяйка, явно довольная, что новость поразила эту ссыкуху. – Так что мы с тобой в родстве не состоим, и я тебе в своем завещании ничего не отрядила.

– А мне ничего и не нужно! – воскликнула Анжела. Господи, за кого ее здесь принимают! – Я хотела просто познакомиться, маме приятное сделать, – добавила она, поднимаясь со стула.

– Слушай! – Вера Васильевна тяжело встала и подошла к старинному шкафу с посудой. – Ты у меня не купишь рюмочку вина? Хорошее вино, густое...

Анжела не отозвалась и вышла за дверь. Все-таки ее настигла прощальная фраза хозяйки:

– Такая девка в ведре за ж... не ухватишь!

Девочка остановилась, подождала, пока двери не пропустили грузную фигуру бабки, и крикнула:

– Рядом с такой женщиной, как вы, Вера Васильевна, мне хочется стать антикрысином!

Сказала и вылетела с крыльца за калитку.

Человек – это животное, способное стать Богом. Не всегда оно становится Богом. Не всегда даже на задние конечности поднимается. Глядя прямо перед собой и не видя ни зеленой листвы, ни вообще светлого дня, Анжела мысленно кидала в лицо бабки: "Ненависть – слишком высокое чувство в общении с вами. Я вас всего лишь презираю. Но вы-то меня высоко ненавидите!"

Домой она вернулась, когда короткий осенний день уже кончился. Спустившись от автобусной остановки к барскому дому Оболенских, она увидела мать, которая шла от хлебного магазина. Анжела обрадовалась, как будто не видела маменьку, по крайней мере, несколько дней. Взяла ее под руку и прижалась.

– Что ты, доченька? – спросила мать.

– Помнишь, ты мне говорила о каком-то композиторе, у которого был альбом, куда гости могли записывать только светлые мысли?

– Я могла тебе говорить разве что о Сергее Сергеевиче Прокофьеве. У него был "солнечный аль-

бом", туда можно было писать только о солнце... Это у того Сергея Прокофьева, которого затоптали и заплевали в газетах и на собраниях.

– Да, да, солнечный альбом! Маменька, а за что они его?

– За гениальность.

– Фу, какая я дура! Ничего этого не знаю. Ты ведь тоже в те времена не жила? А все знаешь. Совершенно не обязательно быть свидетелем, правда? А то, как наш дед Николай, брат деда Сергея, отсидел семь лет в лагере и однажды сказал: "А в интересное время мы жили!"

– Господи, я их семью не видела целую вечность! – пожаловалась мать. – В прошлый раз мы с Настей так и не увиделись.

Открыв калитку, они обошли свой дом и поднялись на крылечко технического входа. Дача сразу предназначалась первому строителю Сергею Петровичу Плугину. Поэтому в замысле архитектора присутствовал некий, вполне простительный излишек: два входа. Второй, технический, планировался для уборщицы. Уборщице полагалось убирать туалет и коридорчик, в котором размещалась и кухня и куда выходили обе комнаты. Лена не помнит, была ли тут когда уборщица, но она помнит, что парадную дверь, ведущую на веранду, когда-то закрыли на висячий замок и с тех пор все ходили через заднюю дверь. Лена не очень задумывалась над логикой хозяйских новшеств, но когда Анжела летом потеряла ключ, и они какое-то время ходили через парадную, обе почему-то обрадовались после того, как сделали несколько запасных ключей для задней двери. Такова человеческая натура. Надо быть хозяином, чтобы разобраться в привязанностях, которые становятся привычками, а то и хозяйскими традициями. А ведь очень неудобно

было принимать гостей с черного входа и водить их через комнаты на веранду. С некоторых пор парадную дверь открыли окончательно – уже по инициативе Лены.

Едва раздевшись, мать стала готовить еду. По тому, как Анжела крутилась рядом, Лена поняла, что у дочери есть какой-то разговор. Подождала, пряча лицо.

– Маменька, знаешь, где я была? – обмолвилась дочь.

– Не могу догадаться.

– Я свалилась, как блин с Останкинской башни, на бедную головушку Веры Васильевны...

Лена выпрямилась у кухонного стола, сокрушенно взмолилась:

– Господи!

У Анжелы крупные кудри затряслись от смеха.

– Ты насчет блина удивляешься или насчет бедной головушки Веры Васильевны?

– Чаще всего ты меня удивляла комплексно. По-режь, пожалуйста, сыр.

– Это голландский?

– Кажется.

– Нет, у голландского ноздря значительнее. А ты знала, что папка – не родной сын Веры Васильевны?

– Знала...

– А почему не сказала мне?

– А какое это имеет значение?

– Я хочу все знать об отце!

– Ты не помнишь: я тебе говорила.

После обеда, который по времени можно бы назвать и ужином, Анжела устроилась с ногами на диване и стала читать какой-то учебник. В эти минуты Лена старалась ее не отвлекать. Правда, отвлечь Анжелу было трудно: она умела сосредоточиться

до такой степени, что выходила из своих глубин не сразу.

Один раз Анжела сама заговорила с матерью:

– Я хочу съездить к тете Насте и бабушке Коле, я их ни разу не видела.

– Ну что ж, – сразу согласилась Лена. – На зимних каникулах и езжай. Они живут в Норкине, это не так далеко. Правда, Настя в письмах уверяет меня, что залилась слезами от желания приехать к нам.

С видом ученого знатока Анжела произнесла: – Отчеты последних лет убеждают нас, что Москва, равно как и город Норкин, а также дачный поселок Кизилровка, по-прежнему не верят слезам. Вот так, таковы факты!

IV

Вечерами мать и дочь по договоренности употребляли "разгонный пряник". Лена вспомнила, как в оные времена в Туле существовал обычай на праздники подавать "разгонный пряник". Это означало, что наступает время, когда гости должны расходиться. Хватит, баста, поимейте совесть!

Мать рассказала дочери эту легенду, чтобы не очень засиживаться за разговорами. Мысленно съел пряник и – в постель: завтра обеим рано вставать. Они уже поняли, что если не приложить усилий, то девичник и за полночь не разойдется.

Но и после "разгонного пряника" Лена долго лежит в темноте с открытыми глазами и уверяет себя, что ни о чем не думает, а на самом деле думает, но как-то бессюжетно, бесфамильно: воспоминания летучи, но легки они не более чем густой туман, движением головы от них не избавишься. В темноте на потолке зловещие черные дыры. Светлых дыр вообще не бывает. Светлую дыру найти, как философский камень отыскать.

Надо признаться, что потрачена впустую лучшая часть жизни. Все началось с обиды на судьбу. Господи, это же обида на Тебя! Она долго приходила к Богу, она пробиралась к Нему через тернии чиновничьего зла, через возвращенный в людских душах плановый атеизм. Неужели, когда она впервые уезжала на север, в ее глазах тоже отражался тусклый оловянный свет, идущий из тоннеля в самом его конце? Метафора вбирает в себя не только идею наступления эпохи света и справедливости, но и тяжкую участь людей большой страны, всю свою историю шагавших из тоннеля в тоннель...

Поначалу, после ее отъезда с маленькой Анжеликой, ей самой бегство из родного дома представлялось социальным протестом против прижимистых и лицемерных отцов. Конечно же, она помнила, как родители все сделали, чтобы она не встречалась с Виктором. Но Виктор погиб. Отца за какие-то грехи попросили из "Промстроя". А Лена, с правом которой на уход из семьи смирились, вдруг вернулась к родителям, к нулевому варианту. Уезжая от горькой судьбы, вернулась к горькой доле. Когда у вагона поезда она увидела Анжелу, пришла в голову врачующая мысль: теперь уезжать отсюда – грех. И сразу ушла гордыня. И Лена простила родителей, готовых снова и снова упрашивать ее остаться дома и никуда не уезжать. Уговорить ее на этот раз было делом простым, потому что она и сама уже все решила. Зато жить с родителями она под разными предложениями отказалась. И сослужила ей добрую службу вот эта дача. Родители в любом случае достойны любви, и дочь обязана не держать зла на отца с матерью.

Самая большая вина у нее перед дочерью Анжелой. Несколько раз она брала ее с собой на север, но каждый раз непростая жизнь, когда рядом нет

человека, на кого можно оставить ребенка, заставляла ее отказаться от мысли окончательно переселиться на север. Слава Богу, Анжела не проучилась там ни одного дня и не испортила свою изначальную устремленность к добру и свету.

Сегодня Анжела ее огорчила: пошла к бабке Терентьевой.

Зачем? Ведь там наверняка посчитали, что визит продиктован вопросами наследства. Однажды Лена с маленькой Анжелой были у могилы Виктора. Когда они уходили, Лена заметила Веру Васильевну у соседней могилы. Все это время она пряталась за памятником и ждала, когда они уйдут.

У Анжелы своя комната. Свет еще не выключен. Иногда она выходит на кухню, что-то моет под краном и начинает хрустко есть. Яблоки! Потом пройдет через свою комнату на веранду и слушает дождь. Господи, хоть бы Анжела набрела на свою счастливую стезю! Она талантливый человек, ей только должно повезти. И счастья ей с Андреем, и долголетия, и детишек под силу.

В сентябре, когда сняли яблоки, Лена с удивлением обнаружила, что стала лучше спать. Подумав, она догадалась, что ночью ее будили падающие на крышу яблоки. Это так ее обрадовало, что она решила наперед больше не бояться бессонницы и, если не спать, то исключительно в ожидании положительных эмоций от этой мирной бомбежки.

Среди ночи, когда она решила, что уже не уснет, раздались чьи-то шаги на веранде. Ходили без утайки, но света не включали. Болела голова, и вопрос, кто там ходит, был для нее достаточно отстраненным. Видимо, она все-таки задремывала ночью и не слышала, когда Анжела перестала бродить по дому. На веранде закашлялся мужчина. Бездумно она открыла дверь и включила свет. У выставленной сте-

клянной створки стоял усталый, седой человек в темном костюме, изрядно промокшем под дождем и перепачканном дачной грязью.

– Ради Бога, не пугайтесь! – предупредил он негромко, а сам, похоже, тоже испугался.

– Кто вы? – спросила Лена, головная боль мешала ей осознать опасность и закричать.

– Я к Сергею Скачкову...

– К Скачкову, который живет на другой улице?

Но знакомая фамилия ее немного успокоила.

– Ошибочка произошла, – признался мужчина и сел на один из двух стульев у стола. – Я сел без приглашения, потому что всю ночь искал дом Скачкова. А тут дождь. Месил грязь по Кизиловке. И вдруг смотрю – его дача! Только почему-то замок на двери. А Сергей мне сказал: приезжай в любое время. Я не то, чтобы специально ехал: нечто среднее между несрочным делом и случайным визитом. Я был у Скачкова раза два, но тут понастроили за это время дач – ой-ёй-ёй! Ночью увидел я вашу дачу, которую принял за дачу Скачкова, уперся носом в замок и размышляю насчет человеческой обязательности. А дождь не перестает. Посмотрел я на вашу веранду, а там одна рама едва на гвоздиках держится, и стремянка под яблоней стоит. Вот и все. Я просто должен был спастись жизнь...

Лена стояла у двери в свою комнату. Где-то в тумбочке у нее валялся газовый баллончик. Она даже улыбнулась, вспомнив о своем оружии. Но седой и, похоже, не очень старый мужчина не собирался ни нападать, ни бежать. Он поднял на Лену глаза и спросил:

– Можно мне задать вопрос?

Заметил, как она быстро кивнула – скорее в испуге, чем в знак согласия.

– А как вы живете, запертые извне? Вас муж так идиотски наказал?

– Нет, ходим, как все, через дверь, только дверь с другой стороны.

– Вон оно как! Кругом пятьсот!

– Вы промокли, куртку я вам дам, а брюк у меня нет.

Строго говоря, где-то были садовые брюки отца, но она и так много позволила незнакомому человеку. Ощущая спиной страх, Лена открыла дверь в свою комнату, по дороге открыла тумбочку, нашарила баллончик и спрятала его в кармане халата. На кухне она, не включая света, нащупала в шкафчике куртку и вернулась на веранду.

– Вас как зовут? – спросила.

– Константин Иванович Лебедев, – с готовностью представился знакомый Скачкова. – Я машинист электровоза. Мимо вас часто езжу. А с Сергеем Скачковым мы учились в институте.

– Чтобы водить электровоз, необходимо высшее образование? – удивилась она.

Через голову он стал надевать застегнутую на все пуговицы куртку. Голова не пролезала. Лена подошла и расстегнула верхнюю пуговицу. Он глубоко вздохнул и счастливо улыбнулся.

– Я был начальником депо – ответил. – Но машинист зарабатывает больше, и я ушел в машинисты.

– Я вам сейчас чай приготовлю, – вдруг спохватилась она и быстрым шагом пересекла свою комнату.

В ее характере было внезапно, как от озарения, распахиваться душой, и тогда улетучивался страх, и исчезала настороженность. Она потрогала в кармане газовый баллончик. Ей было стыдно, что она подумала о человеке плохо. И почему-то не хотелось, чтобы проснулась Анжела. Ах, до чего же непосле-

довательный у нее, с провалами, характер! Впрочем, провалы и есть особенности характера, без которых он бывает прямоточным и предсказуемым. Ни разу в жизни ей не удалось привлечь внимание мужчины тем, что у нее затейливый характер.

Поставила чайник на плиту, сделала бутерброды с сыром и колбасой – целую тарелку. Когда вернулась на веранду, он курил у выставленной рамы.

– Я не успел вас отговорить: несколько часов поголодать – это не голод. Спасибо вам! – Он выкинул сигарету в сад и взял бутерброд. – Сейчас я прибью раму и пойду на станцию.

Ей показалось, что в зашторенном окне дочери мелькнул свет: по ночам она включала фонарик и глядела на часы.

– Не выдумывайте! – жестко отвела она. – Отдыхайте вот на этой раскладушке. Мансарда у нас дочерью надстроена. Но здесь холодно не будет: у нас много одеял. Раму мы потом вставим. Нам еще предстоит внедрить энергосберегающую технологию – заклеить окна. И решетки поставить, как у Скачковых...

– А дочка большая? – спросил он.

– В одиннадцатом классе.

– А в моей биографии ничего примечательного не было, – решил поделиться он. – Двадцать лет работаю на железке, двадцать пять лет курю, пятнадцать лет состоял в партии...

– Я так понимаю, что вы жалуетесь на судьбу, которая, однако, наделила вас неунывающим характером и способностью легко обходиться без Скачкова, – заметила она.

Седые его волосы были коротко стрижены. Сидя за столом, он крутил чашку с горячим чаем. Съел один бутерброд с сыром.

– Да нет, – возразил хозяйке, – без Скачкова разве это жизнь? А насчет характера – вот послушайте, какой у меня дурацкий характер. Осенью купил я на базаре у азербайджанца два килограмма помидоров. Уходя, услышал, как какая-то женщина просит у того же азербайджанца несколько помидоров. А денег у нее нет. Я вернулся. Спросил, не пьет ли она. "Нет, не пью, пенсия маленькая и вообще..." Глаза у женщины честные, ей-богу! Я ей дал тысяч десять. Она стала плакать и целовать мне руку. Я едва тоже не заплакал. Азербайджанец вышел к женщине из-за своих весов и сунул ей несколько помидоров. А рядом стоял дагестанец, который торговал арбузами. Так он дал ей большой арбуз и сказал, что ежедневно раздает десять-двадцать арбузов.

Константин Иванович рассказал это как-то невесело. Пожалуй, рассказ ничего не прояснил в его характере. Щедрый он, добрый? Или не в меру доверчивый и его легко обвести вокруг пальца? Уточнять она не стала. Малоознакомые люди почти всегда проходят в своих отношениях такую стадию, когда эти отношения могли бы стать более дружественными или менее настороженными, если бы вовремя выяснить какую-то незначущую мелочь, но в том-то и дело, что та пресловутая стадия не позволяет им ничего уточнять и выяснять, и отношения прерываются.

Все-таки он стал есть бутерброды, и прихлебывать чай. Чашку опорожнил быстро. Лена пожалела, что не принесла чайник и пошла на кухню, все еще замирая от страха. Вернувшись, налила ему чай покрепче. Его пиджак висел на спинке стула, и она обратила внимание, что правый рукав пиджака сильно порван. Она подошла, потрогала: оторвано по шву. Он объяснил:

– Это на станции. Подходят ко мне двое и прямо-таки требуют сигарет. Надо сказать, я терпеть не могу, когда у меня не то, что требуют, а даже просят сигареты. Не можешь курить – бросай курение! Ну, вот от удара я ушел, но оба повисли у меня на руках, пришлось их стряхивать...

– Господи, – воскликнула она, – хоть с пистолетом ходи!

Он снова закурил, она поставила перед ним пепельницу и закурила сама.

– Я бы и купил пистолет, – усмехнулся Константин Иванович. – И деньги есть, и продавца держу на примете. Но, представляете, стрелять решительно не в кого!

Ей даже страшно сделалось от мысли, что она может чувствовать себя спокойно с незнакомым человеком. Более того, чудесным образом ей стало казаться, что Константин Иванович не такой уж незнакомый ей человек. Вот сейчас она подойдет к нему, покажет газовый баллончик и скажет, что сильно испугалась его, а теперь ну вот нисколько его не боится. Но у нее хватило ума не делать этого.

– Так что я, похоже, буду по-прежнему ходить без пистолета, – заключил он. – Ничего, водоканал доводит до сведения, что под лежащий камень в ближайшее время вода не потечет.

Он широко улыбнулся. Был Константин Иванович крепок не только плечистой фигурой, но и крупными, сплоченными от природы зубами, назначение которых являть здоровье, аппетит, умение перемолоть мозговую косточку. Мысленно она укорила себя за то, что любит его и ничего ему не ответила. А он, оказывается, улыбался потому, что вспомнил давнюю историю:

– Сказал про лежащий камень и вспомнил... Когда я еще учился в институте, мы с земляками круп-

но выпивали в Москве. Кстати, Сергей Скачков принимал активное участие. Напоследок мы решили выпить у памятника Дзержинскому на Лубянке. Ничего заявочка? Это было уже за полночь, потому что, помню, народу на площади – никого. И машин мало. А мы выпиваем с приплясом в честь железного Фели. И вдруг со стороны конторы Дзержинского идут два человека быстрым шагом. Потом мы разглядели – милиционеры. А у нас еще бутылка "столичной" непочатая. Когда стало ясно, что менты направляются к нам, кто-то приподнял лежащий камень низкой оградки. Знаете? И в ямку уложил бутылочку до лучших времен. Менты были вежливы, забирать нас не стали, а предложили разойтись по домам. Через много лет, когда после путча двумя кранами народ сбросил железного Феликса, я глядел телевизор и думал: ну, ладно, Дзержинский не уцелел, а как там наша бутылка слезоподобной "столичной"?

Боясь потерять момент, почему-то очень нужный для нее, Лена быстро спросила:

– Вы любите выпить?

Насмешливо и независимо он глянул на женщину и ответил:

– В Москве однажды я попал в больницу, когда учился. Помню, в это время студенты-медики сдавали зачеты. Им распределяли больных, и они ставили диагнозы. Ну вот, одному студенту достался мой сосед. Такой благообразный армянин, я и фамилию его помню – Айрапетов. Студентик, чтобы поставить диагноз, начинает опрашивать его. Это у них называется сбором анамнеза, И, значит, задает обязательный вопрос: "Вы пьете?" Мой сосед Айрапетов ответил, знаете как? Я на всю жизнь запомнил... Он сказал: "Уважающий себя человек не пьет!" Простите меня...

– И вы меня простите! – растерянно повторила за ним Лена.

Ей, в самом деле, было неловко, что она углядела в его словах зависимость от выпивки, когда у человека ярче всего в любом рассказе прорисовывается бутылка.

Помолчали. Дождь шелестел снаружи. Филька-пес незлобиво отвечал соседским собакам. В выставленную раму накатывал студёный ветер и подергивал кремовую занавеску. Лена снова пошла на другую сторону дома через свою комнату и принесла два одеяла и тулуп, оставленный бог знает когда, каким-то егерем во времена отцовских увлечений охотой.

– Ложитесь на раскладушку и постарайтесь уснуть. Под тулупом не замерзнете! – распорядилась Лена и взяла сигарету, которая дымила у нее в пепельнице.

– А я сейчас выпрыгну наружу и вставлю раму! – пообещал Константин Иванович, поглядел на хозяйку, увидел ее неодобрение и добавил: – Сдается мне, проблему пингвинизации южного полюса удобнее всего обсуждать в Сочах, слушая знойную певицу и остужая себя ледяным пивом.

– Станете прибывать – разбудите дочь, – спокойно предупредила Лена.

– Ваша дочь здесь? – спросил он.

В это время скрипнула дверь. Анжела стояла на пороге своей комнаты, придерживая на груди ворот красного халата.

– Можно подумать, сегодня день святого Валентина, – заметила она, щурко вглядываясь в часы на ладони. – С ума сойти, как рано сегодня начинается утро! – Остановилась у выставленной рамы, сказала, поживаясь: – У вас тут не угоришь! Холод, аж нос свертывается в трубочку...

– Девушка, какая вы нелюбопытная! – укорил Константин Иванович. – Я, можно сказать, пришел в гости, а вы не спросите, кто я такой и откуда появился.

Мама поспешила сгладить неловкость:

– Анжела, это Константин Иванович, он не пришел в темноте дачу Скачкова и ... постучался к нам, а это моя дочь Анжела.

– Как славно! – воскликнула дочь Анжела. – В следующий раз, когда я не найду в темноте свою школу, то выставлю раму в доме директора школы, чтобы передохнуть...

Зная свою дочь, мать нахмурилась, кажется, еще до того, как Анжела закруглила фразу. Неусидчивый Константин Иванович забегал по веранде, сдерживая смех, потому что неудобно хохотать на рассвете в чужом доме да еще при такой дурной погоде.

– Анжела, пощадите, Христа ради! – взмолился он. – Веселый у вас дом, век мне забугрянки не видать!

– Это что еще за божба такая: век забугрянки не видать? – спросила девушка, вдруг приутихнув.

С большими зеленоватыми глазами, она стала похожа на кошку, которая вдруг заметила бумажный бинт на ниточке – забаву малышей. Следила глазами за шустрым гостем, шагающим по веранде.

– А такая божба, что ни разу не выезжал за бугор, не расширял свой горизонт, понятно? Горизонт мой задали мне Маркс с Лениным, а мне хотелось, чтобы еще кто-то пособил и чтобы я не только в своем отдельно взятом глазу отдельно взятое бревно увидел.

– А чтобы всю отдельно взятую вселенную проехал? – предложила свою редакцию Анжела.

– Но чтобы непременно вернулся в мою отдельно взятую хату с отдельно взятого края, – уточ-

нил Константин Иванович, отчего залаял во дворе Филька.

Анжела привыкла, чтобы последнее слово оставалось за ней: – Вы только не обижайтесь, Константин Иванович, я вас знаю менее четверти часа. По этой причине я не могу вас назвать человеком года. Но ваш визит произвел на меня столь сильное впечатление, что я придумаю сейчас что-нибудь в этом роде... Человек года, как мы уже договорились – рановато. Человек сезона – как-то легкомысленно. Человек месяца – не очень почетно. Давайте: человек квартала, а? Я присваиваю вам почетное звание человек квартала! Заметьте, я сказала: человек. Какой-нибудь ехидный мог сказать: получеловек.

– Анжела! – Лена постучала пальцами по столу, негромко, но настойчиво.

Константин Иванович снова закурил у выставленного окна. Отозвался, держа сигарету снаружи, едва не под дождем.

– Анжелочка, вы не горячитесь. Вы ведете себя так, словно чувствуете, что останусь здесь навсегда. А я скоро уйду. Советую вам поставить решетки на веранде...

Лена, услышав в словах Константина Ивановича обиду, заторопилась:

– Давайте завтракать, мы в это время уже встаем.

V

В этих местах долгий дождь по осени переходил в дождь непрерывный, похолодание со временем оборачивалось настоящим холодом, а мокрый снег незаметно становился сухим и хрустким. В нынешнем году небесная канцелярия работала именно по этому графику.

Лена после той памятной ночи с согласия родителей пригласила мастера и поставила на веранду решетки, а окна были давно обрешечены. Слава Богу, успели до холодов. Когда однажды Анжела пришла домой и оглядела зарешеченную веранду, у нее вырвался вздох.

– Тебе не жалко? – спросила она мать.

– Что именно?

– Да вот, – Анжела кивнула на решетку. – Теперь уже никто не залезет к нам в дом...

Поразившись, что ей тоже приходили в голову такие мысли, Лена сделала вид, будто ее веселят слова дочери.

– К счастью, – ответила Анжеле. – Ты думаешь, с тех пор я хожу и напеваю: "Подарил четыре пряничка – растаяли в руке"?

Ответила не то, о чем думала. А думала она о неопределимой словами памяти, какую оставил после себя странный ночной гость. Нет, конечно, это не любовь с первого взгляда, как, возможно, подумала дочь. Не щемит сердце, не подкатывают слезы, не распаляет бессонница. В молодости у нее однажды исчез аппетит, когда она в кого-то влюбилась на том истощном севере. Вроде еще и Виктора помнила. А тут ничего такого и близко нет. Просто смешная история, ставшая приятным воспоминанием. И все-таки ей не давались слова, точнее всего отражавшие ее состояние. Как будто какой-то крохотный косметический дефект обнаружился на лице. И не беспокоит, и почти не определяется, а все время тянет глянуть на себя в зеркало. Где-то под сердцем осталась досада, что случай получился такой бессмысленный, нелогичный, просто ничемушный.

– Ой, маменька! – воскликнула Анжела, вертясь перед зеркалом: в ее комнате их было не меньше десятка. – Ты когда-нибудь думала о моем будущем?

– Все время думаю, – призналась Лена.

– И что надумала?

– У тебя какие-то настроения лежачего камня...

Сдув со лба челку, Анжела артистически рассказала не то притчу, не то придумку:

– Корили лежачий камень за безынициативность, а он себе лежал и лежал, и под него не текла вода. Наконец ему надоели укоры, и он стал ворочаться и подпрыгивать. В девичьем варианте – прыгать через скакалочку... И потекла под него вода. И никому не приходило в голову, что камень-то краеугольный! И он лежать должен, а не прыгать!

– Ах, ты моя краеугольничка! – с нахлынувшей на нее нежностью пожалела Лена. – Ты способный человек. По-моему тебе без особого труда удастся юриспруденция.

Они не впервые об этом говорили: пора выбирать институт и уже нельзя ошибаться, и опасно переиначивать. И все-таки Анжела переиначивала и, значит, тот, предыдущий выбор был ошибочным. Но вот насчет юридического института речь заходила не впервые. И сегодня снова они говорят о юридическом.

– Маменька, а юристом я стану, потому что у меня талант – болтать? Не маловато ли для юриста? По работоспособности я чувствую себя Сизифом... Наверное, так нельзя сказать. У Сизифа не мышцы щупают, а дивятся его терпению, с каким он испокон века делал бесполезную работу. Правда, маменька? При развитом социализме Сизифу всегда работенка находилась. А вот при капитализме его обязаны уволить с работы. Не будем брать пример с Сизифа. Пожалуй, маменька, я пойду, как Андрей, в медики. Андрей сказал, что в человеке будущего медика определить трудно.

Летаргия медицинского таланта может напоминать летаргию вулкана.

Лена отвернулась, чтобы дочь не увидела ее улыбки, но сдержаться не смогла. Много раз мать говорила дочери, чтобы она подумала о медицине. Сердце у нее доброе, память хорошая, руки нежные и крепкие. Она просто рождена быть медиком, но Ангела почему-то эту мысль отвергала. И вот сейчас она уверена, что идея стать врачом принадлежит ей, Ангеле. О том, что мама давно предлагала ей подумать о медицине, она и не помнит.

– Хорошо, Ангела, – согласилась мать. – Думаю, Андрей будет тебе помогать.

– Конечно! – подхватила дочь. – Андрей так и ждет, чтобы сделать из меня медичку и натянуть на меня врачебную шапочку. Могу поделиться с тобой наблюдением... Хочешь? А если не хочешь, я все равно поделюсь! Ну вот, человек так устроен, что если он исповедует любовь, скажем, к сопелке, то он не просто будет ее тихо любить, но постарается всех перетянуть в сопельщики. Даже альтиста Данилова! Земля – планета сопельщиков, а?!

Лена занималась невидными домашними делами: то тряпочкой пройдет по дереву, то уберет эту тряпочку, то ищет, куда она ее дела.

– Откуда ты знаешь про альтиста Данилова?

– А тут на даче старые бабушкины журналы, я их читаю. Так интересно! А что?

– Мы когда-то с твоим отцом читали. Те же журналы...

– Маменька, это я должна своего отца вечно помнить, а у тебя все сроки прошли. Никто тебе слова не скажет, если влюбишься.

– Я пыталась.

Вид у матери был растерянный. Бездумно она держала в губах дужку очков, которые надевала

только дома. Даже при дочери она не пользовалась ими и предпочитала отложить книгу с очками, когда в комнату входила дочь.

– И не получается? – не смущаясь, спросила дочь.

– В конечном счете нет. – Мать виновато пожала плечами: в конкретных случаях, какими сейчас представлялась ее судьба, она винила одну себя. – А ты уроки учила? У тебя есть удивительное качество: уроки ты делаешь абсолютно незаметно.

– Нет, маменька, это у тебя есть удивительное качество не замечать, когда я делаю уроки. Маменька, как ты думаешь, не поехать ли мне на зимние каникулы к тете Насте?

Двоюродная сестра Настя, постарше Лены на пять лет, учительствовала в районном центре. Езды к ним на поезде несколько часов. Лена виделась с Настей перед отъездом на север, почти не помнит ее. Время от времени в город по делам приезжает Слава Чулков, муж Насти. Так что Анжеле, любящей калейдоскопическое устройство мира, очень даже просто побывать в городишке Норкине, где проживает со своим семейством домовитая Настя.

– Мы с тобой говорили, – напомнила Лена. – Единственное у меня возражение – это тоска. Как я без тебя буду?

– А я скоро, – пообещала дочь. – Я подарю тете Насте наш горячий семейный поцелуй и назад... Не успеешь ты всплакнуть перед сном, как я заявлюсь и предстану перед тобой молодой и обновленной

– Господи, молодая и обновленная! – восхитилась Лена.

Анжела повертелась перед зеркалом и ушла в свою комнату.

Не прошло и пяти минут, как она вернулась на веранду с открытой книгой.

– Маменька, расскажи, как люди на Луну сели.

В Анжеле сохранилась непоследовательность ребенка. Иногда это пугало мать, но чаще веселило.

– Мне было восемь лет, когда Армстронг ступил на Луну, откуда я могу помнить?

– А ты рассказывала.

– Это я рассказывала со слов твоей бабушки.

– Вот-вот, давай!

Зазвонил телефон. Анжела взяла трубку и отвернулась от матери. На людях они с Андреем могли быть деловитыми. Прикрыв ладонью нижнюю часть трубки, Анжела в заключение промурлыкала пару ласковых.

– Это Андрей. Давай рассказывай!

– Она говорила, что однажды шла по городу с приятельницей и вдруг услышала: американцы высадились на Луну! А наше телевидение обещало показать уникальные кадры: человек на Луне! Ну вот, к восемнадцати часам, когда передавали ближайшие новости, город опустел: все бросились к телевизорам. Мама чуть не опоздала. Не снимая одежды, включила телевизор. Показывали приезд Брежнева в Варшаву: пять минут показывают, десять минут... Рукопожатия, троекратные жаркие поцелуи, речи по бумажке. Мама не вынесла и закричала: "Да покажите же наконец настоящего лунатика!"

– А сейчас бабуся уверяет, что не было слаще жизни, чем при Брежневе! Сначала плохо, а теперь хорошо. Вот тебе и плюрализм! Я думаю, у нас вообще плюрализм родился из того, что бабка надвое сказала.

– У нее там молодость, – сказала Лена и вдруг увидела, что дочь иногда заглядывает в книгу и шевелит губами.

Господи, да она так учит уроки! – подивилась мать. Легкость, с какой дочь вбирала написанное в книгах, наводила на мысль, что в сфере познания у Анжелы все усвоено наскоком, бездумно, неосновательно. И только сейчас она допустила мысль, что вот это, возможно, и есть человеческие способности. Она тут же отогнала эту мысль, потому что нельзя матери и помышлять ни о чем, кроме здоровья дочери и хорошего жениха. Остальное – от большекромости. Матери дай три желания – она все истратит на детей. Если будет все хорошо в главном у детей – мать истратит три желания по пустякам, но все равно на детей.

Талантливость у Анжелы от отца.

Перед зимними каникулами Лена позвонила Насте. Оказалось, поезд в Норкине не останавливается. Настя позвала к телефону мужа Славу, а тот потребовал Анжелу, и они стали договариваться конкретно: брать билет на такой-то поезд, на такое-то число до станции Бородкино, нарисуй схему: Норкин – это после Верховья, сразу после Верховья надо выйти в тамбур и, как только поезд притормозит, не мешкая спрыгнуть. Дядя Слава договорится с железнодорожным начальством. Каким образом? А он грамотно угощает – отказаться невозможно.

После телефонного разговора Анжела поехала брать билет. Собирая дочь, Лена почему-то волновалась. Она уже не представляла, как можно прожить без дочери хотя бы несколько дней. А дочь была в приподнятом настроении, потому что наступила пора, когда мать нуждается в дочери больше, чем дочь в матери. Кизилровка в снегу была тихой. Хозяева упрятали в гаражи свои машины и внутри поселка ходили пешком: от дома до магазина, от дома до автобусной остановки на шоссе. Мужички упорно крепили интерес к пивному ларьку, работа ко-

того уже подладилась под холодное время года и у мордатого пивного коммерсанта Бориса-третьего появилась статья расхода: электроплитка и чайник для усугубленной кондиции пива. Лена только один раз приходила с бидоном к ларьку, когда приезжал отец, но она сразу поняла, что это особое место не только в Кизилровке, но и в любом другом месте, где есть мужчины, хмурые по понедельникам с похмелья, да и по другим дням тоже хмурые. А поняла она, что мир сложнее, чем предполагал Николай Гумилев. Он делил людей на книжных и газетных. Книжники живут вечными идеями, любители газет пробавляются сиюминутными. Вроде бы ничего не изменилось с точки зрения, как сейчас говорят человеческого фактора. Да нет, изменилось! Кроме людей книги и людей газеты, уже давненько появились люди... пивной бочки. И даже не столько люди появились, сколько сложился такой типаж. Это отнюдь не книгочеи, они, скорее, любители газеты. Но сверх того, сверх гумилевской строгой меры, эти люди еще и философы, балагуры, критики, златоусты, свободолюбые, оппозиционеры, а еще заступники за державу.

В последние два дня Лена постаралась не загружаться на работе. Анжела тоже была все время дома после того, как вчера они с Андреем пошептались у подъезда, и он уехал на своей машине, пообещав довести до вокзала.

Сели обедать. Анжела принесла на веранду свой маленький телевизор. А еще положила рядом книгу. Была сосредоточенной и непроницаемой. Стучала ложкой, листала книгу. Взглядывала в телевизор. Но чувствовалось, что главным делом для нее была невидная матери мозговая работа.

– Анжела, это ведь "Сказка о царе Салтане"! – удивилась Лена. – Зачем ты отвлекаешься?

– Для меня это как до березы дотронуться – стравить злую энергию. Это же мультик моего детства! Андрей говорил, что у них есть преподаватель, который приехал с Дальнего востока. Он любит советовать: "Полощите мозги женьшенем!" Так вот для меня это как раствор женьшеня для прополаскивания мозгов. А еще, знаешь, я сейчас подумала... Мы ругаем ткачиху с поварихой, со сватьей бабой Бабарихой. Да? А может быть, гениальный Пушкин преподавал нам урок, как дальше жить. Ведь это бабская троица – символ въедливого, дотошного, настырного оппозиционерства! И, в конце концов, благодаря им, получил Гвидон от волшебных сил и белку-затейницу, и тридцать три богатыря – прямо по подсказке! Ни у князя Гвидона, ни у всемогущей царевны-лебеди не было ни фантазии пожелать такого, ни созидательных сил завести у себя такое. Вот бы нам в оппозиции штучки три таких бабы! Когда я вижу на площадях женщин, которые стучат крышками по пустым кастрюлям, я думаю, лучше бы они стали приличными сватьями Бабарихами, окривели бы на один глаз с помощью здоровенного комара и все в порядке!

Мать, как всегда, только всплеснула руками.

– До чего ж в тебе прибавилось кровожадности, дочка, за эти годы! Если резать правду-матку – это тоже кровопролитие. Так что и здесь нужна мера.

Дочь быстро парировала:

– Андрей говорил, что ученые сейчас придают все большее значение лимфе. Так что называй уж меня лимфожадной!

Вечером приехал Андрей. Пышноволосяя Анжела вышла ему навстречу из своей комнаты, пританцовывая и напевая какой-то мотивчик. Молодой человек снял шапку, переминался на коврике у входа. Не так давно в очередной раз нашлись ключи от

парадной двери: дед забыл связку на недостроенной мансарде. Так что гостей принимали с веранды. Анжела взяла молодого человека за руку и провела к столу. Положив ему руки на плечи, она запела частушку, несомненно, нового времени: "Милка чо, милка чо, навалилась на плечо? – А я, милый мой, ничо, я влюбилась в Горбачо..."

– Андрюша, как твой папа? – спросила из своей комнаты Лена, она уже не помнит, когда стала называть его на "ты".

– Я его уговорил оперироваться. После зимней сессии я буду свободен и положу его в областную больницу, где он работал, – с готовностью объяснил Андрей.

Анжела подала ему кипяток в чашке и растворимый кофе в банке. Они могли много говорить о разном, но уже хорошо знали привычки друг друга, и угадывание их было, как правило, бессловесным. Девушка приняла от него пальто и шапку и повесила в простенке. Мать вышла из комнаты. В глазах дочери Лена разглядела – а может, разгадала просьбу. "Не провожай меня, маменька", – говорили счастливые глаза дочери. И мать сообразила. То, что она немного принарядилась, ничего не значило.

– Молодые люди, я, пожалуй, не поеду к поезду... – Ни вопросов, ни уговоров. Значит, все правильно. – Андрюша, я подежурю у постели твоего папы после операции, можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо, Елена Сергеевна, – благодарно отозвался Андрей. – Он пристрастился пластинки слушать: у нас их много. Недавно сказал, что символ послевоенного времени для него – гнущаяся пластика из ацетилцеллюлозы...

– Должно быть, для него это что-то значило, – произнесла Лена. – А я вспомнила... Это тоже послевоенное время. Вспомнила свою бабушку. Я тебе

рассказывала, Анжела? Это мама твоего дедушки. Надо такие вещи помнить... Она работала костюмершей в театре – такая была умелица! После войны жили скверно. И вот она стала делать перчатки для женщин. А материал – женские комбинации. Наверное, были довоенные запасы. Бабушка делала перчатки и продавала их на базаре. Меня-то еще не было, это папа рассказывал. И вот однажды ее заметили и привели в милицию. Молодой лейтенант разглядывал товар и все дивился, как это она сама такое делает. Потом спросил, на что она живет. Она ответила: "На пенсию, двадцать четыре рубля". А он опять: " За кого вы получаете пенсию?" "А вот за такие две головы, как ваша!" У нее погибли два сына, папа был самым младшим... Самое невероятное, лейтенант смутился и отпустил мою бабушку...

– А мой папа рассказывал, – вспомнил Андрей, – как его мама, вдова, не выполнила план каких-то поставок во время войны. И вот во вдовый дом пришли службисты и потребовали уплатить недоимки. А денег не было. Тогда они вывели корову, накинули ей на рога веревку и привязали к телеге. Так и свели корову. Потом, говорят, главного инспектора убили селяне...

Присели перед дорогой. Анжела подошла к матери, и они расцеловались.

VI

Анжела пришла в купе кондукторов за бельем. В этот час, когда вечерние дела окончены, молодая кондукторша обрадовалась девушке.

– Мужики, – ну запахали меня! Добро бы еще трезвые, а то один лыка не вяжет, другой еле можаху, а третий вообще на бровях стоит! – весело пожаловалась она.

– У вас вредное производство, – посочувствовала Анжела, – А у меня в купе тоже три пьяных мужика. Бутылки на столе. Благо, теперь спят.

– Ой, вы не ходите в купе! – воскликнула хозяйка вагона. – Вы до какой станции?

Анжела смутилась. Рассказать? У молодой железнодорожницы на лице не было никакой служебной строгости. Она сняла форменную тужурку и усадила девушку рядом с собой. Немотивированное гостеприимство вызывает у того, кому оно адресовано, неподвластное резону самоуважение. Значит, я такая хорошая, что меня любят, легко определила Анжела.

– У меня билет до Бородкина, но я выйду в Норкине.

– Ой, а в Норкине не останавливаемся! – воскликнула кондукторша, голубые ее глаза распахнулись – о таких говорят: "Глазищи, как рощи!"

– Я знаю, – согласилась Анжела. – Я настолько важная персона, что в мою честь поезд все-таки остановят.

Проводница отвела за ухо отбеленную прядь волос и поспешно представилась, словно и впрямь поверила, что рядом с ней важная персона:

– Меня зовут Клавой. – Помолчав, добавила: – Моя напарница спит, так что вы вот здесь устраивайтесь. Вам через три часа выходить. Если уснете, я разбужу. – Увидела, как девушка от смущения затеребила крестик на шее и вспомнила о другом: – Я на этой дороге недавно. А несколько лет назад я на Северо-Кавказской была. И однажды ко мне на полустаночке пассажир заходит, старикашка по виду. Я его спрашиваю, не нужно ли ему постельное белье. А он поинтересовался, сколько это стоит. Я говорю: "Рубль". Видно, он никогда в жизни на поезде далеко не ездил. Ну, он согласился и взял белье, но постель

так и не застелил, это я видела, когда чай приносила. На станции, до которой он ехал, я заметила, что он выходит с пакетом, а входил в вагон без вещей. А мне аж худо можется! Я его за пакет хватить и спрашиваю, что у него там. А он мне говорит: "Дочка, что ты на меня наезжаешь? Ты же сама мне белье продала за рубль". Чуть, было, меня не законопатил! Я говорю: "Дедуля, это только на ночевку!"

Они посмеялись вместе над незадачливым стариком, которому все-таки повезло в конце жизни, и он проехался по чугунке и подержал в руках каляное белье, в дешевизну которого так не хотел верить.

– Господи, а я люблю тех старичков, аж невозможно! – продолжала Клава. – Мне отец рассказывал, как в прошлом году собрали ветеранов на какой-то праздник и дали им водки, по сто двадцать пять граммов – какая точность! А еще дали по пирожку и по котлете. Ветераны выпили, закусили да как затянули "Катюшу"! Один несчастный так старался, что у него выпала искусственная челюсть...

– А вы замужем? – спросила Анжела, когда они еще чуть посмеялись.

– Уже трижды была. Первый был алкаш. Я его звала: "Легок на поминках". Второй тоже какой-то не докрученный – русская недвижимость, все лежал – толстый, ну прямо трехстворчатый. А третий, нынешний муж. Он музыкант, в ансамбле играет. Говорит мне: "Я твой клавешник". Это потому, что меня Клавой зовут.

Свернувшись калачиком, Анжела незаметно уснула. Клава бегала по делам: защелкивались двери, горел ночник, шумно проносились встречные поезда, а девушка спала, настрожив себя на станцию Верховье. Среди ночи она почувствовала, как ее кто-то трясет за плечо. С трудом сообразила:

пора подниматься. Клава пошла устраивать двух пассажиров, которые вошли на станции Верховье.

– Спасибо вам и двадцать пять минимальных! – проговорила Анжела вдогонку Клаве.

Поезд тронулся. Вещей у Анжелы – только сумка через плечо. Девушка вышла в тамбур. Старичок в легком картузе курил папиросу, часто делал затяжки. Его, видно, уже гоняли за курево: он затравленно озирался и по-школярски прятал окурки в рукав. Обрадовавшись, что это не форменная порядливая кондукторша, он пухнул окурки в темноту, поскольку по недогаду той форменной барышни дверь вагона была открытой. Поведал смазливой, но безопасной девушке:

– Сказывают, грипп идет японский. – Он поглядел, как молодая наострила на него ухо и зыркнула глазом, пошел дальше: – Грипп всегда иностранного зарождения. У нас даже гриппа своего нет.

Анжела поправила на плече сумку.

– Дедуля, при чем тут Россия? Ее и так, бедную, затуркали: то Америка свободнее, то Германия богаче, то Италия лазурнее.

– Да я ничего! – испугался старичок. – Это у меня бабка умерла, а я и серданулся на свою судьбу: целый месяц пил, а вот тепер потихоньку очуняюсь... С ней мне уж как славно было: бабке штопка, а мне – стопка. Этот год у нас в деревне учителен смертями... Одна отрада в жизни – британская королева приедет...

В тамбур задувал сильный ветер со снегом. Анжела попробовала прикрыть дверь, но поезд вдруг снизил скорость, загудел и остановился.

Уже Норкин, мелькнуло в голове Анжелы. Она помотала ногой, стоя на подножке, и не достала до асфальта. Бездумно прыгнула с подножен, соскользнула с насыпи и очутилась по грудь в снегу.

Только тут до нее дошло, что поезд тормозил слишком быстро, а вокруг совершенно нет света. Возможно, это означает, что сломалась электростанция или рухнула опора электролинии, но, скорее всего, это означает, что никакой это не Норкин, где ждет тебя родной дядюшка в овчинном тулупе. Это просто чисто поле, и бедная племянница карабкается по откосу к вагону и у нее ничего не получается. Она услышала, как где-то закричала Клава:

– Анжела-а! Это не Норки-ин, это светофо-ор!

Очень скоро она обессилила от страха и сползла с откоса. Поползла вперед, нашарила кустарник и стала подтягиваться в сторону электровоза. Сзади Клава что-то истошно крикнула, а когда Анжела обернулась, бросила моток бельевой веревки, конец которой держала в руках. Старичок ей тоже помогал, но это была пустая затея: сильный ветер сдул веревку на сторону.

Ей показалось, что на той стороне рельсов ходит дорожник и стучит молоточком по колесам. Картинка не была спасительной, но и она оказалась бредовой. Нет на свете дорожников, следящих за состоянием колес, нет на свете молоточков с длинными ручками. Едва видны освещенные окна вагонов. Вагоны скорее пахнут, чем видятся. Сейчас поезд тронется и увезет Клаву к ее клавишнику и старичка увезет, у которого нынешний год ушел смертями...

Мысль о смерти была побочной, а другой она и не рождается в молодой женской головке. Похорони меня в культурном слое, Андрюша, тихо попросила девочка. Потом она стала просить маму помочь ей, а сама билась в снегу, сползала вниз, успевала схватиться за ветку и снова подтягивалась на руках. Наконец нащупала ногой упругий ствол и выползла туда, где пахло шпалами. Снежный буран был такой

силы, что пробивная способность прожектора электровоза была слабой, и сноп света быстро увядал. Она удивилась, что приползла к электровозу, который, вот он, дрожал наверху, стоило только приподнять голову.

– Эй! – закричала она. – Эй, на железе!

Высунулся машинист, увидел Анжелу, залепленную снегом, со сбившимся капюшоном, что-то заорал – она не услышала. Открылась дверь электровоза. Машинист, держа за поручень, протянул вторую руку Анжеле и приподнял ее над снегом. Она, как на велосипеде, заработала ногами, поймала на весу перекладину металлической лестницы, уцепилась другой рукой за поручень и поблагодарила:

– Спасибо!

– Костя! Глянь, кого я в сугробе нашел! – обратился машинист к напарнику. – А она, едва душа к ней вернулась, говорит нам с тобой вежливо: "Спасибо!"

Он совсем втянул ее вовнутрь. Она поразились, как тепло у них и красиво, с занавесочками. Второй мужчина повернулся к ней от приборов и оказался обыкновенным Константином Ивановичем, который не так давно оказией попал к ним на веранду.

– А-а; вот и встретились! – произнес он.

Анжела почувствовала, что тут не до нее. Напарник Константина Ивановича тоже как будто смутился и на радушном приеме не настаивал. Эта мелочь и выявила его второстепенную на электровозе роль. А по-первости Анжела приняла его, своего спасителя, за главного. Она села сзади. Помощник машиниста сбоку взглядывал на гостейку и улыбался, а Константин Иванович сидел перед приборами весь извеличенный, с неподвижным затылком.

– Зеленый! – сказал помощник.

– Зеленый! – повторил Константин Иванович.

Нетерпеливо тронулись, едва отзвучал непродолжительный гудок.

– Анжелочка, – обратился к девушке Константин Иванович, – как понимать, что вы оказались в чистом поле? В тувельках, не предназначенных для сугробов?! Как? А главное, для чего очутились рядом с моим электромеханическим конем? В этой ситуации мой помощник Гриша не мог не протянуть руку помощи красивой девушке, хотя по инструкции не имел никакого права помогать даже королеве Испании...

Что-то в словах машиниста Анжеле не понравилось, но она не стала выказывать свое неудовольствие. Ни старой знакомой, ни даже, пожалуй, просто знакомой Константина Ивановича она назвать себя не могла.

– А что ваш бронепоезд застрял на каком-то запасном пути? – все-таки съехидничала она. Я думала, это Норкин и спрыгнула в сугроб. Я к дяде еду.

– В Норкине нет остановки по расписанию, – заметил машинист.

– Я знаю. Дядя собирался с кем-то договориться и как-то остановить поезд.

– Уж теперь-то нас даже министр не остановит! – уверил Константин Иванович.

– Почему?

– Вопрос прямо на засыпку. Да потому что в поле долго стояли! Нагонять будем.

Помолчали. Время от времени Гриша-помощник, разглядев светофор, четко называл цвет: зеленый. Светофоры шли сплошь зеленые. А если бы цвет был другой, Гриша сразу среагировал бы и назвал – на то он и помощник.

Константин Иванович поглядел на Анжелу и его, должно быть, подивило, почему она молчит. Ожидал, что станет просить. У нее есть право попросить, потому что, конечно, она помнит, как он забрался к ним на дачу. Но она молчала и все тут! Он догадывался о ее своенравии и перевел разговор на другое.

– Знаете, Анжелочка, не то в прошлом году, не то в позапрошлом мне надо было перегонять электровоз. Аккурат вот на этом перегоне, почему я и ударился в воспоминания. Дело было осенью. Погодка стояла прекрасная. Сажу себе, различные вещи на свистываю. И вдруг врезаюсь в птичью стаю! Остановился, вышел и вижу: вокруг десятка три-четыре перепелов. Я это их в сумку, а вечером друзей накормил.

– Прямо как у Мюнхгаузена, только шомпола не хватает, – определила девушка.

– У того утки были! – возразил Константин Иванович. – Кабы я в стаю уток врезался, то все депо накормил бы!

Он достал сигарету, закурил. То ли паузу ему надо было держать, то ли на самом деле пришла пора закурить. Светлый мир прожекторов, охваченный густотертой темнотой, наверное, напоминает солнечный свет в космосе, думала Анжела. Ни за что она не будет просить машиниста остановиться в Норкине. Гордо выйдет на следующей станции, в Бородкине, и вернется на автобусе. Тетушка немножко поплачет, дядюшка убедится, что не все подвластно его обаянию, а Анжела – вот она, явится в их дом со стороны автобусной остановки.

Тем временем Константин Иванович, действительно, решал для себя какие-то вопросы и, прокашлявшись, сказал:

– У вас добрый дом, и вы с мамой добрые люди. Я от вас вернулся, и мне стало кругом везти: на работе, на рыбалке, дома. Мне даже квартиру дали. В такие моменты надо судьбе прошения подавать, когда она на взгорбок идет. Клянусь вам, я был такой затурканный, что не погнушался бы сказать: "Моя хата с краю", если бы у меня была эта хата. А тут, когда дали квартиру, я подумал, подумал, да и женился...

– Поздравляю!

– Спасибо! Я думаю, все будет хорошо, потому что все мои предыдущие браки давали трещину сразу же, по центру медового месяца. Мне в пору с горя пантокрин было принимать – настойку из собственных рогов...

– И много у Вас жен было?

– Две! Две женки-незабвенки... У одной любовь, как пожар, у других, как пожароид. С последней мы обмыли развод в шикарном ресторане. Ох, и весело было, чуть не забыли, что возвращаться надо порознь...

– Ну, ладно, вы остановитесь в Норкине или нет? – осерьезнела Ангела, отметив про себя, что за окном стали пролетать фонари – предвестники и обозначатели станции.

Это не просьба, это вопрос.

– И надумал я уехать за границу, Анжелочка, – пропустил мимо ушей ее вопрос Константин Иванович. – Подам судьбе прошение, пока везет. Жаль, не увижу вашу маму...

Если бы не это легкое дуновение флирта в конце фразы, Ангела, может, не придала бы никакого значения сообщению машиниста. А тут она ответила, лишь слегка сдерживая ранящие свойства своего словесного напора:

– Вы позаботьтесь, чтобы ваш отъезд не назвали утечкой мозгов. Утечка мозгов свидетельствует о том, что они жидкие. А если они жидкие, то и жалеть не о чем.

Поезд ворвался в городок. Малый городок заботливо пускает пассажирские поезда на первый почетный путь, большой город, скорее всего, загонит состав на боковую ветку, откуда и вокзала не видно. Анжела придвинулась к стеклу. Она была почти спокойна. Константин Иванович перекидывался с помощником короткими сдублированными информациями.

Быстро наплыло вокзальное огневище. Издали Анжела увидела растерянную фигуру дядьки, окруженного какими-то железнодорожниками.

– Бедный дядечка, как же он переживает! – простонала Анжелика.

Константин Иванович и помощник посмотрели друг на друга. Поезд резко затормозил.

– Прыгайте! – приказал Константин Иванович. – Не бойтесь, я заторможу.

Выглянув, Анжела стала размахивать спортивной шапочкой и кричать:

– Дя-дя! Дя-дя!

Поезд остановился.

VII

Когда Анжела вернулась из Норкина, она не сразу рассказала матери о встрече с Константином Ивановичем Лебедевым. А когда рассказала, то почувствовала: маменька опечалена тем, что Анжела сильно затянула с рассказом, видимо, щадя ее. А может, что-то утаила или смягчила из этих же соображений. Почему? Тут только одно объяснение: Анжела боялась огорчить мать. Зна-

чит, полагала, что Константин Иванович стал ей дорог за те несколько часов, которые он провел на их даче?

И Анжела поняла свою оплошность. Конечно, надо было сразу все рассказать. Откуда она взяла, что маме дорог этот человек? Трудно разобраться в импульсах интуиции, которой будущая женщина, как и женщина настоящая, бездумно доверяет.

Дочь быстро утешила свою мать. Но, возвращаясь к поездке, Анжела нет-нет, да и замечала особое выражение глаз матери: как словно бы с них быстро и незаметно смахнули слезу.

В сущности, мама самая обездоленная в их семье, если считать все три поколения. Бабушка с бабушкой, какими бы скромниками себя не считали, свое от жизни получили. Судя по всему, у них и кое-какие накопления остались. У Анжелы все впереди. Ожидание богатства – это тоже богатство. К накоплениям у нее можно причислить счастливое детство. Может, не такое счастливое, как у той девочки, которая увековечена на фотографии со Сталиным на мавзолее. Вырезку из той довоенной газеты Анжела когда-то нашла в бумагах бабушки. И только Елена Сергеевна ничего не получила от жизни там, у черты своей молодости, а после молодости в жизни, с точки зрения дочери, уже вообще ничего не бывает. И дело не только в том, что такая у нее участь: и гибель мужа, и излом реформ пришлось на ее лучшую часть жизни, но и в том, что с таким характером она в любом случае была бы обойденной. Вполне возможно, что, увидев незнакомого мужчину ночью у себя на веранде, мама против натуры своей обрадовалась и невольно подумала, что вот ей и повезло. И убрала свою настороженность. Недаром потом она призналась, что совсем не ощутила страха. А сейчас

к ней этот страх вернулся – страх, что дочь неправильно все поняла.

Занятия в школе еще не начались. Анжела почти все время проводила у Андрея. Однажды молодые люди подъехали к дому на машине Андрея – это случалось довольно редко: Анжела почти всегда приезжала в Кизиловку на автобусе. Шумно вошли на крыльцо. Анжела с порога позвала:

– Маменька!

Лена вышла на веранду с тюрбаном на голове: недавно вымыла голову. Убрала белье, висевшее на веревке.

– Маменька, Дмитрия Анатольевича прооперировали! – скороговоркой выпалила дочь. – Хирург сказал, что все прошло хорошо.

Она обернулась на Андрея, который снимал у порога обувь. Всегда спокойный, мальчик Анжелы сейчас был возбужден, кашлял в кулак, приглаживал волосы на лбу.

– Елена Сергеевна, мы очень нуждаемся в вашей помощи, – обратился он к Лене.

Она все поняла.

– Да, молодые люди?

– Маменька, я тебе говорила об операции, а ты сама обещала подежурить возле Дмитрия Анатольевича, – подхватила дочь фразу своего мальчика.

– Мальчик объяснил:

– Когда-то папа оперировал глазного врача, который потом стал заведующим отделением. А сегодня этот самый Борис Павлович оперировал папу. Они стали хорошими товарищами. Сегодня Борис Павлович настоял, чтобы кровать после операции поставили в его кабинете. Условия в отделении неважные... На это папа еще согласился, но вот, чтобы я дежурил у него – ни в какую!

– А как же я? – растерялась Лена. – Мы с твоим папой даже не знакомы!

Опять пришла на помощь дочь:

– А мы ему объясним, что ты нянечка! Даже интересно, правда?

– Но ведь это обман, Анжела!

– Какая ты наивная, маменька! – подивилась дочь. – Я своего Андрейчика на каждом шагу обманываю!

Все еще стоя у порога, Андрей возразил:

– Это не обман! Это все во имя жизни человека. А твой обман, Анжелочка, – просто особенность твоего легкого характера. Вот недавно я встретился с таким типом обманщика, о котором раньше не подозревал. Пришел я в научную библиотеку, смотрю – наш ассистент с бывшей кафедры марксизма принес кипу иностранной литературы и заказал еще кипу. Библиотекарьша ищет, ищет – никак не может найти то, что заказал наш книгочей. Уже очередь ропщет, а дела нет. Наконец выяснилось, что ассистент вновь заказал ту литературу, которую принес. Он ее и не читал!

Лена вежливо улыбнулась рассказу. Нет, разумеется, доводы Андрея ее не убедили. Но, поглядев на молодых людей, она вдруг решила поехать в больницу, а там, на месте, организовать дежурство, для чего ей понадобятся деньги. Молча она вернулась в свою комнату, достала сумку и спросила у дочери:

– А когда ехать?

– Если готова, то сейчас.

Разумеется, не готова, и волосы мокрые. Они это знают и подождут. Пока она одевалась и на ходу сушила голову феном, на веранде было тихо. Боялась ли она за дочь? Конечно, боялась. Анжела – клубок поползновений: непредсказуемо, какое из них сработает в следующий миг. Дочь как будто бы до сих

пор не таилась от матери, хотя и нельзя сказать, что она была очень открытой. У женщины откровение приходит со слезами, но слеза у Анжелы катилась чаще от смеха. А смеялась она постоянно. Глядя, как она весело встряхивает волосами, мать всегда вспоминала строчку из народной песни: "Ты рассеяла печаль по плечам".

Обстоятельный, как все хирурги, Андрей долго прогревал мотор, когда они сели в машину. И вовсе не потому, что он хотел позлить Анжелу, как она сначала подумала, а потому, что так было написано в инструкции. Сдав назад, Андрей развернулся у дома и медленно поехал по выбитой дороге вдоль сиятельного ряда поселковых лавочек и магазинчиков. Проехали и самый популярный – прямо-таки народный ларек – пивную точку коммерсанта Бориса третьего. Въехали на взгорышек и по сухой трассе покатали к городу. Лена сидела позади Андрея. Анжела все время его отвлекала, даже хватала за руки, если он долго не обращал на нее внимания.

– Анжела, не мешай! – несколько раз предупредила мать.

– Сейчас я тебе все проясню с точки зрения медицины, – пообещал Андрей, подчеркнуто не поворачивая головы к Анжеле.

– Чего уж тут яснить? Все и так ясно! – уверила девушка.

– Не бурчи! – миролюбиво посоветовал Андрей. – Расслабься, дыши через нос. Уверен, что ты сегодня встала с той самой ноги, с какой всегда встает наш уважаемый губернатор, которого отличает ровное настроение даже тогда, когда он наблюдает пикетчиков под окнами своей конторы.

– Маменька, правда, у меня Андрей гениальный? – спросила дочь.

– Ах, вы гений! – растроганно произнесла мать. – Дай вам Бог только играть такими словами!

– Ты не хочешь, чтобы мы были гениальными? – изумилась Анжела, широко раскрыв глаза на свою маменьку-чудачку.

– Гениальными рождаются, а не становятся. – Лена помолчала, спорить ей не хотелось, но менее всего ей хотелось молчать. – Ты родилась со способностями, которые унаследовала от отца. Но гением, слава Богу, он не был, а то погиб бы еще раньше.

Анжеле только дай реплику – с зацепочкой, шершавенькую, не совсем уж трюизм. Маменька знает эту ее особенность и подыгрывает иногда, а иногда само собой получается.

– Музыканты говорят: больше квинты не споешь. А так хотелось! – вздохнула Анжела. – Ты думаешь, гениальные не отличаются долголетием?

– Кому больше дано, у того больше проблем.

– А проблема – враг долголетия, – уяснил Андрей.

Областная больница, где лечился отец Андрея, располагалась не то в лесу, не то в большом запущенном парке – теперь уже никто не мог ни вспомнить, ни определить. А краеведы не отличаются настырностью и шепчутся где-то по музейным углам. Во всяком случае, деревья росли тут вольготно, не было заметно, чтобы их сажала рука человека. Автомобильные дорожки, проложенные в зеленом больничном массиве, затейливо увязывали десяток корпусов разного лечебного назначения. Двухэтажный глазной корпус окружили рябинки – вот это уж точно посаженные человеком. Ночные фонари ярко освещали их рясные гроздья на безлистных ветвях. На снежных сугробах четко пропечатались изломанные тени стоящих в ряду деревьев. Асфальтовая дорожка прямоугольником очерчивала больничное

здание. Андрей объехал его вокруг, просто, видимо, знакомя Елену Сергеевну с панорамой. Припарковались у фонтана, засыпанного снегом. Оказывается, Андрей приготовил халаты, и они надели их, поднимаясь по лестнице на второй этаж.

– Я сейчас посмотрю, как у него там, – предупредил Андрей и пошел в кабинет заведующего отделением, который отдали в качестве палаты Дмитрию Анатольевичу Демидову, отцу Андрея.

– Ты не ругаешь нас, маменька? – спросила дочь с несвойственными ей нотками грусти в голосе. – Андрей очень любит отца. Это у него от любви в голове такое завихрение. Даже мне не пришло бы в голову просить тебя изображать санитарку...

– Из любви к папе? – переспросила мать.

– Ну да, представляешь? Что касается меня, то ты знаешь, что я люблю быть непредсказуемой.

Она привычно кокетничала: меньше, чем перед Андреем, но больше, чем перед зеркалом. Мама не то, чтобы стерпит – мама от всего будет в восторге. И мама улыбнулась, прощая ей все и даже то, на что она сначала обиделась: эту неуместную санитарку...

– Так называемая непредсказуемость человека – это высокий процент ляпов. Учти, с высоким процентом проколов выгоняют с работы! – предупредила мать.

Если бы они были дома, то говорили бы о погоде, о занятиях, ну, может быть, о книгах. А тут говорить недосуг, поэтому они перекидывались фразами, придумывали себе легкую забаву.

Андрей вышел из кабинета довольно скоро. Извинился и повернул к дежурному врачу. С дежурным не было никаких осложнений. Они зашли в раздевалку, и Лена переоделась: сняла сапоги и пальто и отдала вещи Анжеле. Завтра, видимо, уже не будет никакой нужды в ухаживающем для

Дмитрия Анатольевича, и дети привезут ей верхнюю одежду.

Кабинет заведующего располагался в хлопотном тупичке недалеко от входной двери. Туда неизменно сворачивал посетитель, если даже ему не нужен был заведующий, а нужна была, к примеру, сестра-хозяйка, чтобы сменить больному постельное белье. Но заведующий, надо сказать, был человеком спокойным, медицина ему нервы еще не вымотала по причине относительной молодости. Несколько лет назад он попал в автоаварию. Его успели привезти в областную больницу, где в хирургическом отделении дежурил Дмитрий Анатольевич Демидов. Операция длилась пять часов. Хирург зашил главному врачу разорванную печень, удалил оторвавшуюся селезенку, ушил несколько дефектов тонкой кишки. Дмитрий Анатольевич, выйдя из операционной, сказал молодой женщине, жене глазного врача Изотова /тогда просто глазного врача, не заведующего отделением/: "Всё – от Бога, от меня уже – ничего!" Его ассистент сказал все той же несчастной женщине: "Травма, абсолютно несовместимая с жизнью!" Оба оказались неправы: Бог Богом, но несколько недель вытаскивал из могилы Изотова все тот же Дмитрий Анатольевич. Что касается ассистента, то его слова будут служить ему вечным укором: хирург не может быть абсолютно категоричным.

А ведь вытащили доктора Изотова из могилы, вытащили! Срединная рана на животе зажила, как заживают царапины. Руки и заштифтованные ноги не ослабели за время вынужденного лежания. Близость смерти указала Борису Павловичу на быстротечность времени. Очень скоро после выздоровления он написал кандидатскую диссертацию и согласился заведовать отделением.

А тем временем Дмитрий Анатольевич, в сущности, еще нестарый человек, стал замечать, что теряет зрение. Держался он до последнего. Когда операционная сестра впервые удивленно спросила его во время операции: "Дмитрий Анатольевич, почему вы оставляете такие длинные нити?", он не стал ей объяснять, что один глаз у него полностью не видит. Лишенный бинокулярного зрения, он не мог определить высоту срезанных ножницами нитей. Вот тогда ему и пришел на помощь Борис Павлович: он обследовал коллегу и посоветовал операцию. "И не надо ехать к Федорову, у нас сделаем!" Дмитрий Анатольевич ушел работать в поликлинику, а потом оформил инвалидность. Только недавно решился на операцию. Другу своему, Борису Павловичу, он объяснил: "У меня хоть и ахиллеса ва пята, но клопов ей давить удобно!" То есть кое-какое зрение у него до поры оставалось. Страшно рисковать и потерять последнее.

Лена об этой истории знала отрывочно из рассказов Анжелы и Андрея. Теперь, перед дверью кабинета, она мельком подумала, что для успеха этой миссии ей надо было внимательнее слушать разговоры молодых людей. Впервые она подпустила так близко мысль о скором замужестве дочери. Пожалуй, теперь надо внимательнее отнестись к беседе с Дмитрием Анатольевичем. Воспитывай в себе тещу, потому что дочку ты воспитала непростую.

Андрей прошел в кабинет первым, Анжела вообще решила не мешать. Кабинет был оснащен аппаратом для обследования больных. Прибор занимал центр комнаты. Слева у окна был стол и кушетка. Кровать для Дмитрия Анатольевича поставили у правой стены. Что тут было, и от чего освободились? Вид такой, будто кровать стояла всегда.

Дмитрий Анатольевич оказался еще нестарым, но очень седым человеком. Лена ожидала увидеть классическую повязку – тугую восьмерку на голове с добрым количеством ваты под бинтом. Но оказалось, сейчас делают легкие "занавесочки", которые приклеивают лейкопластырем ко лбу. Больному разрешают приподнимать кусочек марли, что и сделал Дмитрий Анатольевич, когда вошедшие остановились перед его кроватью.

– Папа, – обратился к отцу Андрей, – я договорился с женщиной, как и обещал... Это Елена Сергеевна.

– Здравствуйте, Елена Сергеевна! Я вас не очень обременю, обещаю вам. Просто меня еще качает от наркоза. Вы подстрахуете, если что. Надеюсь, вы будете спать. Борис Павлович разрешил воспользоваться его кушеткой, вам приготовили белье.

– Спасибо! – растерянно поблагодарила Лена.

Сын Дмитрия Анатольевича вынул из стакана термометр.

– Температуру папа сам померит, – сказал он. – Из еды мы кое-что купили.

– Я сегодня уже не буду есть, – заверил Дмитрий Анатольевич.

– Ну, мы пойдем? – спросил сын, стоя у кровати.

Он кивнул Лене и вышел из кабинета. Все-таки дети эгоисты, подумала Лена. Почему так устроено? Почему они даже спасибо забывают сказать? Наверное, Анжела что-нибудь придумала: кино или кафе. А может быть, вообще воспользуются пустующей квартирой? Мать, не выстраивая особой воспитательной линии, все-таки была за целомудрие молодых людей. Правда, у самой Лены природа опрокинула все страхи, но такой любви, какая была у нее с Виктором, не случилось ни у кого. По крайней мере,

так она думала тогда и бросилась в объятия своего Вити, как будто чувствовала скорую его гибель.

– Ну вот, и тихо стало, – обратился к ней Демидов.

Он приподнял квадратик повязки и поглядел на нее с доброй улыбкой.

– Садитесь! Что вы стоите? Я не буду вас просить заговаривать мне зубы. Э-э... Правильнее сказать, – глаз. Если бы вы знали, какой мир голубой после операции! Я не очень пока вижу ваше лицо, а вот небо было невероятно голубым, когда я после операции приподнял повязку! Такое оценишь только после двух лет темноты... Вы простите, что я так много говорю. Я вас избавлю от обязанности заговаривать мне... глаз. Нет, все-таки – зубы: не будем совершенствовать то, что прекрасно выдумал народ.

Вытянутые поверх одеяла руки Дмитрия Анатольевича были длинны и жилисты. Коротко стриженные ногти свидетельствовали, что профессия хирурга не ушла еще из памяти Демидова, ибо тот, кто четверть века стрижет ногти перед операцией, то есть примерно через день, не может уже отращивать их на покое. Господи, да у него еще далеко не пенсионный возраст, подумала Лена и села на стул вблизи кровати. Он повернул к ней худое лицо и снова приподнял кусочек бинта, прикрывавшего оперированный глаз.

– Андрей давеча называл вас, но я боюсь ошибиться. Повторите, пожалуйста, ваше имя-отчество, – попросил Дмитрий Анатольевич.

– Меня зовут Елена Сергеевна, я преподаю русский язык и литературу в школе...

– Вот как! – воскликнул Дмитрий Анатольевич. – Как же вы совмещаете школу с больницей? Это жесточайший компромисс нашего времени!

Лицом с крупными морщинами на лбу и складками от крыльев носа к углам рта он напоминал ей какого-то известного артиста.

– Даже танцы – это компромисс, позволяющий не наступать на ноги друг другу, – осторожно проговорила она.

– Да, вы знаете! – подтвердил он, явно заинтересовавшись ее мыслью или тем, как ладно, без натуги она ее изложила. – Я знаю мастеров компромиссов, которые чудненько сводят коня с трепетной ланью. Видимо, так у нас получилось с Санкт-Петербургом, который оказался столицей Ленинградской области. Впрочем, могло быть и хуже: Санкт-Ленинград, Святой Ленинград...

Он был возбужден. Наверное, это от наркоза.

– А Борис Павлович вас смотрел после операции? – спросила она.

– Он только перед вами ушел, – отозвался Дмитрий Анатольевич. – А вы давно совмещаете в глазном отделении?

– Ни дня не совмещала...

– Откуда вы знаете о Борисе Павловиче?

– От вашего сына Андрея.

– Гм... После наркоза плохо соображаю.

– Не напрягайтесь! – попросила Лена. – Я была против этой затеи, но дети меня уговорили...

– Дети? – переспросил Демидов.

– Дело в том, что... Надо было с этого начинать разговор: я мама Анжелы. Получается, с Андреем мы знакомы довольно давно, и я имею право по-свойски называть их детьми.

– Мама Анжелы? Так вы та самая Елена Сергеевна? Признаюсь, я старался побольше о вас узнать в предошущении скорого гм... родства. Вы не находите, что наши дети через годик-другой поженятся? Я, конечно, постучал по дереву. А сейчас, когда вы

с Андреем вошли, я порадовался, что Андрей повзрослел и способен договориться с нянечкой насчет дежурства. А он с вами договорился? А, скорее всего, с Анжеликой...

В течение разговора Демидов почти не отпустил клочок бинта, закрывающий глаз. Рука у него устала. Он опустил ее и вытянул вдоль туловища.

– Наклонитесь, пожалуйста, ко мне, Елена Сергеевна, я вас хочу разглядеть.

Боязливо Лена слегка наклонилась.

– Не бойтесь! – Он опять кончиками пальцев приподнял бинт, дождался, когда Лена приблизится к его беспомощным глазам. – Мама девочки моего сына... Насколько я могу судить, вы еще совсем молодая.

– Вы очень добры, – поблагодарила Лена. – Я думаю, вам вредно много говорить. И вы очень часто открываете глаз. Уверена, что вас Борис Павлович предупредил.

– Боря прекрасный человек. Мне Ангела рассказывала, что у вас в Кизилровке есть пивной ларек, которым командует "Борис третий". Теперь я буду Бориса Павловича звать Борисом четвертым, чтобы подчеркнуть, что у нас всегда есть место для Борисов.

Неожиданно он замолчал и резко переменял тему.

– А, собственно, почему вы были против этой невинной мистификации?

Заглянула дежурная сестра, увидела ухаживающую, приказала измерить больному температуру, Лена достала из стакана термометр и трянула им несколько раз. Дмитрий Анатольевич механически сунул термометр под мышку.

– Во-первых, я не люблю ни лжи, ни неправды, – объяснила Лена. – Вы различаете эти понятия?

– Как вам сказать? Судя по вопросу, я чувствую, что вы их различаете, и я готов вас выслушать.

– Мне кажется, неправда ближе к невольной ошибке. Ложь – намеренная неправда. Неправда может стать ложью, если неправду упорно выдавать за истину. Впрочем, это психология, а не законы языка.

– Ого! – воскликнул он, доставая термометр.

– Что, высокая температура? – забеспокоилась Лена.

– Нет, я узнаю, от кого у Анжелы такой напор! А температура вполне нормальная. Однако, а что же, во-вторых?

Лена поправила косынку, не более привычную, чем каска пожарника, и ответила:

– Во-вторых, лучше бы на моем месте и впрямь нянечка сидела. Вязала бы свитер, вас батюшкой величала, а вы бы, расслабившись, подремывали, а очнувшись, любовались голубизной неба за окном...

– Чудо, какая картинка! – одобрил он. – Пастораль! Я и сейчас не устаю любоваться голубым небом. Слепота поделила мою жизнь надвое. В той, зрячей части был социализм, а в этой, темной – начало рыночной экономики. Я еще не видел, как следует торговые лавки на улицах, магазины, оптовые рынки.

– А на той стороне что осталось? – спросила Лена, захваченная драмой его слепоты.

– На той стороне... Однажды меня попросили прооперировать ребенка одного работника обкома комсомола. Наметили день, да только в тот день все отделение послали перебирать картошку на овощную базу. Папа ребенка мог меня освободить от картофельной повинности, но я отказался: как бы на меня посмотрели мои товарищи?

Родители забрали ребенка, обиделись. Потом отца куда-то перевели, потом он вернулся и опять пришел в больницу. Но я уже оформлял инвалидность... А у вас что на том берегу?

И ее, и его вопрос звучал почти одинаково. Но она, действительно, спрашивала, а он, пожалуй, любопытствовал. Намеренно уходя от многочисленных оттенков вопроса, Лена ответила:

– Если в картинках, я вспоминаю, как однажды поехала в Кисловодск. В Невинномысске в наш автобус села бабушка. Покопалась в своем баульчике и достала четвертинку ананаса. Потом пошла по автобусу и стала показывать любопытным эту самую диковинку. И приговаривала: "Вот фрухта индейская, вкусная! Только зеленая, должна полежать, как семеренка. Дочь из Индии привезла..." Вот вы выздоравливайте и тогда сами увидите, сколько сейчас в городе этих ананасов! Уж, во всяком случае, ради ананасов в Индию ехать бессмысленно.

Дмитрий Анатольевич пригладил обеими руками седые волосы и продолжил разговор, едва она замолчала: уже не в порядке воспоминания, а в порядке подытоживания долгих раздумий:

– Я хоть и слепым продолжительное время, но видел, что у нас многое не ладится. Вы не находите, что Россия просто создана для того, чтобы брать пошлины с бороды, как Петр Великий. Вам зарплату не выдали за прошлый месяц? Ну вот! А еще многие стали говорить, что в России двигать прогресс удастся исключительно с помощью партбилета. Отмычка от всех проблем...

Опять заглянула дежурная сестра и распорядилась:

– Пройдемте в раздаточную, поможете ужин раздать. У вас утка есть? – спросила она у Демидова

с профессиональной прямоотой. – Вам можно вставать, обходитесь!

Когда они вышли из кабинета, Лена мгновенно учуяла запах горелого.

– Что-то у вас горит!

Горелым тянуло с другого конца коридора. И уже спешили им навстречу слабо видящие люди. Кое-кто шел по центру коридора, вскинув подбородок. Большинство удерживались подле стеночки, чтобы подстраховаться рукой. Из-за угла, где коридор загибался кочергой, выскочила санитарка, на ходу обдергивая халат.

– В процедурной горит, индо искры летят! – крикнула дежурной сестре.

Когда женщины добежали до процедурной, из открытых дверей помещения валил дым.

Дежурная сестра завопила в голос:

– Гори-им!

Лена тряхнула ее за плечо.

– Послушайте, я сейчас из кабинета позвоню заведующему. Кому еще?

– Дежурному врачу, он в приемном покое, и главному!

Договорились выводить больных по спискам. Одна будет выводить из палат по левую сторону, другая – по правую. А еще надо организовать зрячих больных, чтобы помогли. Таких в отделении много. Пламя выметнулось из процедурной, запырились крашенные панели по сторонам от двери. Кто-то крикнул, что внизу, в детском глазном отделении, тоже полыхает.

– Давайте эвакуировать больных! – в отчаянье скомандовала Лена и побежала назад, к кабинету заведующего отделением.

Слепые в коридоре, сбившись в небольшие кучки, тянули носом, спрашивали друг друга, что там

горит и уверяли, что, должно, сгорел стерилизатор со шприцами. Лена подходила к больным, останавливала тех, которые шли навстречу, и говорила как можно спокойнее, что надо взять, в своей палате теплый халат и выйти в коридор. Какой-то больной с нормальным зрением на один глаз, молодец, выстроил незрячих парами и стал их выводить на лестничную площадку. Лена вошла в кабинет и, удерживая дыхание, сказала Демидову:

– Дмитрию Анатольевич, в отделении пожар! Накиньте на себя, что у вас есть из верхней одежды. Я сейчас позвоню в приемный покой, чтобы вызвали Бориса Павловича.

Она набрала номер, который дала ей дежурная сестра. К счастью, дежурный врач уже знал о случившемся. Машину за главным врачом послали, а Борис Павлович выезжает на своей машине. Лена положила трубку и попросила Дмитрия Анатольевича продиктовать ей, номер своего домашнего телефона: надо известить детей.

Оставляя отца в больнице, Андрей забрал у него верхнюю одежду и обувь. Поэтому Дмитрий Анатольевич сделал, как велела Лена: накинул халат и нашарил под кроватью тапки. Она тем временем позвонила по телефону, который он ей назвал. Есть Бог! Дети дома. Могли бы уйти в кино или даже уехать в Кизиловку. Трубку взял Андрей.

– Андрюша, – произнесла Елена Сергеевна бодрым голосом, изобразить бодрость не удалось, – если у вас нет срочных дел, садитесь в машину и приезжайте в больницу. С Дмитрием Анатольевичем все в порядке, но у них пожар в отделении. Постарайтесь найти его верхнюю одежду и обувь и привезите сюда. Ищите нас в приемном покое главного корпуса. В дороге будьте осторожны – скользко. По-

нятно? – Она положила трубку и приказала Демидову: – Пошли!

В кабинет заглянула санитарка, крикнула, вытаращив глаза:

– Вы что, милуетесь тут? Демидов развернул её за плечи и слегка подтолкнул к выходу.

В коридоре было дымно. Лена хотела стронуть громоздкий глазной прибор в центре кабинета, но в это время в дверях появился Борис Павлович: она узнала его по реакции Демидова.

– Ради Бога, уведите Дмитрия Анатольевича! – приказал он, безошибочно угадывая в ней ухаживающую.

По коридору с мокрой тряпкой у рта носилась дежурная сестра: заглядывала в палаты, окликала больных. Когда спустились вниз, несколько детей из детского отделения еще одевали в прихожей, куда выходила лестница со второго этажа. Странное дело – они были серьезны и не плакали. Лена помогла одеть маленькую девочку, вывела мамочек на улицу, увидела Дмитрия Анатольевича и попросила, чтобы он немного подождал ее. Сама вернулась и заглянула в детской отделение. Там уже никого не было. В коридоре слышно лопались стекла. Она вышла наружу, взяла Дмитрия Анатольевича под руку, и они пошли по направлению к главному корпусу. По цветочным клумбам подъехали две пожарные машины. Еще две, говорят, приладились с другой стороны здания. К Лене и Дмитрию Анатольевичу потихоньку пристраивались больные и мамочки с детьми из детского отделения. Получилась довольно большая группа. Шли кто в пальто и сапогах, а кто в халатах и тапочках. К развилке асфальтовых дорожек подошла машина с крестом – старый фургон, применявшийся для доставки гро-

моздких медицинских грузов и оборудования. Кто-то забрался наверх и за руку поднимал больных: пожилых и женщин с детьми. Дмитрий Анатольевич, хоть и было ему холодно в тапках, от машины категорически отказался, потому что до приемного покоя оставалось совсем недалеко. С удивлением Лена обнаружила, что тоже достаточно легко одета. И детям не сказала, чтобы они взяли с собой хотя бы обувь. Дай Бог, чтобы они сообразили.

Некрутой пандус поднимался к входным дверям большого семизэтажного здания. Отсюда хорошо было видно, как около глазного корпуса суетятся пожарники, помахивающие брандспойтами. Пламени уже не было видно. В приемном покое оказалось много народа. Медицинские сестры и нянечки разводили больных небольшими группами по разным свободным помещениям, какие были.

– Господи, как я не люблю огонь! – произнесла Лена, когда они присели на освободившиеся места. – Огонь и бензиновый запах...

– Почему? – спросил Дмитрий Анатольевич.

– У меня муж сгорел в машине, отец Анжелы...

– Простите... Я же знал, мог бы сообразить...

Она перебила:

– Посидите здесь, я сейчас.

Встала со скамейки и пробралась к дверям приемного покоя. На нее никто не обратил внимания и, как всегда бывало в подобных случаях, она растерялась от обилия людей и бестолковости. Попробовала обратиться к дежурным сестрам, прямо взывая к справедливости:

– Можно врача вашей больницы без очереди оформить?

Несколько сестер, работавших за столами, даже не подняли на нее глаз. Неожиданно сзади кто-то спросил:

– Где Дмитрий Анатольевич?

Обернувшись, она увидела Бориса Павловича Изотова. Он принес в приемное отделение ворох бумаг из своего кабинета.

– Он там, в вестибюле.

Он вышел вслед за ней. Подойдя к скамейке, где сидел Дмитрий Анатольевич, Борис Павлович первым делом приподнял бинт, закрывавший оперированный глаз. Может быть, он и мог как-то судить о состоянии глаза, но, скорее всего, просто пытался скрыть свою растерянность. Лена глянула на ноги Дмитрия Анатольевича: он был в тонких носочках и тапочках. Господи, простудится! О себе Лена не думала.

– Вы кто? – спросил Изотов, видимо, не узнав ее.

– Ухаживающая, – ответила Лена.

– Положим его в какое-нибудь отделение или его смогут взять домой?

– Смогут! – твердо пообещала Лена. – Сейчас приедут дети.

– Вот и славно! Я бы смог вас подвезти, но, боюсь, что мы тут до утра не освободимся. Завтра привезите Дмитрия Анатольевича сюда. Кажется, мой кабинет не сгорел. Только дыма полно. Но бумаги туда я возвращать боюсь.

Сестра из приемного покоя открыла дверь и позвала Бориса Павловича к телефону. Спустя несколько минут, он быстро вышел из помещения.

– Спасибо! – поблагодарил Дмитрий Анатольевич.

– За что? – спросила Лена, стоя перед ним.

– За то, что вы, не колеблясь, пообещали отправить меня домой. И за то, что не постеснялись назвать себя ухаживающей. По выздоровлении ухаживающим буду я...

На скамейке подвинулись, и она села рядом с Демидовым.

– Вы еще шутите, – сказала. – А я молю Бога, чтобы вы не простудились.

Детей она увидела, как только они вошли в вестибюль и растерянно огляделись. Лена вскочила со скамейки и помахала им рукой. Демидов испуганно поймал ее за рукав халата: как все слепые, боялся оказаться в одиночестве.

– Наши приехали! – сообщила Лена. – Валенки вам привезли!

VIII

Лена сказала, что можно проехать и в Кизилровку, но надо выбирать, где ближе плита, чайник и постель. Демидовы жили в южном микрорайоне. Отсюда до их дома далеко, но до Кизилровки, несомненно, дальше.

– Нет, маменька! – возразила дочь. – У нас слишком тесно и Дмитрию Анатольевичу с нами будет некомфортно.

Демидовы молчали. Старший молчал, конечно, от усталости. Это заставило Лену пересмотреть решение. На всякий случай она спросила Андрея:

– А малиновое варенье у вас есть?

– Откуда? – вопросом на вопрос отозвался младший Демидов. – Мама сварила последний раз варенье пять лет назад.

– Ты впервые говоришь о маме, – вырвалось у Лены.

– Я был на первом курсе, когда она умерла от инфаркта. Совсем молодая...

– Тогда едем к нам, – твердо заявила Лена. – Как Вы себя чувствуете, Дмитрий Анатольевич?

– Отлично! – очнулся старший Демидов. – Мне вернули зрение, со мной мой сын, которому, моему, очень хорошо. Так что, как я могу себя чувствовать?

Анжела повернулась с переднего сиденья к Дмитрию Анатольевичу, улыбнулась, но ничего не сказала. Одна мать знала, о чем промолчала ее дочь. Она хотела сказать, что в перечне людей, обеспечивающих сегодня комфорт Дмитрию Анатольевичу, почему-то не значится ее маменька. Господи, спасибо, что ты внушил Анжеле долгое молчание!

– До Кизиловки езды полчаса, не больше, – заметил Андрей. – Только хлопот вам прибавим.

Лена уверила:

– Все у нас есть: еда, постели, площадь, телефон, малиновое варенье. Завтра я отпрошусь и вернусь назад. Какие хлопоты?

– А я могу вообще пропустить уроки. Как говорит маменька: "С твоими-то способностями!" – выпалила Анжела.

– Анжелочка, давай без нажима. Ладно? – попросил Дмитрий Анатольевич.

Андрей поддержал отца:

– Утром я отвезу вас обеих в город, а папа останется в Кизиловке. Я заеду к Борису Павловичу, и мы с ним обо всем договоримся.

Анжела уже не слыхала рассудительного Андрея. Мать видела, как на высокую спинку сиденья откинулась непокорная головка Анжелы. Вторым уснул Дмитрий Анатольевич. Он приник к плечу Лены и не почувствовал прикосновения. Андрей коротко поглядел на Анжелу и сбросил газ.

Было за полночь, когда они свернули с шоссе на дорогу к Кизиловке. Анжела сразу проснулась. Дмитрий Анатольевич не просыпался на плохой дороге, и только когда пошли вкруть к самой даче, отпрянул от затекшего плеча Елены Сергеевны.

Дома Лена усадила Дмитрия Анатольевича на веранде, быстро сменила белье на своей кровати, выложила лекарства и показала Андрею, где на кух-

не висит раскладушка. Анжела вскинула брови, не сообразив, как устроится на ночь маменька. Мать объяснила, что не снимает с себя обязанностей дежурной и будет наблюдать за больным из этого кресла на веранде. Больной будет спать на ее кровати. Шторы на застекленной двери будут сдвинуты, а ночник у постели зажжен. Анжела останется у себя в комнате, а Андрей переспит на веранде.

Сын разул отца и вместе с Еленой Сергеевной они отвели Дмитрия Анатольевича в ее комнату. Было заметно, что старший Демидов устал. Он часто трогал ладонью оперированный глаз: похоже, начали беспокоить боли. Андрей закапал ему лекарство, как наказывал Борис Павлович, и все, кроме больного, пошли на кухню. Оказалось, что есть хотят только молодые. Лена сделала себе кофе и через комнату Анжелы вышла на веранду. Минут через пятнадцать вышел и Андрей, пожелал Елене Сергеевне спокойной ночи, и под ним заскрипела раскладушка. Скоро и Анжела выключила у себя свет.

Прихлебывая кофе, Лена смотрела на темные стекла веранды, к которым приникли с угла ветки бузины, утяжеленные нахлобучками снега. Она прикрыла глаза, и ей почудилось лето. От недолгого счастья с Виктором остался в памяти летний день в степи. Она глядела в небо, лежа на его руке, и дивилась, как сильны приземные звуки и птичьи голоса на тех степных холмах. Шестнадцать зим прошло с того лета...

Свет с веранды и темнота ночи делали заснеженные ветки фантастически причудливыми, и она вспомнила – где-то читала, как на зимнюю дачу писателя Константина Паустовского приезжал писатель Михаил Булгаков – только для того, чтобы посмотреть на заснеженные деревья.

С той осени, когда к ней на малиновое варенье пожаловал Константин Иванович, она старалась не думать о том визите. Недавно Анжела рассказала, как случайно встретила его, когда ехала в Норкин к тете Насте. Умная Анжела считает, что в счастье для мамы она разбирается лучше самой мамы... На севере она показывала на пришедшего сослуживца и спрашивала: "Это твой друг?" А когда вышла той ночью из своей комнаты, кажется, тоже готова была спросить. Константин Иванович – это такой случай и вдруг...

Ей показалось, что Дмитрий Анатольевич застонал в комнате. Она вскочила с кресла, но в комнату вошла тихо. Убедившись, что это ей показалось, она стояла и радовалась внезапно осознанному миру и покою в ее доме, а может, и во всей Кизилровке, И вдруг она увидела, что он не спит: приподнял марлевую занавеску и, улыбаясь, глядит на нее.

– Мне слышалось, что вы застонали, – призналась она. – Я вас разбудила?

– Нет, мне приснилось малиновое варенье в Кизилровке. Может, я и застонал, потому что во сне мне надо было ждать до самого утра.

– Я сейчас поставлю чайник.

– Подождите. В другой ситуации я, пожалуй, этого говорить не буду... Меня откровенно радует, что раньше я стонал оттого, что не мог сказать прямые слова какому-нибудь начальнику. У молодой демократии есть некое образование, похожее на незащитный хвостик ящерицы. На него запросто могла наступить грубая обувь власти. В этом случае, в полном соответствии с биологией, происходит самоампутация хвостика. Название того выроста – свобода слова...

Улыбнувшись, она прошла во вторую дверь, выходящую на кухню. Поставила небольшой чайник на плиту. Решительно вернулась.

– Извините, Дмитрий Анатольевич, я должна вам помочь пройти через кухню. Там не только кухня, там санитарный блок...

Слава Богу, ничего не надо объяснять медику, понятливому человеку, да и она не такая уж молодая, чтобы у нее появился румянец на щеках. Демидов на ее слова спокойно ответил:

– Я дойду сам, Елена Сергеевна. Не забывайте, что я стал зрячим. Зрячий глаз нужно в дело внедрять!

Ей надо было вернуться на веранду и отыскать малиновое варенье. Мама варила его по инерции ежегодно, совершенно не думая о том, что количество гостей с годами уменьшается. Но пока малина не вырождается, и руки у мамы не болят, и не увеличивается количество внуков, варенье будет засахариваться, и занимать все свободные полки. Маму никак не убедишь, что надо просто меньше варить, тогда его запасы будут уменьшаться.

Ей хотелось курить, но она боялась, что Дмитрий Анатольевич будет кашлять, а это после операции очень вредно. Она взяла литровую банку из шкафчика в простенке. Дмитрий Анатольевич уже сидел на кровати. Она поставила варенье на тумбочку и прошла за чайником. Себе опять заварила кофе: ночь еще впереди. Спросила больного, какой чай он любит, и налила ему в чашку. Дмитрий Анатольевич попробовал варенье, прихлебнул чай и произнес легко, по-домашнему:

– У кого-то контакты не идут дальше контактного телефона. А мы с вами и по телефону не говорили. Не странно ли? Дети в хороших отношениях...

– Давайте думать о детях! – поспешно подхватила она.

– О них надо думать осторожно, – заметил он. – Они большие и умные. И их легко обидеть.

Взглянув на него, она с огорчением предположила, что он говорит и о своей обиде. Или только о своей. Он тоже умный. Она ведь его совершенно не знает.

Какое-то время они молчали. Елена Сергеевна пила кофе, а Дмитрий Анатольевич прихлебывал чай. Надо было поискать другую тему разговора. Он сказал, не прибегая к словесным ухищрениям:

– Как я, Господи, истосковался по ликованию на площадях, когда мне доверяли нести портрет самого Кириленко! Вы не находите, что люди, которые не могут забыть о колбасе за рубль восемьдесят, в сущности, прославляют наши лагерные шаланды, полные баланды? Я вынужден согласиться, что человечество живет все хуже и хуже. Возьмите экологию: Алтай засорили из космоса, Байкал отравили отходами бумажного комбината. Нынешний человек даже в чуме вынужден открывать для себя нечто притягательное. При чуме времен Возрождения даже пир был возможен. А вот при СПИДе, какой уж тут пир?!

Она видела его в профиль. Прищуренный здоровый глаз утаивал смех. Упрятанный смех – это и есть ирония. О здоровом глазе она подумала опрометчиво. Он тоже больной, но не оперированный. Спросила его:

– Вы все-таки полагаете, что мы имеем право думать о себе?

– Непременно! Иначе мне, например, можно было и не оперироваться. Мне страшно подумать, что еще вчера меня спрашивали: "Вы совсем не видите?" И я отвечал: "Вижу солнце, но не знаю, с ка-

кой оно стороны..." И вас я не видел, вы почему-то к нам не приезжали. Но я расспрашивал сына, какая вы и не видел ли он какого мужчину у вас в доме...

– Не надо, Дмитрий Анатольевич!

Демидов посмотрел на нее, приподняв квадратик марли.

– Я больной, – доложил ей с нарочитой усмешкой. – Долгое время мне надлежало быть зашоренным, задраенным, зашнурованным. А теперь, как говорила наковальня: "Хочу размягчиться душой!"

Недопив чай, он опустил голову на подушку. Ладонью она попробовала его лоб и ужаснулась: жар!

– А ну-ка давайте измерим температуру!

Последний раз термометр брала Анжела и, конечно, на место не положила. Лена поискала в шкафчике, не нашла, потом вспомнила, что у нее есть новые градусники. Один из них протерла одеколоном и вернулась к Дмитрию Анатольевичу. Подумала, что он уснул, но он только прикрыл глаза. Почувствовав, что она стоит рядом, он протянул руку и взял термометр.

– Вам надо выпить жаропонижающее. Что вам дать?

– Аспирин. Если есть – наш аспирин. Тут я патриот, хотя учу все время Андрея: патриотизм – такая штука, которую нельзя вбивать молотком. Я не знаю, как себя чувствуют те, которым вбивают, но я, наблюдая со стороны за этой процедурой, чувствую себя неважно. Но к своим лекарствам я привык. И люблю свою музыку. Тут я патриот. Не напрягай лосины на родимые осины...

У него было учащенное дыхание. Попробовал допить чай, но раздумал. Старательно подержал градусник, пока она не взяла его. Покачала головой, дала ему таблетку. Чтобы ему было удобнее, Лена

приподняла на ладони его голову и поднесла к губам чашку с чаем. Он съел ложку варенья и выпил весь чай. У Лены мелькнула мысль разбудить Андрея. Но она тут же оставила ее. Зачем? Ее просили подежурить у постели больного, и она дала на это согласие. Тихо, на тот случай, если Дмитрий Анатольевич уснул, она произнесла:

– Надо, чтобы Андрей привез Бориса Павловича сюда. Вам нельзя никуда ехать.

Не открывая глаз, он ответил:

– А ехать придется. После пожара у него не будет времени ни минутки. Но все равно вы не отпускайте меня, Елена Сергеевна. Надо что-то придумать...

– Не отпущу! – отозвалась она непокорно и вскидчиво.

Он взял ее холодную руку и поцеловал горячими губами.

– Нам будет трудно! – сказал шепотом. – Если у детей ничего не выйдет, то и у нас не состоится. А если у нас размолвится, то и у них может наперекосяк пойти. Молчите! Я больной, мне все можно.

– Какие ужасные слова вы сказали: "Если у нас размолвится". Еще ничего и не смолвилось...

– Беру свои слова назад. Я больной, мне все можно.

– Господи, зачем все так? – спросила она. – Почему все так сложно?

Недорубы

Роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Мелькали обожженные летним зноем пыльные деревья придорожных лесопосадок, а за ними неопрятные поля с послеуборочным палом и бодыльями скошенной на силос кукурузы. По ним уныло бродили немногочисленные отары овец, еще реже встречались коровьи поредевшие стада. За последние годы много буренок пошло под нож. Кое-где одиноко трудились могучие «Кировцы», поднимая зябь.

Непривычно вымытый на городской автомойке «уазик» резво мчался по непривычному для него асфальту, пока за райцентром, большим селом Ивановским, а ныне городком Светлопольском не выехал на более привычный гравийный большак с тряскими колдобинами. Тут поневоле пришлось поубавить прыти.

Павел Недорубов вместе с сыном Павлом-младшим возвращался из Ставрополя. Теперь частенько приходилось мотать-

**ВЛАДИМИР
МАЛЯРОВ**

Проза

ся в краевой центр по своим торговым делам и не только. Вот, вез домой несостоявшегося студента. На первом же экзамене в сельскохозяйственный университет Пашка завалил сочинение. Недавно был обычный сельхозинститут, а теперь – университет! Поневоле поджилки задрожат при поступлении. Но у Пашки поджилки не дрожали, просто в школе учился плохо. В ущерб занятиям любил больше батьке в поле помогать. Павел Недорубов глянул на ту солидную вывеску на здании университета и насмешливо пробормотал:

– Конечно, после университета положено в кабинетах сидеть, потому теперь простых агрономов в поле и не видно...

Оба – и отец, и сын – были не очень расстроены неудачей. Пашке и без того надоело учиться, с боем едва одолел одиннадцатый класс. Старший Недорубов и прежде стоял на том, что надо отслужить в армии, подумать, а потом уж и поступать хотя бы в техникум – все равно грамотешка в сельском деле не помешает. Другое дело – Лариса, и не хотелось бы ее огорчать, но куда денешься, придется...

Первое огорчение – Павлуша не поступил в университет. По мнению Ларисы – кого же туда принимать, если не ее сына, чуть ли не с самых пеленок катается на любой технике, пашет и сеет, можно сказать, доморощенный агроном. А что тройки, так это от постоянной занятости, некогда было уроки учить, а университет, если постарался, и на пятерки мог бы окончить. Так думала Лариса и, несмотря на слабенький аттестат, все же надеялась, что Павлуша поступит в тот университет, будь он неладен. Нет, не поступил. Второе, еще большее огорчение – армия, теперь жди с дня на день повестку на осенний призыв. И это бы ладно. Да кровавая бойня того и гляди вновь разразится под боком. А кого, спраши-

вається, в першу голову засылать на ту необъявленную войну? Кто ближе под рукой окажется. И беженцы оттуда продолжают бежать на Ставрополье, а то и вовсе куда глаза глядят, лишь бы подальше от разора, насилия и мученической смерти.

Ни одно лихо не обходило стороной степное село Кураново, будь то засуха, падеж скота, смена власти или война. Курановцы понимали, что вся Россия страдала от тех же неурядиц, но порой им казалось, что именно на Кураново свалились все напасти.

На маковке Песчаной горушки Павел остановил машину у трех молодых акаций, посаженных им же несколько лет назад. И добротную лавку тут же поставил, и «грибок» над ней от непогоды разной. Любил отсюда оглядеть хутор и его окрестности – далеко и широко видно.

– Разомнемся, – проговорил Павел и полез из машины.

И Пашка охотно выпрыгнул из «уазика». Ему и вовсе не торопилось на хутор, там он увидит мать, ее скорбное лицо от таковской новости...

Павел присел на лавку, потянул из кармана сигареты. Иногда подолгу здесь сживал, глядя на свое детище – хутор Недорубы. Говорят, даже на карте района появился его хутор. Теперь-то было на что посмотреть, а тогда – пять лет назад... Больше года темнели страшные черные пятна пожарища, пока не закрылись новыми постройками, не засыпались гравием...

– Закуривай, чего уж там, – не глядя на сына, проговорил Павел. – Небось уши за дорогу опухли...

– Да ладно, – смущенно пробормотал младший. – До дома потерплю...

Курил Пашка давно, но вот при родителях не смел, хотя сигареты, как прежде, не прятал.

Сидели рядом – уже немолодой, но и еще нестарый, главное, в нем, в этом мужике, чувствовался достаток матерой мужицкой силы. И молодой – лицом – весь в мать, а ростом, статью – недорубовская порода.

Оба смотрели на раскинувшийся внизу хутор, на который уже пала вечерняя тень, а на горушке пока еще было светло от последних лучей заходящего солнца. Оно вот-вот готово было коснуться окоема.

В окружении плакучих ив тускло проглядывало зеркало хуторского пруда, не того, похожего скорее на овражную бочажину, а большого, настоящего с карасями, сазанами, зеркальными карпами и толстолобами. Пруд несколько раз чистили и расширяли, пока не обнаружили родники, и скважина, теперь уже другая, изрядно подпитывала водоем. Рыбаки по выходным наезжали и не только свои, курановские. Пусть удят – не жалко, но и не бесплатно. Дед Корней зорко охранял вверенное ему хозяйство. С некоторых пор ему помогал внук Антошка, ровесник Толику Недорубову.

Рядом большой квадрат фруктового сада, куда от самого дома вела аллея из тех же фруктовых деревьев. Поодаль от жилой усадьбы два длинных каменных сарая под шиферной кровлей – коровник и свинарник. Ближе к пруду, еще один – птичник. К хозяйским постройкам вела гравийная дорога. В следующем году предполагалось положить асфальт. Но, говорят, хозяин предполагает, а Бог располагает...

– Поехали, – Павел-старший поднялся с лавки. – Тебе, Пашка, еще предстоит доклад матери сделать...

– Пап, ну ты, в случае чего, скажи свое – веское...

– Учиться надо было хорошо, – назидательно проговорил отец, – а не... – но разом осекся. Что «не»? А не помогать отцу, бывало перепутавшему в работе день с ночью.

Да, без жены и детей и вовсе худо было бы вновь вставать с колен на ноги.

2

Так уж повелось, если муж не возвращался домой засветло, то Ларисой начинало овладевать беспокойство. Накануне Павел повез в Ставрополь мясо и рыбу, там теперь содержали продовольственную лавку. Димка уступил старшему брату торговую точку, ставшую ему обузой. У него теперь был свой ресторанно-туристический бизнес и выходил далеко за пределы края. Какой-то ларек для Димки – тьфу! Для Павла же оказался в самый раз. Перекупщики одолели, скупая мясо и другую продукцию по дешевке на корню. А тут собственный магазин почти в самом центре города. Павел называл его по старинке – лавкой. Правда, рыбу продавал не в лавке, а напрямиком вез на рынок, чтоб не залеживалась.

– Торгуй – флаг тебе в руки! – сказал Димка с усмешкой, когда на руках старшего брата оказались все нужные бумаги. – Все по-честному, пока я жив... С участковым только будь повежливее – хошь не хошь, а твоя крыша, – и расхохотался, бестия.

– Мне уже однажды предлагали крышу, – вспомнил Павел Плешивого.

– Та крыша, Паша, давно под крышкой...

– Помер?! – удивился Павел.

– На зоне свои порешили за какие-то провинности. И свиты его больше нет, – хлопнул Димка по плечу старшего брата. – Так что торгуй и никого не боись...

– А я никого и не боялся...

Содержать даже небольшой магазин в городе, тоже нужны деньги и немалые, но овчинка стоила выделки. Теперь голова не болела, куда сбыть мясо, яйца, масло и прочее.

И магазин вскоре приобрел у горожан популярность. Лариса даже больше Павла была довольна нечаянным приобретением. Думала, что Павел «из принципа» откажется от Димкиного подарка. Не отказался. Как-то невзначай проговорился, словно оправдывался перед женой:

– Жизнь, Лара, сложная штука. Ну, отказался бы я, а чего добился бы? И мы потратились на обустройство лавки, налоги платим, зато этих шкуродеров-перекупщиков больше не кормим. Прямо сердце кровью обливалось от досады – тебя на собственных глазах без всякого стыда раком ставят, дерут как ту липку, а ты только кряхтишь...

Кроме милиции, в начальстве оказались и санитары, и пожарники, и электрики – со всеми чинилась Лариса. Она чаще Павла навещалась в город и сама любила постоять за прилавком.

Лариса же и продавцов наняла. Ими оказалась семейная пара Омелиных – Борис и Катерина. Димка же и присоветовал Ларисе супружескую пару. Знал обоих еще «челноками» в начале девяностых. Не повезло им в бизнесе, как и многим в то лихое время. Бориса и Катерину долгое время мытарил отступными местные бандюки, а однажды, после поездки супругов за товаром в Турцию, вломились поздно ночью в квартиру. Бориса избили до полусмерти, Катерину втроем изнасиловали и товар подчистую вымели. На этом бизнес Омелиных и закончился. Больше не решались пытаться судьбу. Своего не имели, но от торговли не отказывались, еще Димке оказывали услуги в этом деле. Подозритель-

ная к горожанам Лариса долго присматривалась к паре, в конце концов осталась довольна. Жили Омелины рядом с магазином и знали в округе всех жителей не по именам, так в лицо. И в этом тоже были свои плюсы.

В неделю раз Лариса обязательно мчалась на своей «девятке» в город. Кстати, машину невестке подарил Димка на ее сорокалетие. Павел было набычился, мол, чего ты мою Лару позоришь, такие подарки только любовницам делают. На его слова и Димка не на шутку рассердился, что бывало с ним редко по отношению к старшему брату.

– Да, подарил бы я твоей Ларе брусок земляничного мыла и духи «Ландыш», ты бы тогда был доволен! – зло сказал Димка. – Тебе на день рождения обязательно подарю французскую лопату. Она, говорят, легше нашенской...

На сторону Димки тогда встали как один его племянники с племянницей:

– Папка, ты совсем не уважаешь дядю Диму! – категорично заявил Пашка.

– То говорил, что тебе чужое мнение по барабану, а тут вдруг сплетен испугался, – поддержала брата Маринка.

– Пап, мамка на тракторе не хуже тебя управляетя и шоферские права получит, – подал голос и младший Толик, истолковавший по-своему возникший спор. – Зато покатаемся!..

Виновница лишь отмалчивалась, с благодарной улыбкой глядя то на деверя, то на своих чад-заступников. Против кровно-родного коллектива Павел уже выступать не мог, хотя последнее слово оставлял за собой.

– Все равно, не убедили, – Павел пытливо оглядел все свое восставшее семейство. – Таковские подарки делают те, кому деньги легко достаются...

– Каждый, братушка, по уму себе на жизнь до-
бывает, – ухмыльнулся Димка. – Ты пытаешься свой
товарец подороже продать. Серега, в своем зубном
деле, хочет побольше из пасти клиента вырвать. А
я, что же среди вас придурком должен выглядеть?
Шалишь, братец...

Лариса оказалась заправским водителем, из тех,
кто не боится замараться, если «зажигание ушло в
колесо». А зеленую «девятку» она делила со стар-
шим сыном. Лариса рулила днем, а Пашка вечера-
ми. Уже начал с девками погуливать.

Лариса ждала возвращения мужа из Ставропо-
ля, а встретила и мужа, и сына. Конечно, обрадова-
лась вначале своей кровиночке, да быстро прискор-
бела, поняв по виноватому Пашкиному виду, что
вернулся он домой, как говорят, на щите.

– Как же ты так, сына, на старте забуксовал? –
пригорюнилась Лариса.

– Да, Пушкин, мам, на сочинении заколебал...

– Пушкин – это ж хорошо, Паша! – в отчаянии
воскликнула Лариса. – Я и то все помню и про Оне-
гина, и про Татьяну!..

– Помнить – одно, – вмешался отец, – а сочине-
ние написать без ошибок – другое...

Да, Лариса расстроилась, потому что живо пред-
ставила Пашку уже в беспокойной Чечне.

– Говорил Дима, мол, надо маленько подсует-
иться в том университете, – с упреком посмотрела
она на мужа, – так ты на дыбы...

– Не переживай, – успокоил Павел супругу. – Вы
с Димкой ничего, кроме школы, не кончали, а живы
и даже не бедствуете. Авось и Пашка не пропадет
без университета!

– А как же армия!?

– Придется пойти и два года, как положено, от-
дать Отечеству...

– А вдруг опять война в Чечне рядом полыхнет?.. Ведь туда Пашку и кинут!..

– Не надо загодя никого хоронить! Может Пашку на Север – к белым ведмедям заберут!? – рявкнул Павел и, круто повернувшись, пошел к машине.

Из дома на крыльцо выскочила Маринка, за нею Толик. Увидев брата, оба бросились к нему обниматься, будто век не виделись.

– Как дела, студент? – Маринка заглянула в глаза брата.

– Здорово, академик Павел Недорубов! – вмешался младший Толик. – Звучит!

– Хоть вы-то не травите душу! – в сердцах прикрикнула Лариса на детей.

– Мам, да будет тебе, – сказал Пашка. – Я и сам хочу отслужить в армии, а там видно будет...

3

Тогда, в 1993 году, после пожарища, тяжело приходила в себя семья Недорубовых. Сгоревшие вместе со скотом и птицей временные хозяйские постройки хутора не подлежали никакой страховке. И, все же, начинали не с нуля как было прежде. Стоял целехоньким дом, хата, навес с техникой. Подрасстали дети и уже оказывали существенную помощь родителям и, вообще, вся семья сплотилась вокруг Павла и споро впряглась в работу.

Остался в живых жеребенок Орлик, а его жеребая мать Галя задохнулась в дыму. Может она и выбила сыну из последних сил створку ворот конюшни. Как-то выбралась на волю самая малоудойная корова Мотька, которую собирались пустить под нож – отделалась обгоревшим боком.

Спаслись опаленные в огне свиноматки – две из дюжины, а вот могучий породистый хряк Харитон сгорел. Вся начисто погорела и птица.

А следствие по делу затянулось, потом и вовсе заглохло.

– Висяк ты нам приподнес, Павел Тимофеевич, – сказал Недорубову участковый, лейтенант Руслан Самохин. До армии парень слыл большим лодырем. А, отслужив, как говорят, нашел свою нишу – пошел служить в милицию.

– Не все ли равно вам, одним висяком больше, одним меньше, – насмешливо ответил Павел Самохину. – Нынче сами от бандюков бегаετε, а не они от вас...

– Вот за такие речи и не понравился ты следователю...

– Я не девка, чтобы нравиться вашему следователю, а только кишка у вас тонка, что у тебя, что у следователя перед нынешними братками, – продолжал Павел издеваться над участковым. – Это тебе не пьяных на танцах усмирять...

– Ты, Павел Тимофеевич, говори, да не заговаривайся, – набычился Самохин. – Я власть представляю, могу и привлечь...

– Какова власть – такова и милиция! – отрезал Павел.

Больше он не обращался ни к следователю, ни, тем более, к участковому Самохину, который, говорили односельчане, боялся ночью из дому выходить, чтобы ненароком местные братки не отняли табельный пистолет.

Свое расследование вел Димка, говорил, что за все поквитается: и за племяшку, и за мать. Он, Димка, и пришел первым на помощь старшему брату. Сразу оговорил условия:

– Если и нынче откажешься от помощи – больше ноги моей у тебя не будет!

– Что так круто? – недобро усмехнулся Павел. – Мне уж так наугрожали, что и вовсе бояться перестал.

– Пашка, умерь свою гордыню, – примирительно сказал Дмитрий. – Я, братка, хочешь жизнь положи, чтобы ты и твоя семья из беды выкарабкались. Ты всем Недорубовым памятник на земле ставишь! Что мы с Серегой – нас при жизни никто не знает, а помрем и кто знал, забудут. А через тебя Недорубовы долго в памяти жить будут. Ты добрым делом занят, когда кругом все с ума посходили, – мало нынче таковских. Ты знаешь, сколько российские шишкарки, а с ними и ставропольские, под себя нагребли – у таких, как ты, отняли, и лозунг у них негласный: «Было все народное, а теперь мое!» Я тебе просто хочу вернуть то, что у тебя отняли...

– Что-то знакомое припоминается из истории, – пытливо глянул Павел на младшего брата. – Грабь награбленное! Так что ли?

– Паша, ведь не все вокруг тебя такие железные, – убеждал Димка брата. – Твоя семья, ведь и мне не чужие люди – мои племянники мне до последней кровиночки родные.

– Что ж, входи в долю, авось рассчитаемся, – неожиданно согласился Павел, скорее от безысходности.

– Рассчитаемся, братуха, – ухмыльнулся Димка. – На том свете угольками...

А деваться Павлу было действительно некуда. В заклад домов давали смешную цену. Село враз стало бесперспективным. Дома за бесценок скупали русские и не русские беженцы из Чечни, Азербайджана, Грузии, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана – везде, после вселенского развала Союза, русских не привечали, а то и гнали взашей. Да и где их привечали? Выдавливали «старшего брата» многочисленные «младшие братья» из Азии, однако, не забывая пополнять еще в недавней столице всех столиц свои диаспоры. Пожалуй,

в Москве есть от каждой, прежде «братской» республики, свой «общак». Всяческой казуистикой и наглой ложью выжимали «оккупантов» прибалты, но те никогда и не прикидывались братьями, как и хохлы-«западники».

Да, многие бежали от безысходности и готовы были забиться в любую ставропольскую глушь, лишь бы подальше от всех пережитых насилий и унижений, а то и ужасов.

Но были и другие беженцы, которые приехали не голью пережатой, а с припрятанными кубышками. Эти стремились поселиться поближе к Ставрополю или в созвездии курортных городов, где набирал силу криминал и день ото дня хирела власть. А, как известно, в мутной воде легче ловить рыбку.

Тем не менее, дела Павла круто пошли в гору. Видно судьбе надоело глумиться над настырным мужиком. Спустя год после похорон матери Анны Семеновны, в Недорубы наведался и средний брат Сергей. С его помощью Павел приобрел в одном из окрестных колхозов, считай, новый «уазик», о лучшем и не мечтал. Без машины, без ближних и дальних поездок уже никак нельзя было обходиться и ездить на деловые встречи на «Запорожце» стало совершенно несерьезно. На этой машинешке братья Недорубовы ездили в школу.

4

Некоторые односельчане тоже попытались счастья на фермерском поприще. Так кум Павла Алешка Свирин с женой Марией обзавелись гуртом бычков, но в первое же засушливое лето погорели на кормах. Еще весну и начало лета гурт выходил на подножных кормах, и пока был зерновой прикорм. Но вскоре похужело. Дома косить стало нечего, а на

отдалке, в других районах, сено сильно кусалось ценами. О зерновых кормах и говорить нечего – в своем колхозе шаром покати, а где зерно уродилось, там хозяйничали волчары-перекупщики – чу-жака порвут, как «бобик грелку». В ослабевшем за лето гурте начался мор. Пришлось фермеру браться за нож. И самого хозяина взяли за горло банковские долги.

Однажды встретились кумовья в селе, поговорили.

– Возьми, кум, к себе, – без обиняков начал Алешка.

– Не показалось фермерство? – посочувствовал Павел куму.

– У тебя, видишь, помощников много, – вздохнул Алешка. – А мы вдвоем с Марией бились, бились... Одна дочка и та в городе. От нее помощи, только – ей дай! Не с пустыми руками приду. Трактор «Беларусь» есть, гусеничный хоть и старый, но на ходу, два пая земли с Марией имеем...

Как выкружил технику из колхозного имущества – лучше не спрашивать. Один ответ – приватизировал. Тогда и не такую мелочь «прихватизировали» – все сходило с рук.

– Приходи, кум, что-нибудь придумаем, – сказал Павел Алешке. – И куме работу найдем...

А приватизация-прихватизация тогда набирала силу. Катилась по всей стране и местами оканчивалась не бескровно. Завоевывались заводы и фабрики, тут же переходя в частные руки. Вскоре по всей Расее -матушке, словно грибы в урожайный год, стали появляться миллионеры. Придушили совесть даже те, кто еще так недавно взывал к ней с высоких горбачевских трибун. Оказалось, что без совести, как нынче говорят, жить стало комфортнее. А «любимый» Горбачевым «электорат»,

с передачей власти амбициозному Ельцину, стал еще стремительнее нищать и бедствовать. Первая чеченская кампания только способствовала этому. Еще мелькали в городах на улицах и в переходах голубые береты и тельняшки матерых колясочников-инвалидов, бывших воинов «афганцев», как их полку прибыло совсем юное пополнение калек с чеченской нечаянной проклятой войны.

Именно в эту лихую пору Павел Недорубов решил взять у некоторых бывших колхозников их земельные пай в аренду. Взял столько – сколько мог потянуть. Установки прежние, но в более широком плане – растениеводство, мясо, молоко, птица и, в перспективе, рыба.

Опять едва не подкосил неурожайный год. Восток на Ставрополье – дело тонкое. Зона рискованного земледелья – всего можно ожидать. Принялись роптать пайщики, сдавшие свои земли в аренду, требовали обещанного.

На помощь перспективному хозяйству пришла Ассоциация фермеров, вошли в положение в аграрном банке, словом, выручили. А, вообще-то, долги – бич земледельца.

Уже на следующий год Недорубов хорошо вышел с зерновыми, а значит было мясо и прочее.

В соседнем районе появилась современная частная маслобойка. По договоренности, Недорубов расширил посев подсолнечника. Собственно, вникал в новые отношения.

На хуторе выросли капитальные постройки для свиней и скота, птичник, цех по переработке кормов, большой пруд, но все это появилось не враз, а за годы ошибок, поисков и открытий.

И народу на хуторе прибавилось.

Как-то на сельской улице притормозила подле Павла некогда знатная колхозная доярка и давняя

зязь брата Димки – Галина Щукина. Она ездила на невиданном тогда в Кураново юрком скутере – и не мопед, но и не мотоцикл. «Черти что!» – прозвали односельчане Галькину игрушку.

Поздоровались.

– А что, деверек, не возьмешь ли на хутор в доярки? – словно бы в шутку, спросила Галина.

– Говорят, на ловца и зверь бежит. Как же родной душе не порадеть!? – подыграл красавице Павел. – Тебя, Галина, хоть сейчас свезу на хутор. Правда, от Ларисы не миновать мне побоев...

– А кроме шуток?

– Честно, буду рад, если и с собой пару подруг прихватишь. Сам думал к тебе наведаться, – сказал Павел. – Доить есть кого, но пока трех доярок хватит – больше не потяну. На ферме пока Лариса, Маринка, да кума Мария управляются...

И на птичнике появились две курановские вековухи – теща Алешки Свирина тетка Дарья, да де-белая старуха Авдотья Жеребцова, знающая толк в птице.

Как-то пришел на хутор и Галькин отец-пенсионер Корней Щукин.

Павел Тимофеевич, – обратился старик к Недорубову. – Молодые, понятно, тебе нужнее, а вот старому мерину не нашлось бы у тебя какой заботы?

– Корней Данилыч, неужто в колхозе за всю-то жизнь не наработался? – удивился Павел.

– Ой, как наработался, – согласился старик. – Да вот пенсию, понимаешь, колхозную не по усталости платят...

– Помнится, ты, Корней Данилыч, в колхозном саду бригадирствовал?..

– Как же, двадцать годков, как один день!

– Займешься садом?

– Спасибо тебе, Павел Тимофеевич.

И не только садом занялся еще крепкий старик, но и рыбоводческим хозяйством.

Постепенно входила в свое русло жизнь на хуторе, после жестокой огневой разрухи, за которую так никто и не ответил.

5

Так уж повелось на Руси, что свои правители не дают без огорчения пожить русскому человеку. Только-только душа в нем маленько расправит крылья, глядь, его уже чем-нибудь да оглоушат сверху.

Все чего-то ждали от горбачевской перестройки, гадали, чего же получится от его многочисленных визитов по миру вместе с супругой. Порадовались ставропольчане, наконец-то наш мудрый земляк прекратил войну в Афганистане. Рано радовались. Перемудрил земляк, а может жена Раиса не то и не так присоветовала. Ее-то он слушался. Редкий его визит в за границу обходился без ее подтянутой, стройной фигурки. И пошла по стране гулять бодрая припевка:

*По России мчится тройка,
Мчится, бешенная, вскачь.
Мишка, Райка, Перестройка,
А за ними вой и плачь.*

Много худого приподнес своему народу первый президент Советского Союза. С его излюбленных слов «процесс пошел» – он пошел. Да еще какой процесс и как быстро пошел!..

Будто в дурном сне, промелькнули и заточение Горбачева в Ялте, вместе с женой и прочими домоладцами, и безголовое ГКЧП, и отказ первого президента СССР от власти.

Но продолжил «угождать» своему народу и первый президент России Борис Ельцин, вскочив-

ший у «белого дома» на танк, как и Ленин в свое время на броневик. У него, Бориса, накопилось столько обид на своих недавних однопартийцев!?. А еще собственные амбиции, подогретые крепким напитком. Разгром «белого дома» и прочие события не заставили себя долго ждать. Советский Союз будто корова языком слизнула, несмотря на протесты, тогда еще огромных народных масс, в большинстве своем проголосовавших за нерушимость союза. Могучий и непоколебимый во главе с КПСС оказался колоссом на глиняных ногах – вот уж в самую точку, коль ничем не примечательной тройке немудрых и не достославных – Ельцин, Кравчук, Шушкевич – удалось одним росчерком пера решить судьбы пятнадцати республик. Народ не то, чтобы ошалел от калейдоскопа перемен, но и растерялся: «Батюшки, да что же творится на белом свете!»

А где разор и разруха, там и распря. Армия в растерянности после горбачевских уступок. Запад ликует – афера удалась! Горбачев оказался своим парнем! Когда-то с большой кровью неуступчивый тиран Сталин пробивался на Запад. Зато при Горбачеве согнали отовсюду, словно надоевших квартирантов. Так то, вроде бы, дальние родственники и при Горбачеве. Но уже при Ельцине возмутились свои – «младшие братья», а после его слов, мол, берите суверенитета сколько хотите, и вовсе распоясались. Спешным порядком начали выдворять за пределы своих республик армию и пограничников, в том числе. Сами с усами! А нашей российской армии в то время только войны и не хватало. Все ее пинали кому не лень. И она – война – не замедлила, потому что у Ельцина советчики были под стать горбачевским. Правда, собственную жену первый российский президент вряд ли слушал, хватало и штатных советников –

тупоголовых, но алчных. В очередной раз подставили российскую армию.

Война началась маленькая, но злая и кровавая, с первых же шагов показавшая, что нашу доблестную два ПЕРВЫХ президента довели до ручки. Главное, от всех мировых врагов можно было прикрыться самоубийственным ядерным щитом, а тут началась какая-то партизанщина, губившая цвет нации.

Аукнулось в Чечне и тут же откликнулось в Кураново. В один год два печальных груза свалилось на село.

Первым привезли в январе 1995-го тело Славки Жеребцова, полгода тому призванного на действительную. Сгорел парень в танке. Гроб не открывали. И только в окошечке смутно проглядывало что-то похожее на лик.

Спустя два-три месяца привезли Игоря Смолина – этому чеченский снайпер во лбу проделал дырочку. Игорь, правда, лежал в гробу при всем параде, утопая в цветах. А его пьяный батька, Васька Смолин, с матюками грозил кулаком кому-то в поднебесье.

Обе матери потерялись от нечаянного горя – надо же, в мирное время погибли хлопцы на бранном поле. А оба отца, известный гармонист-песельник Петро Жеребцов, он же замечательный плотник-столяр, и чабан Васька Смолин, по русско-му обычаю запили горькую. Ваське, как с гуся вода, пил и пьет до сих пор, только почернел и стал похож на обгоревшую головешку. А Петру крутой запой не обошелся даром. Однажды грохнулся оземь, не дойдя десятка шагов до калитки родного дома. Сразила его намертво сердечная недостаточность – врачи так сказали. И тот диагноз все чаще и чаще стал подтверждаться среди упокоенных жителей села, в особенности, в мужской его половине.

Лежат теперь рядом – сын с отцом. На селе не стало красивого парня, которому еще жить бы да жить, и мужика в самом расцвете мужских сил – последнего гармониста-песельника на селе.

В конце сентября погожим днем Павел и Лариса Недорубовы провожали своего старшего в армию. На лице призывника улыбка и бесшабашная удаль. Батяка тоже везде попевал, всех привечал. А вот лицо Ларисы просто обрезалось печалью. Да и как не печалиться? Гробы из Чечни везут и везут по окрестным селам. И призывникам-ставропольцам прямой короткий путь в ту свару. Ларису, конечно, поддерживали словом другие матери, авось обойдется, но легче от того не становилось.

А что же молодежь? Молодежь веселилась, лишь бы повод был. На берегу пруда раскинули огромный навес, под ним нескончаемый стол, а на столе...

Старик Корней Щукин – главный рыбак на хуторе и садовник – в одном лице, еще на зорьке потряс сети и накидал в садок отборных сазанов и карпов, караси не в счет.

В то же утро завопил в смертельном испуге кабан, да тут же и смолк, сердешный.

Был немалый переполох и в птичнике. А уж спиртного на столе понаставлено на любой вкус.

И все же, большого веселья не получилось. На Пашкины проводы пришли одноклассники, кои не успели съехать с родного села. Кто далее учиться поступил, но таких набиралось немного, в основном, ребята и девчата окунулись в городскую жизнь, словно головой в омут, авось повезет. Кто-то, как и Пашка, готовился идти в армию.

Больше оказалось одноклассников у младшего Пашкиного брата Толика. Вот те веселились на пруду у вышки, горланя на всю округу. В той вышке

высоты было пять метров. Хотелось братьям соорудить ее повыше, но батя больше железных труб не дал, мол, шею свернуть и того достаточно.

Толик – крепкий, стройный подросток, по всему, верховодил среди сверстников и уже не обходил стороной девочек.

– Ну держись, курановские невесты! – шутила по этому поводу старшая сестра Маринка.

– Где они? – лукавил Толька.

– Так уж у вас в классе и девочек красивых нет? – не унималась Маринка. – Одна Лиза Бердникова чего стоит...

– Тоже мне – нашла невесту! – продолжал лукавить пацан, хотя уже был уличен в том, что уделял особое внимание этой светловолосой и синеокой девочке, младшей дочке Никиты Бердникова.

Поначалу ну никак не получалось веселья. Уже прошло чинное рассаживание за столом, затем тосты в честь призывника, славословие родителям. Но постепенно гости расслаблялись. Женщины, сбившись в кружок на одном конце стола, в который раз пытались завести свою песню: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» Но за двумя мощными колонками, из которых вырывалось молодежное несуразное с минимумом слов и максимумом музыкального обвального грома, никакого «мороза» не получалось.

На другом конце стола сгрудились мужики. У них, после первой и второй, свои темы про политику, про политиков, что было при Советской власти и что стало при теперешнем капитализме или катаклизме – непонятно. И, конечно, не забывали опрокидывать по маленькой и закусывать, чем Бог послал. Алешка Свирин, видно одурев от разговоров «вумных» и водочки, вдруг вспомнил свояка Петра Жеребцова и гаркнул во всю глотку: «Не ругай меня,

мамания, что под шофера легла. Ты сама же мне велела накалымить на дрова. » Но тут же и умолк. Без гармонии и жеребцовского озорного взгляда частушка прозвучала дико и неуместно. Смугился и сам Алешка, под насмешливыми взглядами мужиков. А со стороны женщин сокрушенно покачала головой жена Мария: «Никак водка в голову через край вступила...» Выручил из неловкого положения старик Щукин. Пришел звать гостей на бережок пруда, сборной ущицы отведать.

А там, под ивами, шумела под свою музыку молодежь. Сам виновник торжества – Пашка, почти не отходил от рослой, красивой темноглазой девки, зрелые бедра которой просто распирали, благо прочные джинсы.

Парень уже месяц воловодился со старшей дочерью Васьки Смолина Ирккой, за которой тянулась нехорошая слава. «И в кого уродилась таковская красавица!? – дивились односельчане. – Отец – поглядеть да растереть и мать пигалица, а дочь, вишь, прям «мисс Кураново».

Ирка годом старше Пашки. Не окончив школу, убежала из села с каким-то заезжим молодцем. Года два где-то скиталась девка. Говорили о ней всяко-разное. Мол, видели ее в Ставрополе в ночном кабаке – выкаблучивалась там на сцене вокруг железной палки. Кто видел? Да, курановская молодежь проникла всюду до самой Москвы, вот только дома ей не жилось. Впрочем, молодежь винить нечего. Тут началась такая перетряска, что и бывалому лихому казаку в седле не удержаться.

Васька Смолин по пьяни грозился прилюдно непутевой дочке голову отрубить. Вот и она заявила, не запылилась. Но ни какой-то там брошенкой, а на своей машине, хоть и маленькой, но иномарке, и сама при нарядах и, видно, при деньгах. Говорила,

что у нее в Ставрополе «свой бизнес». И Васька, ее папаша, сразу сменил курс. Мол, дочка дуже богатая и каждый вечер ему на пивную сотенную отстегивает. Ейный муж чуть ли не главный ставропольский бизнесмен.

– А чего же он не навестит свово тестюшку? – ехидничали завсегдатаи местной пивной под вывеской «У АГАШИ». Недовольные жёнки тех самых завсегдатаев переиначили вывеску на базар блатных: «У ПАРАШИ».

– Бизнес не на кого оставить, – на полном серьезе отвечал Васька Путо. – Попробуй, отлучись – вмиг конкуренты оседлают тот бизнес. Зять и Ирку в село выслал от греха подальше, чтоб бандюки не похитили девку и не затребовали миллионный выкуп, конечно, в долларах.

– Брешешь, ты, Васька про зятя, – отмахивались мужики, – Просто твоя Ирка потрясла подолом перед теми бизнесменами – вот и разбогатела временно. Погоди, ей скоро наскучит тебе сотенные давать...

Такого оскорбления Васька Путо стерпеть не мог и лез на обидчиков с кулаками. Но в пивной всегда начеку был Степа Бык – малый лет тридцати, немой от роду и с придурью, правда, спокойный, пока его не разозлишь. А злить его охотников находилось мало. Сила у Степы была немеряной. Мог запросто придушить в своих объятьях, что неоднократно испытал на себе Васька Путо. Степа брал пьяного нарушителя спокойствия в охапку и выносил его вон из зала. Владелица пивной Агния Петровна Егорина – бывший последний главный ветеринарный врач колхоза «Светлый путь» – боготворила своего неприхотливого заступника и вышибалу. Степа не пил ни водки, ни пива. Любил макароны с сахарным пе-

ском, бананы и кока-колу, в чем Агния Петровна никогда ему не отказывала.

А Ирка Смолина, несмотря на свой статус «бизнес леди», не гнушалась даже жалкой малолюдной сельской дискотекой. Там и приглянулся ей Пашка Недорубов. С танцулек они ушли вместе, да вот уже месяц – не разлей вода.

Не нравилась эта смычка сына с Иркой ни Павлу, ни Ларисе, но оба пришли к молчаливому соглашению, мол, пусть перед армией погуляет парень. Рано впрягся в батькин тяжелый воз и не до гулюшек ему было.

Отгуляли, отшумели проводины. Разъехались гости. Сокрушался Павел, что никто из братьевьев не пожаловал проводить призывника. Оба оказались заняты по горло и выше. Димка, правда, телеграмму прислал, мол, не волнуйся, братуха. Встречу и провожу племяша в Ставрополе.

После гулянья, уже в сумерках Корней Щукин заметил чью-то машину, приткнувшуюся за садом. В машине разрывалась та же музыка, надоевшая старику за целый день. Сразу Корней не решился наведаться к машине – на воров не похоже, а там кто знает...

Только за полночь утихомирилось в той машине, и она так и простояла как вкопанная всю ночь на одном месте. Проснулся старик на зорьке, выглянул из вагончика – стоит, проклятая. Любопытство подстегнуло старика. Легко преодолев преграду от нашествия скотины, – канаву и земляной вал, Корней с опаской приблизился к машине и только теперь признал хозяйскую «девятку». Заглянул в салон и тут же отпрянул. Там разметались два нагих тела. Так на призывнике хоть какие-никакие плавки, а Ирка совсем нагишом. Она-то и испугала старика своей роскошной наготой.

6

Лариса едва не пустилась в пляс, когда Недорубовы получили первое письмо от Павлуши. Служить-то Павлик чуть ли не в саму Москву угодил! Всего-то тридцать минут на электричке всей езды до столицы.

– А ты, дурочка, боялась, – подразнивал Павел жену. – На войну-у Пашеньку отправят, с арабами-наемниками драться...

– Да кто же думал?! – сияла глазами Лариса. – Мы ведь никого не умаливали и никому не подмазывали, а вишь как вышло – Павлуша без малого в Москве очутился и через месяц присягу будет принимать...

Смотрел Павел на жену и радовался ее радости. Хорошо, что Лариса всего не знает, что ему брат Димка поведал. Он еще до отправки племянника по назначению из Ставрополя все выведал у военкомовских спецов. Что за команда у Пашки и куда ту команду направляют. Прямой путь Пашке лежал в разведшколу, а там из него будут делать то ли снайпера, то ли гранатометчика, словом, разведчика. И сказал Димка о том только старшему брату. Ларисе ни-ни... У нее, бедной, и так едва слезы просохли.

– Слава те, Господи! – в общем-то, не богомольная Лариса даже перекрестилась. – Далеко от войны отъехал сынка...

Павел лишь усмехался на ее скорую молитву. Глядя на повеселевшую мать, радовалась за брата и Маринка. А Толик напротив разочаровался:

– Я-то думал, что наш Пашка повоюет в Чечне, Хаттаба или Басаева изловит...

– Типун тебе на язык! – всполошилась Лариса, замахав обеими руками на младшего сына. – Хватит нам и тех вояк, что лежат на кладбище! Что видели? А уже лежат!..

Павел написал сыну, мол, про плохое не пиши, а ты больше про хорошее – хвастайся, мать любит это дело.

А Пашке и хвастаться не надо было. Кормили сносно, понятно, не дома. Правда, гоняли изрядно. И все шло крепкому парню на пользу. Когда прислал свою первую фотографию, то Лариса, разглядывая фото, воскликнула:

– Паш, глянь, а Павлуша только чуточки с лица спал! А так из себя гарный хлопец! И форма – будто ее для Паши специально шили!

– Сплюнь, Лар, а то сглазишь, – проговорил Павел, глядя из-за плеча жены на фото бравого сына.

– А и правда, Паш, что это я, дуреха, удумала сынкой хвалиться! – испуганно глянула Лариса на мужа. – Не дай Бог ему там каким лихом аукнется...

«...Пока карантин и прочие строгости, – писал Пашка родным. – Но в первое же увольнение поеду Москву поглядеть. Со мной служит, считай дома, мировой парень Борька Токарев, он родом из Мытищ, обещал главную Москву показать...»

На присяге у племянника побывал дядя Дмитрий, оказавшийся в Москве по своим делам, а после нагрянул и в Недорубы – редкий и желанный гость. Приехал на новеньком черном «мерсе», прошлый раз был на «ауди». Во второй раз приехал с водителем Саней, малоразговорчивым здоровенным детиной, с полудетской физиономией. Саня был заядлым рыбаком и на этой почве накоротке познакомился с Корнеем. Тот и рад был взять под свою опеку хоть и молчаливого, но щедрого городского гостя. Саня угощал деда хорошим коньяком и за рыбалку, которая всегда была удачной, вознаграждал старика долларами. И у того появилась валютная заначка. Если не был в школе, к Сане прилипал, в буквальном смысле, Толик. Его не так привлекала

обыденная рыбалка, как кобура с пистолетом под мышкой у Сани, с которой он не расставался даже на рыбалке.

Димка – Дмитрий Тимофеевич – изменился внешне за последние годы. Посолиднел, хотя и без брюха, и курчавая большая недорубовская голова не то чтобы сплошь поседела, к примеру, как у Павла, а будто ее плавленным свинцом облили. Одевался Димка всегда с иголки и выглядел крутым мужиком, а при телохранителе, так и вовсе...

Но каким бы важным не казался Дмитрий, а старую любовь не забывал. После вечерней дойки на хуторе, увез на черном «мерсе» свою зазную Галину куда-то в поля, оставив водителя рыбачить с дедом Корнеем.

На следующий день, когда прощались за столом, детей не было, Лариса не удержалась от деликатного вопроса к деверю:

– Дим, и чего вы мучаетесь? Антошка у Галины школу оканчивает, вам уже, слава Богу... Поженились бы, глядишь, и еще совместного дитенка сотворили...

– Во-первых, Лар, с чего ты взяла, что мы с Галиной мучаемся? – усмехнулся Димка. – Во-вторых, работа у меня беспокойная, то есть постоянно в разъездах...

– Что ж у тебя за работа такая, который год в толк не возьму? – с недоумением спросила Лариса. – Вроде и не начальник, а важный, и все у тебя есть, а не женишься...

– Потому что работа у него кобелиная, а кобелю до семьи дела никакого нет, – за брата ответил жене Павел, разливая по стаканам красное вино. – Отвязанный кобель – он всегда в бегах...

– Вот-вот, – не обидевшись, подтвердил Димка слова старшего брата. – А встретимся с Галькой и

все у нас как в первый раз! – уже с хохотком добавил он. И вдруг разом оборвав этот сальный хохоток, озлобленно посмотрел на обоих: – Вот вы оба далеко хорошо видите, а под носом увидеть вам куриная слепота мешает!

– Чего мы под носом не видим? – первой всполошилась Лариса, пока до Павла доходили слова брата.

– Маринка пашет на вас, куркулей, вы и довольны, и помалкиваете в тряпочку! Вы что же, собрались эксплуатировать девку до седых кос?

– Типун тебе на язык, Дима, – жалобно посмотрела Лариса на деверя. – Мы ли ее при себе держим? И Паша, и я уже не раз разговаривали. Мол, не хочешь в Ставрополь, поезжай в Краснодар к бабушке. Учиться будешь и бабушке поможешь – одна осталась...

«Мне и тут хорошо!» – один сказ у девки.

– Разговаривал и я с ней, – признался Дмитрий. – У меня квартира стоит пустая, жила бы, училась... Ни в какую!

Уехал Димка на своей роскошной машине, повез его в привычную жизнь водитель Саня с пистолетом под мышкой. Дед Корней отобрал Сане из общего улова самых-самых, чтоб порадовал семью. Дед первым узнал, что у Сани в Ставрополе есть жена, ребенок и престарелые родители.

7

Маринка оставалась с родителями. Девка вышла видная по всем статьям. Вся недорубовская порода отразилась в ее красивом смугловатом лице с нетронутыми и без того словно нарисованными черными бровями, и даже темную косу пока не трогали ножницы. И ростом вышла – на полголовы переросла, не сказать чтобы низкорослую мать.

Жить бы ей не на хуторе, так от женихов отбою не было бы. И сюда одно время повадился сынок бывшего председателя колхоза Федюшка Ревякин. Парень видный, армию отслужил. Ларисе очень нравился Федюшка.

– Сразу видно, что парень не какой-нибудь вертопрах, – не раз говорила Лариса мужу. – И вообще парень не в батьку – со всеми обходительный и Маринку видно, что любит...

Павел отмалчивался, но завидев вечером красный Федюшкин мотоцикл на горюшке, насмешливо говорил жене:

– Лар, встречай, зять приехал...

Молодые встречались у пруда. И Маринка вроде бы повеселела, расцвела. Но потом что-то у них разладилось. Перестал появляться красный мотоцикл. И Маринка вновь замкнулась в себе.

– Чего у вас с Федей не заладилось? – спросила как-то Лариса дочь.

– Нахальный больно, – только и сказала Маринка.

Не все сказала девка матери. Федька Ревякин только поначалу повел себя влюбленным скромником. А однажды в вечерних сумерках, когда сидели на травке на самом берегу пруда, взял да и опрокинул Маринку на спину и, что-то бормоча, полез под платье да за трусики. Сильная Маринка тут же вывернулась из-под насильника и вскочила на ноги:

– Сдурел!!!

Федьке ничего другого не оставалось как тоже встать на ноги.

– Тебя гуртом оприходовали, – сказал с кривой ухмылкой, – а тут одному дать жалко...

Так вот зачем приходил – думал легко уломать опозоренную насильниками девку. Слезы так и

брызнули у Маринки из глаз. Ничего не сказала она мерзавцу, развернулась и со всех ног бросилась к дому.

А вскоре Ревякины и вовсе выехали из Кураново. Односельчане говорили, что Ревякин на колхозные денежки поставил себе бо-о-о-льшущий особняк в пригороде Ставрополя.

Толик – еще одна надежда Павла. В отличие от старшего брата, младший с большой охотой «грыз гранит науки» и, судя по отзывам учителей, успешно. После встречи с ними в селе, Павел просто расцветал. Надо же, Толька круглый отличник! И все родительские мероприятия по школе Павел посещал охотно, ремонтом самолично помогал и деньги какие-то вкладывал на нужды школы.

К Павлику бывало на родительское собрание тебя не затащить, – упрекала Лариса мужа. – Мне одной перед учителями приходилось отдуваться, а тут разохотился...

А еще Павел стал наведываться в церковь. Зашел как-то из любопытства, у входа перекрестился непривычно, послушал печальный хор из трех стариков и десятка старух, да так и остался до конца службы. К своему удивлению, среди певчих стариков Корнея Щукина заприметил. И потом стал по праздникам наведываться в церковь, когда в Кураново съезжались богомольцы сразу из трех ближних сел. Почитали местного батюшку.

Материну божницу из трех икон перенес из старого дома на хутор и сам в церкви купил икону Николая Угодника, чем привлек внимание отца Федора, а следом и его благосклонность. Как же, из селян фигура Павла Недорубова, пожалуй, самая приметная во всех отношениях.

– И какие грехи ты взялся замаливать, Паша? – подозрительно заглядывала на мужа Лариса.

– Знаешь, Лар, хоть в церкви маленько отдохнешь головой от работы, – оправдывался перед женой Павел. – Свечку поставишь – родных вспомнишь. Лоб перекрестишь – о себе подумаешь. И тебе не мешало бы туда наведаться...

– Ежли оба станем в церковь шастать, то кто на хуторе управляться будет, – неопределенно пробормотала Лариса. – Теперь и в доме иконы – молись, когда руки делом не заняты...

– Там, Лар, поют по праздникам, – продолжал Павел. – Где ты еще услышишь нашего Корнея, а он там поет – соловей позавидует...

– Корней – поет!?! – удивилась Лариса. – Уговорил, позовешь, когда соберешься, а то всего и была-то в церкви пару раз на Пасху...

Пока Лариса собиралась посетить курановскую церковь, туда стала заходить Маринка и не только по праздникам. Она сдавала экстерном и без троек экзамены за два последних года средней школы, но поступать пока никуда не решалась.

И в ее комнате появилась икона Пресвятой Богородицы, потом Библия, «Откровения ангелов хранителей», «Непознанный мир веры» – и чем больше становилось книг на полке у Маринки, тем чаще ее видели задумчивой и отрешенной. Она по-прежнему споро управлялась с привычной работой на птичнике и на огороде с тяпкой все лето хаживала, но чувствовала Лариса своим материнским сердцем, что не все ладно на душе у дочери.

8

На дворе ноябрь. Небо сплошь затянулось серым набрякшим одеялом и сеяло бесконечно-унылым дождиком. Под вечер на хутор свернул с большака весь заляпанный ошметками грязи большой черный джип.

Павел, выйдя из конюшни, где обряжал на ночь Орлика, пронаблюдал за приближающейся к дому машиной. «И кого принесла нелегкая? – подумал с недоумением. – Димка джипы, вроде, не жалуется...»

Джип-иномарка, которых с каждым годом прибавлялось на дорогах, остановился у дома, рядом с хозяйским «уазиком».

Павел направился к дому. Тем временем из джипа вышел мужик в светлой штормовке, накинул на голову капюшон, потоптался, озираясь, и уже пошел было к дому, но, увидев на дороге Павла, задержался.

«Незнаком, немолод, по всему, из горожан, – на ходу отметил Павел. – Никак заблудший прибился к хутору...»

– Здравствуйте, – с располагающей улыбкой гость шагнул Павлу навстречу. – Вы, наверное, и есть Павел Тимофеевич?..

– Он самый, – Павел пожал крепкую, но нерабочую руку мужика. – Чем обязан?

– Михаил Иванович Медведев – легко запомнить, – представился гость. – А дело у меня к вам – в двух словах не расскажешь. Я еду из «Маяка» и к вам посоветовал заглянуть тамошний директор Василий Тихонович...

– Пойдем, Михаил Иванович, под крышу, – пригласил Павел. – Все равно дождика мы не испугаем, видно на всю ночь зарядил...

Обычно в дом он не спешил приглашать незнакомых и незваных. Разные люди приворачивали на хутор. С некоторыми можно было порешать все вопросы на месте, без всяких эквивоков.

«Офисом» Павлу служила специальная пристройка к дому из двух удобных комнат не лишенных уютной обстановки. В первой – Павел с Ларисой по вечерам сводили дебит с кредитом, здесь

совещались с компаньонами, проводили деловые встречи, во второй – отдыхали, случалось, кто-нибудь ночевал.

– Чай, кофе? – привык и Павел к этому предложению, ставшему обыденным в телефильмах. – Чего покрепче, не предлагаю – машина у вас серьезная...

– Машина как машина, – усмехнулся Медведев. – И все же чай, если можно...

– У меня к вам не совсем обычное дело, – начал гость, чтобы не томить хозяина загадочностью своего появления. – Прежде всего, здоровый интерес к вашему нелегкому труду в новых условиях...

– И чем же вызван этот ваш здоровый интерес к нашему труду? – едва приметно усмехнулся Павел, предположив, что директор «Маяка», еще тот старый лисовин, «отфутболил» ему навязчивого корреспондента из какой-нибудь газеты.

– Я, Павел Тимофеевич, в прошлом корреспондент центральной «Сельской жизни», ныне журналист, связанный со многими изданиями, освещающими сельскую тему. Наконец, автор нескольких книг...

– То есть, писатель? – уточнил Павел, мысленно похвалив себя за проницательность.

– Да, официально имею и это звание, – улыбнулся Медведев своей располагающей, открытой улыбкой. – И давайте, Павел Тимофеевич на – ты, несмотря на разницу в возрасте, но так проще разговаривать... Мне – шестьдесят три.

– Согласен, – кивнул Павел, – хотя мне сорок три...

– Даже до четверти века разница не дотягивает, – подвел итог Михаил Иванович.

Оба посмеялись и разом освободились от натянутости первых минут, а симпатия друг к другу незримо появилась еще там, под дождиком. Есть та-

кое чувство – расположение друг к другу с первых минут общения.

– А теперь, Михаил Иванович, пошли в дом, да и ужинать пора. Чаем сыт не будешь...

– Наверное, от дел оторвал? – с некоторой заминкой спросил Медведев.

– Нет, от дел ты меня, Михаил Иванович, не оторвал, – не принял Павел вины гостя. – На мои дела ни дня, ни ночи все равно не хватает, так что спешить некуда.

Едва они вошли в дом, как следом услышали в прихожей стук входной двери.

– Кажется, супруга пожаловала, – с довольным видом проговорил Павел. – Она скорее спроворит ужин...

Она – Лариса, слегка запыхавшись от быстрой ходьбы, раскрасневшаяся и очень похорошевшая в своем беспокойстве: «Кого нелегкая на ночь глядя принесла?» Нечаянных визитов и незнакомых визитеров стала пугаться еще с той памятной поры, когда избили Павла, изнасиловали дочь, убили свекровь Анну Семеновну, подожгли хутор...

– Знакомьтесь, – Павел представил супругу гостю. – Лариса Федоровна – моя половина...

– Михаил Иванович Медведев, легко запомнить, – повторил с улыбкой гость, наверное, заученную им для знакомства с новыми людьми фразу.

Лариса, смущаясь незнакомому пожилому мужчине, подала ему руку для рукопожатия, но Медведев, ловко подхватив руку хозяйки, приложился к ней губами.

– Ну, что вы, ей Богу... – и вовсе запунцовела Лариса.

– Вашу руку, Лариса Федоровна, поцеловать не грех, а милость, – не смутился гость. – Именно такой я и представлял супругу Павла Тимофеевича, по рассказу директора «Маяка»...

– Всего-то разочка два и был у нас Василий Тихонович, – оправившись от смущения, сказала Лариса. – Я вас оставлю, сейчас ужинать будем...

После обильного ужина Павел с гостем уединились в пустующей прибранной комнате, в которой некогда жил работник Николай Сорокин. Павел прихватил с собой графин с домодельным рубиновым вином и два бокальчика. Заметил за ужином, что вино пришлось по вкусу гостю. От крепкой изумрудной отказался, едва пригубив:

– Сей напиток, сродни спирту, уже пугает мое сердце, – словно извиняясь, сказал гость. – Было время...

В комнате – все необходимое для жилья, и даже стоял старый холодильник, и на тумбочке мерцал тусклым оком телевизор. Кроме уединения, комната нравилась Павлу тем, что здесь можно было курить. Ни Лариса, ни Маринка не переносили табачного дыма. Равнодушен был к табаку младший сын Толик, а вот старший – Павлик начал покуривать еще в школе.

Михаил Иванович от сигареты отказался:

– Лет двадцать уже не курю. Много раз бросал, мучился, снова начинал, пока зло не взяло – да что же я, совсем без воли?...

Не стал закуривать и Павел.

– Вино у тебя отменное, – похвалил гость, отпив из своего бокальчика.

– Опыт в этом деле имею, – самодовольно усмехнулся Павел, – Да и люблю с устатку...

– Небось думаешь, и какого черта приперся? – Медведев вопросительно взглянул на хозяина. – Не сидится ему в своей Москве...

– Нет, я так не думаю, – возразил Павел. – Непохож ты, Михаил Иванович, на легкомысленного путешественника...

– Видишь ли, Павел, за долгие годы работы в газете, многое осталось недосказанным – все было на бегу и в спешке, – задумчиво начал говорить Медведев. – Бывало, толком с людьми не познакомишься, а уже надо расставаться, чтобы вовремя поставить материал в номер. А вот это самое, недосказанное, копилось где-то в душе и наконец потребовало выхода. Рано или поздно в жизни каждого человека наступает этот не самый веселый период – старость. Кто-то может скажет, что это печальная пора, а вот мне даже нравится мое нынешнее состояние. Сродни прекрасной осени, зима еще впереди, а нынче хочется жить и творить...

– Книжку пишешь? – в возникшую паузу спросил Павел.

– Написал и уже не одну, – вздохнул Михаил Иванович. – Да все кажется не то, а главная где-то пока впереди маячит. Может и не в лучшее время живем мы с тобой, но в интересное нынешними событиями и, главное, будущим. Ведь только кажется, что новое к нам пришло бескровно. Полно крови и что дальше будет с матушкой нашей Россией, и с нами, с народом, одному Богу известно.

– Что не в лучшее время живем – это точно. Я-то чем помогу тебе, Михаил Иванович? – подался Павел через стол к гостю. – Ведь мне сказки сказывать, сам понимаешь, некогда.

– Не надо мне сказки сказывать, – отмахнулся Медведев. – С твоего позволения, задержусь у тебя на несколько дней, похожу-погляжу. Понимаешь, Павел, ты со своим семейством уже тем интересен, что несмотря на окружающий кавардак, занят простым и вечным человеческим делом. Когда все вокруг рушится, ты созидаеть. Когда души и помыслы многих, если не большинства, тронуты гнилью и тленом, паникой и безысходностью, ты продол-

жаешь человеческое начало – трудиться на земле и этим возвышаешься.....

– Ну, ты прям через край хватил, Михаил Иванович, – смутился Павел. – Уж чего-чего, а о возвышении и в мыслях не держу. Думаешь, у меня душа не болит, глядя на все, что происходит...

– Но она же у тебя овечьим хвостом не трепещет?

– Некогда ей трепетать...

– Вот и я о том же, – заключил Михаил Иванович.

– Живи, гляди сколько угодно, – сказал Павел и усмехнувшись, добавил: – А чтоб, Михаил Иванович, скушно не было, я к тебе экскурсовода приставлю. Есть у меня садовод-рыбовод Корней Данилыч. Старейший колхозник. Он дока во всех вопросах и больно охоч до разговоров.

– Постараюсь тебе не докучать.

– А мы вопросы по вечерам итожить будем, – кивнул Павел на графин с вином. – Здесь и поселяйся. Постель чистым бельем заправлена, а пока пойдем, покажу тебе важную точку на первом этаже, вдруг ночью понадобится...

На том и порешили, за то и выпили на сон грядущий.

9

Павел Недорубов в числе лучших окончил учебку, а точнее армейскую разведшколу. Он уже загодя знал, куда и зачем его направят для дальнейшего прохождения службы. Конечно, домой, на Северный Кавказ. Там затаилась перед его призывом новая распря. Ветераны-контрактники, которых было немало в школе на младших командирских должностях, многое поведали молодым солдатам о первой, мягко говоря, неудачной чеченской кампании,

во всем обвиняя ожиревшее высшее российское командование. А война, по сути, не прекращалась и после Хасавюртовского соглашения, на котором славный генерал Лебедь не проявил прозорливости и дал лишь передышку и возможность перегруппироваться темным силам Кавказа, вместе с пребывающими наемниками, им тоже хотелось поучаствовать в унижении, а вдруг и в разгроме ослабевшей и обнищавшей России.

Нет, Пашка Недорубов не залетал так высоко в своих мыслях. Он нынче думал о том, как бы на комиссии его не разлучили с другом Борисом Токаревым. С ним бок о бок прожил первые месяцы службы и слово "дружба" для обоих парней стало не просто словом. В первое же увольнение они отправились вместе в подмосковный городок Мытищи, где у Бориса проживали родители и там же, в соседнем доме, жила невеста – прекрасная девушка Лида. При знакомстве с ней, у Пашки не только загорелись глаза, но, как говорят, в зубу дыхание сперло. Борька не мог не заметить смятения друга и погрозил тому кулаком:

– Смотри у меня! Знаю я вас, кавказцев влюбчивых...

– Да, дрался с ними и не раз, – серьезным тоном подтвердила Лида. – Ножиками ему грозили...

– Вместе дрались, – с улыбкой сказал Борис, влюбленно глядя на свою подругу. – Она меня очень даже защищала от нападавших – каблук сломала о чью-то голову...

– Да, ладно тебе, – засмушалась Лида. – Всего-то один раз и было, а то сам всех раскидывал...

А драться было за что. Одни огромные синие-пресиние глаза чего стоили, а золотая копна на голове без всякой укладки, а фигура...

Да и жених не уступал невесте. Борька – парнище что надо! И в разведшколу попал не случайно.

Едва ли не с молочного детства серьезно занимался каратэ. Имел черный пояс и кучу наград. Перед призывом в армию участвовал в боях без правил и там проявил себя среди московских любителей этого рискованного вида спорта. У Борьки вся семья спортивная. Отец Иван Леонидович, бывший борец-вольник, Мать Ирина Петровна, бывшая гимнастка. И сестра Ольга – пловчиха, недавно оставила большой спорт, вышла замуж за офицера-подводника и уехала с мужем из шумной, многолюдной и такой притягательной Москвы в замороженный суровый Североморск.

Борька мог запросто «закосить» от армии, благодаря своим спортивным достижениям. Но вот не захотел и его поддержали родители и невеста. Про все это Павел узнал потом, когда стал своим человеком в семье Токаревых. Скажи, так не бывает? Другие правдами и неправдами отстаивают своих чад перед призывом в армию, а эти нет. Бывает, и это не выдумка, а чисто жизненная правда, хоть ныне и редкая.

Друзья с дня на день ждали распределения для дальнейшего прохождения службы. Лида успешно училась в одиннадцатом классе и собиралась поступать в медицинский.

Родители Борьки Токарева всегда были рады видеть дома сына и его друга, парня, в отличие от прочих прежних приятелей сына, не разучившегося стесняться и вести себя в гостях скромно. А родные Пашки Недорубова постоянно ждали от него весточки.

Наконец все разрешилось. Борька Токарев наотрез отказался остаться при школе в качестве инструктора. Ему предлагали службу по контракту, зарплату и прочее. Но он не пожелал отсиживаться в «тылу» и просился «на передовую». Многие так

и не поняли Бориса. Служба почти дома, работа, правда, беспокойная, но за шиворот, как говорят, не каплет и ладно. Зато Пашка в душе ликовал – они буду вместе служить и дальше.

Проводы были недолгими. В квартире Токаревых устроили отвальную. Хозяин Иван Леонидович, человечий богатырский сложения лет пятидесяти от роду, в своем тосте был краток:

– Смотрите, пацаны, чтоб в службе всегда – честь имею!

Мама, Ирина Петровна, слегка располневшая с тех пор как покинула спорт, но по-прежнему женственная и привлекательная, смотрела на сына затуманенным взором и молча соглашалась с мужем.

Лида не отпускала руку Бориса. И он то и дело заглядывал в лицо невесты влюбленными глазами. А Пашке оставалось лишь по-доброму завидовать другу. Совсем не кстати вспомнилась Ирка Смолина.

Любителей выпить «по случаю...», за столом не оказалось и обошлись одной бутылкой шампанского.

А наутро, благодаря старушке-«тушке», Павел и Борис, в составе воинского подразделения, мигом очутились аж в Моздоке. Там позавтракали сухим пайком. И снова в путь под брезентовой крышей «ЗИЛа», в колонне машин и в сопровождении двух «бэтээров».

10

Три дня прожил на хуторе Михаил Иванович Медведев. Ходил, смотрел недорубовское хозяйство, пытался помогать с управкой. Лучше всего ему удавалось утром и вечером потчевать Орлика – рослого справного коняшку, любителя овса и духмяного сена. С Корнеем Щукиным познакомился. Тот и рад бы услужить московскому гостю, да посетовал:

– Ты бы, Михаил Иванович, к нам летом пожаловал, а нынче у нас скушно...

– Ничего, старина, – сказал Михаил Иванович, – мне уже скушно не бывает.

Все три дня сеял, казалось, бесконечный дождь-зануда. Серые облака не давали взглянуть солнцу на землю, будто его и вовсе не было. И в унылых полях не на чем задержаться взгляду.

Павлу хватало заботы и в плохую погоду. После утренней управки, сажился на свой давно немывтый «уазик» и мчался по соседям, а то и до самого райцентра. Заботы одни и те же. Надо было накапливать к весенним работам солярку, запчасти. В мехпарке три трактора и комбайн, последний, правда не новый, но еще послужит. Приобрел осенью, опять же с помощью брата Димки. «Все равно бросает деньги на ветер, – смирил-таки свою гордыню Павел, нашел компромиссное решение, – так пусть лучше с пользой...». Главным механиком определил кума Алешку. Тот хоть иногда и ершился, но работу справлял исправно. Машины знал не хуже самого хозяина.

По вечерам, как и обещал, сиживал в обществе гостя. О многом говорили, но чаще о земле.

– Ты мне скажи, Михаил Иванович, что там, в правительстве, специально таких министров сельского хозяйства назначают, чтоб ни ухом ни рылом в том самом хозяйстве, не раз поднимал одну и ту же тему Павел. – Чего ж у нас не хватает? Земли не меряно – ведь бурьяном зарастает!..

– На данный момент, Павел, многого не хватает, – вздыхал Медведев. – И дело даже не в министре. При Советской власти крепких хозяйств было полно. Не хватало только пристального внимания к возросшим потребностям как горожан, так и сельских жителей.

Многое в той жизни откладывалось на потом, собирались жить долго, а видишь как обернулось... В одночасье разрушили то, что имели, а теперь, по сути, надо начинать все сначала. Допустим, как тебе, Павел, после пожара... Начинать сначала – казна пуста. А у наших недавних врагов, коим помогли Горбачев с Ельциным порушить «союз нерушимых», дешевую жратву и тряпки некуда девать, вот они и сделали нам изобилие, то в кредит, то в рассрочку, то за нефть. И трубят нынче про пустые прилавки при Советской власти и про нынешнее изобилие, которое неизвестно еще чем обернется. Не ново про бесплатный сыр в мышеловке. А ведь слово "зависимость" – страшное слово. И как поднять с колен такую страничку, пока никто не знает. Мы теперь соревнуемся, как говорят, с третьими странами. Нас бы и рады укусить еще больнее, а то и вовсе разложить на лопатки, но у нас есть ядерный щит...

– Чего ж, Михаил Иванович, никак войны ждать? – недоверчиво спросил Павел.

– Да, нам только войны и не хватало, – усмехнулся Медведев. – Я и говорю, чтоб нас нынче не уложили на обе лопатки, мы и прикрываемся тем ядерным щитом. Его-то пока и боятся, а вдруг русский медведь рыкнет да и поперет на пролом, ему ведь теперь все равно терять нечего. В стране разор, дети взамен покойников не успевают родиться, промышленность еле дышит, сельское хозяйство ниже плинтуса, а миллионеров хоть пруд пруди и скоро, в этом отношении, обгоним Европу с Америкой. Прямо какой-то пир во время чумы. Наши отцы решают – пусть все так и будет. Им, врагам нашим, война с нами тоже не нужна. Они, не в пример нам, живут и радуются. А Россия – она постепенно вымирает и ее также постепенно можно прибирать к рукам с востока и запада, что нынче и делается.

Главное, на медведя надели намордник... Ты глянь, Павел, что они за какой-то десяток лет с нашей молодежью сделали! Алкоголизм, наркомания, лень, бездушные и это еще не все... Нам опять не повезло. Новая эпоха для России снова началась с разрухи. И все потому что власть изначально родилась слабенькой, потому-то некоторые нынче и готовы поднять Сталина из могилы. Только, мол, он смог бы разгрести нынешние завалы по всей России. Слабые же родители не смогли выпестовать ребенка, так он и на подростке оказался хилым и немощным. Отсюда и появились олигархи, и коррупция расцвела во всей красе от небоязни слабой власти.

– Да, Михаил Иванович, мрачную ты нарисовал картину, – Павел тяжело посмотрел на гостя. – Что ж, по-твоему, ложиться и ждать Судного дня?

– Я этого не сказал, – Медведев выдержал взгляд хозяина. – Пока в России есть такие как ты, Павел Тимофеевич, не из лести говорю, мы жить будем...

– И я так думаю, – опять России не повезло, – Павел налил в стаканы красное вино. – Опять у правила оказался не ТОТ рулевой, и когда придет ТОТ, Бог его знает, но верю, дождемся. Давай за это выпьем!

– И я за то, да боюсь долго ждать придется, – Медведев поднял свой стакан. – Ведь второго Петра Великого не видно, а второго Сталина, думаю, нам не надо...

– А вот что поджигают со всех сторон – ты прав, – отставив ополовиненный стакан, проговорил Павел. – Но как, к примеру, те же китайцы безнаказанно вывозят наш лес на свою территорию, не возьму в толк. Ведь там лесники, наконец, пограничники куда смотрят?

– И не только лес, Павел Тимофеевич, – Медведев и вовсе не стал пить. – Там и на земле уже арендаторов-китайцев сидит несметно. Был я в

тех краях в прошлом году. Там вообще дела – швах. Молодежь с деревень и сел не только бежит в сибирские города, а стремится до самой Москвы добежать. Власть насквозь коррупцией повязана, потому и леснику с китайцами ничего не поделывать, то же самое – пограничникам. Тебе прикажут – молчи, пропусти, отдай и никуда не денешься. Там своих удельных князьков полно – насмотрелся. Как говорят, до царя высоко, до Москвы далеко – вот и воюют безнаказанно...

– Коррупция, что же это за зверь такой бесмертный в России, – словно ни к кому не обращаясь, проговорил Павел. – Где ж его яйцо с иголкой, как у того Кощея?

– Недавно пришлось разговаривать с одним французом, – сказал Михаил Иванович. – Приезжали ихние богатеи глянуть, можно ли в наши дела вложить свои денежки повыгоднее. Так вот, от одного услышал интересные вещи. Говорит, вам, русским, Бог подарил больше всех на земле. Вы могли быть самым счастливым народом, но не смогли. Много завидовали друг другу и много губили друг друга. Вам надо было иметь не одного, а три Петра Первых, чтобы Россия стала по-настоящему цивилизованной страной. Теперь Бог все ваше земное благо отдаст тем, кому оно действительно нужно, тем же европейцам, китайцам, японцам. Не пройдет и сто лет, говорит, и Россия станет маленькой страной, как Франция.

– Похоже на то, – Павел вновь взялся за графин с вином, – если и Кавказ уже сегодня хочется кому-то отщипнуть от России...

– В одном согласен с тем французом, – Михаил Иванович отпил из своего стакана. – Нужна нам ныне, как никогда, светлая голова и сильная рука. Пока же крикунов до черта, а поводыря не видно.

Расставались почти по-родственному.

– Вижу, трудно тебе, Павел Тимофеевич, и легко, наверное, никогда не будет, – на прощанье сказал Медведев Недорубову, – но пока будут на нашей земле вот такие Недорубы – будет и Москва стоять.

– Спасибо тебе, Михаил Иванович, на добром слове, – едва не прослезился Павел.

Обещали не забывать друг друга, на том и расстались.

11

«Здравствуйте мои дорогие! Я снова дома, то есть на Северном Кавказе...», – так начиналось письмо Павлика Недорубова к родителям, которое вслух читала Лариса мужу.

Если он спокойно воспринял письмо сына, то у Ларисы невольно вырвалось:

– А как же Москва?!

– Лар, ну далась тебе Москва!? – попытался Павел успокоить супругу. – Поучили всяким военным премудростям и направили куда надо...

– Получается, поманили пряником, а потом отправили куда ни хуже, – со слезой вымолвила Лариса, но продолжала читать дальше. – «...Слава богу, что отмучился. И в самой Москве мне не понравилось. Народу – не протолкнуться, шумно и дымно кругом, а тут мы как на курорте, даже водопад с целебной водой рядом. Первые дни с Борькой ходили как пьяные от чистого воздуха. Mam, ты не волнуйся – нас тут много, отдыхающих. А еще нам с Борькой обещали отпуск через пару месяцев, конечно, если будем хорошо себя вести. Но к хорошему поведению, мам, нас приучили в учебке. Я даже курить бросил...»

– Пашка – бросил курить?! – удивленно воскликнул отец. – Да он никак с пятого класса курил и никакого с ним не было сладу...

– С четвертого класса я стала примечать, – сказала Лариса. – И все ты, Паша, виноват – кругом твои соски валялись, потому Павлуша и закурил...

– Ну да, теперь я виноват, – обиделся Павел. – А деньги кто постоянно совал ребятам: «Это вам, сынки, на завтрак в школьном буфете», – передразнил он супругу. – Я курил «Приму», а у Пашки находил «Стюардессу»!

– Паш, похоже ребят в самые горы упрятали?

– Ну, а чего ты хочешь, Лар? Тому и учили... – нечаянно подтвердил Павел.

– Чему учили, Паш? – подозрительно взглянула Лариса на мужа.

– Ну, это самое... по горам...

– Чего Павлуша забыл в тех горах...

– Лар, ну ты прям как маленькая! – теряя терпение воскликнул Павел. – Парню служить осталось всего ничего, а ты мокроту разводишь. Читай дальше...

– «...Если в отпуск приеду через пару месяцев, то после, мам, и служить всего ничего останется.» – читала Лариса на слезной ноте.

– Вот видишь, а ты нюни распускаешь, – назидательно проговорил Павел. – Пашка настоящим мужиком становится – гордиться надо, а ты, Лар, паникуешь!..

Хорошо или плохо, но в семье Недорубовых мало времени оставалось на печали и долгие раздумья. На дворе в конце февраля робко проклюнулась весна ласковыми оттепелями и даже воробьи зачирикали по-иному. Потом, в первых числах марта, Корней Щукин увидел в саду первого скворца. «Никак ихний разведчик пожаловал», – предположил старик. На пару с Толиком они сладили еще несколько скворечников, в дополнение к старым, и подняли на шестах на самые высокие деревья в

саду. Здесь же были развешаны маленькие домики для зимующих синичек. Корней любил и привечал дикую птицу – всю, кроме ворон. «Гадкая птица», – говорил старик и нередко палил в вороньи стаи из ружья мелкой дробью, отгоняя их от птичника.

На мехдворе, под навесами, своим чередом шла неспешная работа. Готовили технику к посевной. Кроме хозяина и начальника мехдвора Алешки Свирина, каждую весну в посевную и летом в уборочную подряжался на работу Никита Бердников, он же бывший начальник обоих мужиков. Нынче Никита сильно сдал в здоровье, сердчишко износилось до времени, но вот никак не мог пропустить весенней и летней кампаний, каждый раз приходил к Недорубову с просьбишкой поработать неделю-другую. Павел только рад старому товарищу по колхозной жизни. В свободное от школы время помогал отцу и Толик – любил поковыряться в технике на радость родителю. Уж лоботрясом не будет – это точно.

А совсем недавно к Недорубам прибился парень из соседнего села, Федор Курганов. Не пьяница и не лодырь, и лицом пригож, а вот семейная жизнь не задалась у молодого мужика.

Дважды женился и оба раза девки бросали. Так и жил бобылем с престарелой матерью. В прошлом работал на конезаводе, которым и был славен колхоз. Федор сильно любил лошадей и еще гармонь. Лошадей, как и самого колхоза, не стало, а Федор остался не у дел. Вот и приехал однажды в Недорубы на своем выдавшем виды стареньком мотороллере:

– Слышал, Павел Тимофеевич, у тебя лошадки есть... Могу и другую какую работу справлять...

Павел знал парня, но так себе – шапошно.

– Приходи, много не обещаю, а там видно будет, – не отказал Павел.

Лошадок было две тягловых пары. Оставшегося после пожара Орлика, в свое время вылегчили и вышел справный коняшка. И потом Павел купил тройку в дальнем, теперь уже окончательно разорившемся колхозе. Лошади нужны были в хозяйстве. С ними и экономия горючего выходила изрядная.

Федор на другой же день привез свой немудреный скарб и поселился в свободной комнате «офиса». Вечерами оттуда доносились звуки его гармони, то печальные, то залихватски веселые, иногда в музыку вплетался и чистый сильный голос гармониста. Телевизора Федор не признавал, любил уединяться. «Понятно, бабы не любят в мужиках всяких там странностей, потому и обрекли Федора на жизнь бобылью», – подумал тогда Павел.

На хуторе, пожалуй, ближе всех сошелся с дедом Щукиным, да подростком Толиком. Столовался Федор вместе с хозяевами. К вину был равнодушен, но мог за компанию с хозяином выпить стакан-другой домашнего винца.

Как-то перед ужином Павел заглянул в комнату Курганова:

– Ты бы, Федор, прихватил гармонию, показал бы свое искусство. Думал, что со смертью Петра Жеребцова больше и не услышу этого инструмента...

– Знавал я Петра, – сказал Федор. – Добрый был гармонист. Мне до него далеко...

– Ну, ты не скромничай, – проговорил Павел. – Уже от твоих односельчан получил выговор, мол, сманил нашего гармониста...

– То они понарошку так говорят, – усмехнулся Федор, все же польщенный отзывом односельчан.

На ужин Федор пожаловал со своим блестящим богатой инкрустацией инструментом. По тому, как

бережно он обращался со своей гармонью, не трудно было догадаться, что у ее хозяина не было более ценной вещи.

Умело, без всякой натуги проиграл несколько мелодий и неожиданно веселой напевной скороговоркой выдал:

*Пароход уперся в берег,
Капитан кричит: «Вперед!»
Как такому раздолбаю
Доверяют пароход!?*

Маринка даже поаплодировала гармонисту, а тот с напускным равнодушием ничего и никого не замечал вокруг:

*Катя кофий попивала и с Прокофием гуляла.
Катя-Катя-Катенька, отчего брюхатенька?
То ли то от кофия, то ли от Прокофия?*

Хозяева остались довольны вечером, в особенности, Павел. Ублажил Федор. С тех пор сам иногда заходил по вечерам к нему, чтобы послушать гармонию. Дело в том, что Федор, как и Петро Жеребцов в свое время, мог в музыкальном запале выдать не совсем цензурное. На большой гулянке это могло лишь повеселить компанию, а за семейным столом, рядом с детьми, пусть и не маленькими, вызывало смущение, не так у детей, как у их родителей. Поэтому у Маринки и Толика, в их комнатах, стояли персональные телевизоры. Не могли вечерами ни Павел, ни Лариса смотреть рядом с детьми те фильмы и отдельные передачи, что показывали нынче. При Советах до такой разнузданности не доходило. Боже упаси!

У Толика, у того недавно появился и компьютер, который ему на день рождения подарил дядя Дима. Толик быстро освоил аппарат с помощью по-

собия «для чайников». Теперь и Маринка обучалась у брата премудрости работы на компьютере.

А Федор, кроме музыкальных способностей, и работником оказался достойным. Едва ли не с первого дня приручил лошадей. Орлик, так тот, случись отвязанным, встречал Федора у «офиса» и вечером провожал обратно, как верная собака.

Не чурался Курганов и техники. В свое время оканчивал курсы трактористов и не один год работал в полеводческой бригаде. Словом, Павел был доволен появлением на хуторе дельного мужика и, к тому же, гармониста.

А наблюдательная Лариса стала примечать за дочкой некоторую смутливость в присутствии Федора. И тот, при удобном случае, выказывал девушке всякие знаки внимания, то поможет зерно по кормушкам на птичнике рассыпать, то воды в цистерну накачать. Словом, все чаще можно было видеть Федора рядом с Маринкой.

12

Толик Недорубов частенько оставался ночевать на старом дворе, где теперь, вместо покойной бабушки Анны, хозяйничала ее родная младшая сестра Елена Семеновна. Павел и не думал избавляться от старого подворья. Продать родовой дом, значит, вовсе исключить себя из жителей Кураново. Слишком крепкие узы связывали Павла с Кураново и отчим домом.

Тетка Елена прежде жила в райцентре Ивановском, ныне городом Светлопольском. В прежние времена заработали с мужем двухкомнатную квартиру в новом микрорайоне городка, в «черемушках». Муж, едва выйдя на пенсию, помер от рака легких, дымокурором был, не приведи господи. В соседнем доме своей семьей жила единственная дочь – муж

да двое малолетних внуков, мальчик и девочка. Хорошо жили, ладно, что служило немалым утешением старой женщине. В одночасье все порушилось. Поехали молодые всей семьей отдыхать на море. И прежде не раз ездили в ту Архипо-Осиповку к одним и тем же хозяевам. Поехали, да не доехали. Погибла в автокатастрофе вся молодая семья. Виновники той катастрофы – компания нетрезвых «новых русских» на могучем внедорожнике просто смела с дороги углый «жигуленок» со всей семьей. Сами отделались синяками да шишками.

После потери самых близких, тетка Елена маленько повредила голову. Иногда заговаривалась, а то подолгу просиживала в глубокой задумчивости. В остальном она была крепкой, хлопотливой семидесятилетней старухой. Когда Павел предложил ей жительство в Кураново, она с радостью согласилась.

– Ноженьки, Павлуша, подкашиваются, – пожаловалась тетка Павлу, – когда мимо ИХНЕГО дома прохожу...

В Толике старуха души не чаяла, как прежде Анна Семеновна в Маринке, хоть и бранила, но и любила беззаветно. А Толика и бранить было не за что. Парень у Павла рос очень самостоятельный.

А оставался Толик на старом дворе не без умысла. Мог бы возвращаться со школы домой все на том же, продолжавшем жить «Запорожце», некогда купленном Павлом по пьяной лавочке и с легкой руки брата Димки. Нет больше того деда, у которого торговали машинешку. Димка в последний свой приезд сообщил, что сосед Кузьмич приказал долго жить. Почти в одночасье помер вместе со своей старухой. Как говорят, жили долго и померли в один день.

Толик учился в девятом классе вместе с прелестной девочкой Лизой Бердниковой. Лиза, счи-

тай, нечаянный поскребышек Бердниковых. Софья Бердникова, к своему стыду, забеременела на пятом десятке. Никита Бердников был непреклонен – рожай в третий раз и баста! И Софья родила на радость девочку Лизу, которая к шестнадцати годам стала девушкой-красавицей. В нее-то и влюбился еще в седьмом классе Толик Недорубов. Правда, парень и сам не плох. Если бы девочка не отвечала взаимностью, то, глядишь, и у Толика прошел бы детский любовный пыл. Но Лизе нравился младший Недорубов, которого она даже не хотела ни с кем из парней – одноклассников и сравнивать.

Прежде влюбленные прятались, встречались украдкой, конечно, одноклассников не проведешь. Так было до девятого класса, но когда к Лизе стали приставать на танцах парни постарше, уже отслужившие в армии, тайна влюбленных стала достоянием всего села. После двух-трех драк, влюбленные перестали таиться и даже среди бела дня их можно было видеть вместе. Вместе в школу, вместе на танцы. В драках Толик был бит, но противниками были, можно сказать, мужики. В потасовках принимала участие и Лиза, обороняя своего парня. А в последней, так и ей досталось. Сын владелицы кабака «У АГАШИ» Денис Егорин вернулся из армии и просто не давал Лизе проходу, умолял, звал замуж, обещал золотые горы. А однажды на танцах нетрезвый Денис бесцеремонно потянул Лизу за руку, не обращая внимания на стоявшего рядом с девушкой Толика. Егорин тут же схлопотал в челюсть. Драться Недорубов-младший умел, но как тут устоять пацану перед почти стокилограммовым бугаем. Тот так размахался своими рычагами, что и девчонке угодил в самый глаз. В школу парочка пришла с фингалами.

Знали родители о «трудной» любви своих чад, но не вмешивались. Верили, коль любят друг дружку, то все должно хорошо кончиться, то есть рано или поздно быть свадьбе.

Но как ни странно, не о свадьбе думали Толик и Лиза. Парень мечтал о юридическом институте. Кто знает, откуда взялось? То ли от многочисленных «ментовских» телефильмов, то ли от прочитанных детективов, которыми Толик увлекался, можно сказать, с раннего детства.

О мечте Толика знала только Лиза. Родителям он боялся и намекать. Отец не поймет. Павел Тимофеевич видел младшего сына только в поле или в той же сельскохозяйственной академии, в которую не поступил Пашка. Да и мать не может без слез смотреть на страсти, которые нынче показывают по «ящику». И все связано с боевиками, милицией, следователями, прокурорами и, конечно, лютыми бандюками.

Лиза частенько забегала на старый двор Недорубовых, когда там был Толик. Елена Семеновна привечала девушку. Бывало и пирожки с капустой затевала, которые оба любили, а то вареники с творогом.

На танцы обычно ходили по субботам, когда на выходные съезжалась под родительские крыши молодежь – студенты и просто давно или недавно покинувшие Кураново в поисках своей жар-птицы. Но далеко не многим пофартило за пределами родного села.

Возвращались неудачники и в родном селе окончательно с круга от вынужденного безделья, а то и угнетенные, как бы, собственной никчемностью. Как никогда в прежние времена многие молодые курановцы стали не по разу посещать места не столь отдаленные. И то не стало дивом.

Словом, пестро было по субботам на дискотеке. При ДК существовала музыкальная группа: « МЫ МОЛОДЫЕ» из старшекласников, которая часто менялась в своем составе, а солистом мог оказаться любой желающий или любая. Инструменты некогда подарил тогда еще сильный колхоз. А скорее, ребята сами заработали в полеводческой ученической бригаде. Была такая и довольно успешная при технике и большом земельном участке с садом и огородом. Канула в бездну вместе с колхозом «Светлый путь».

13

Кто-то из курановских горожан привез в село дурную весть, мол, девка Смолиных, Ирка, померла в Ставрополе от передозировки какого-то наркотика. А перед этим курановские досужие трепали языками, будто бы Ирка родила мальчика от Пашки Недорубова и отдала того мальчика добровольно на воспитание в детский приют. Доходили те вести и до хутора Недорубы. Павел, прослышав о внуке, несколько дней ходил сам не свой в глубокой задумчивости, потом и с женой завел разговор:

– Ты б, Лар, наведалься к Смолиным...

– И с какого переполоха, Паш?! – тут же с нарочитым удивлением откликнулась Лариса. Самой думки о том же – о внуке, не давали покоя.

– Выспроси у Васьки или у его женки Евдокии городской адресок Ирки, а уж я с ней сам поговорю по душам, выясню... Потому тебя прошу, что с Васькой у меня разговора может не получиться...

– Паш, да она, Ирка Смолина, еще та шленда! – запальчиво проговорила Лариса. – Думаешь, она только с нашим Павликом таскалась?

– Ты, Лар, добудь мне тот адресок...

– Добуду, нет, так из-под земли саму Ирку достану, – разгорячилась Лариса. – Думаешь, у меня душа не болит за того дитенка – наш – не наш?!

– Лар, и я о том же.

Не успела Лариса вызнать у родителей Иркин адресок, как в Недорубы вползла новость о ее непутевой кончине. Все думали, что на своем погосте хоронить станут. Нет, нашлись у Ирки добродетели и похоронили ее на городском, так называемом, Сажевом кладбище, по названию дымившего рядом заводика. На похороны дочери ездил сам Васька Смолин. Мать не смогла. Считай, со смерти сына, убитого в Чечне, не вставала с постели Евдокия, занемогла бедная. Непутевый пьяный Васька, потом хвалился в пивной «У АГАШИ» похоронами дочери, как недавно, там же, хвалился ее «несметным» богатством и мужем-бизнесменом.

Смолин сам однажды заявился на хутор на стареньком дребезжащем велосипеде. Павел, стоя у своего «офиса», только репу почесал, завидев подъезжающего к дому Ваську Путо.

– Здорово! – бодро поздоровался нежданный гость, соскакивая с велосипеда.

– Здорово, коль не шутишь, – ответил Павел, но руки не подал, чего Васька и не ждал.

– Разговор сурьезный есть к вам обоим, – вздохнул Смолин, вмиг потеряв в голосе бодрый тон, – иначе и не приехал бы к тебе, куркулю...

– Веришь, и я не ждал тебя, – едва приметно усмехнулся Павел, но почувствовал зачастившее сердце от догадок разных.

Поднялся на крыльцо дома и, приоткрыв входную дверь, громко кликнул:

– Лар, выйди – дело есть!..

Лариса управлялась на кухне и тут же появилась на крыльце, вытирая руки пестрым передни-

ком. И она не меньше мужа удивилась появлению Смолина на хуторе, и у нее екнуло сердечко – неспроста приехал.

– Пойдем, не на улице же разговаривать, – пригласил Павел гостя в свою рабочую комнату.

– Дело какое – оно кусачее со всех сторон, то дело, – несколько смущенно начал Васька, усаживаясь в небольшое жесткое кресло. – Небось слышали, что моя Ирка перед своей кончиной понесла от вашего Пашки?

– Слышали, ну и что? – подалась к Ваське Лариса, сидевшая напротив гостя через письменный стол.

– Ирка мне сама говорила, что родила от вашего Пашки...

– А она, случаем, не сбилась со счета, когда сроки высчитывала? – загорячилась Лариса.

– погоди, Лар, – сказал Павел жене и к Ваське: – Где дите находится?

– Да в этом же... детдоме, будь он неладен!

– Зачем же она его туда отдала? – продолжал допытываться Павел.

– Потому, что сучка! – ответила за Ваську Лариса.

– Нехорошо ты о покойнице, Лариса, – насупился Васька.

– Она тогда еще не была покойницей! – парировала та.

– Лар, так мы долго будем в ступе воду толочь, – строго заметил Павел жене и опять к Ваське: – Говори толком!

– Дитенка жалко, – покривил губы Смолин. – Я взять не могу – Евдокия уже с постели не слазит и сам... не здоров, безработный... Вот и надумал к вам, чтоб, значит, сообщить...

– А мы проверим! – почти радостно воскликнула Лариса. – Сейчас экспертиза мигом определит даже по соплям – наше дите или нет!

– Ну, что ты Лар, ей богу, – укоризненно глянул Павел на жену.

– Я вам сообщил, а там решайте, – поднялся Васька. – Если б моя была на ногах, да разве б я... – он махнул рукой и направился к двери.

– Погодь минутку, Василий, – окликнул Павел мужика.

– Я пошла, – встала на ноги Лариса. – У меня делов по самое выше некуда.

– Стаканчик пропустишь, – предложил Павел гостю, когда Лариса ушла.

– Да, можно, – недоверчиво глянул Васька на хозяина. – На душе чтой-то муторно...

– Сам-то видел внука? – спросил Павел, доставая из холодильника графинчик.

– Хотел посмотреть, после дочкиных поминок, – смущенно пробормотал Васька, – да не допустили. Погрозили милицию вызвать. Я и ушел от греха...

14

Едва няня показалась в двери приемного покоя с ребенком на руках, Лариса ринулась навстречу:

– Паша, наше дите! – воскликнула она со слезами. – Вылитый Павлуша!

И Павел, стоя посреди приемного покоя, с удовлетворением отметил, что переборола недорубовская порода смолинскую.

Мальчику Ване на днях исполнилось восемь месяцев, и он с любопытством смотрел темными глазенками с няниных рук на своих предков.

– А можно мне подержать дитенка? – попросила Лариса пожилую и с виду добродушную няню.

– Можно, отчего ж нельзя – он у нас не пугливый...

– Паша, глянь, он уже и кучерявенький, – счастливая Лариса подошла с ребенком на руках к мужу.

– Недорубовы всегда были смолоду кудреватými, – пробормотал Павел, осторожно трогая за скорузлой ладонью редкие темные волосенки на голове Ивана.

Забрали новорожденного Недорубова на родовую усадьбу, когда тот уже начал делать первые самостоятельные шаги. На хутор он ехал на заднем сидении на руках молодой красивой тетки Маринки, которую нетрудно было принять за маму ребенка. А везла их счастливая бабушка Лариса на своей «девятке».

Не успели Павлику послать радостную весть о прибавлении на хуторе, а вот он и сам заявился. Что за кутерьма началась в Недорубах?! Даже братьевья, словно сговорились – оба появились на хуторе. Димка в сопровождении своего неизменного телохранителя Сани с пистолетом под мышкой. И Серега, в кои-то годы, заявился всей семьей. Его жена Зинаида изрядно располнела, но еще не утратила своей женской привлекательности. А племянницу Тамару Павел едва признал в темноглазой красавице-блондинке, которая вымахала едва ли не вровень с дядей.

– Том, ты никак покрасилась, – предположил Павел, – глаз черный, а грива чуток не белая?

– Нет, такой уродилась, дядь Паш, – смеясь, ответила девушка.

– Я что-то раньше не примечал...

– А часто ли мы с вами виделись? – лукаво взглянула Тамара на дядю.

– Да все ж дела без конца и краю, – повинился дядя. – У тебя, наверное, с женихами проблема при таком раскрасе? – тут же весело подмигнул племяннице.

– Ты, Паш, угадал, – вместо смеющейся дочери подтвердил с усмешкой Сергей. – От женихов по ве-

черам в подъезд не протолкнешься, в собственную квартиру.

– Да уж, не сгущай краски, папка...

Но в центре внимания оказались, конечно, они – папа Павлик и его единокровный сынок Ваня. В тот день они были неразлучны. И как Маринка не пыталась завладеть полюбившимся племянником, тот не отпускал крепкую папкину шею.

Пугалась Лариса возмужавшего, да что там возмужавшего, так быстро заматеревшего по-мужски сына. Немногословен стал и, казалось матери, что неласков к ней. Но так только показалось ей при встрече, а поймав на себе раз и другой долгий нежный взгляд Павлуши, поняла, что скуп стал сын на слова, но не на чувства. Видела, как долго стоял обнявшись с сестрой, потом с братом... А когда взял на руки сына Ивана, крепко прижал к себе, уткнувшись тому лицом в грудь, так и вовсе заметила Лариса его повлажневшие глаза.

Давненько не было на хуторе так многолюдно, весело и суматошливо. Август, Яблочный Спас, на дворе благодать. Яблок в саду – засыпья. Лариса бойко торговалась с перекупщиками, те наезжали грузовичками. Правда, убранные поля вокруг хутора напоминали о смене времени года. Бездумно глядели на грешную землю высокие голубые небеса, плыли в никуда прозрачные паутинки, предвестники короткого бабьего лета. Ушла летняя жара, но еще слегка припекало полуденное солнце.

Где, как ни у воды приятнее всего проводить время в хороший солнечный денек. Именно там, под просторным навесом и собралась вся большая семья Недорубовых, хватило места и для гостей.

От шума и гама на берегу, от двух чадно дымивших мангалов ушли подальше, в самый хвост пруда, заядливые рыбаки дед Корней и Саня, у которого под

легкой курткой прятался под мышкой неизменный пистолет.

На берег Павел пригласил и Федора Курганова с его подружкой, гармонию. Того дважды просить не надо. Гармонь под мышку – вот он и я! Пока гармонист, так сказать, разогревался, напевая вполголоса:

*Пошла плясать
бабушка Лукерья.
Из-под юбки у нее
полетели перья.*

К Федору подошел уже слегка хмельной Димка:
– Ты, Федь, особо не парься, – присел он рядом с гармонистом на лавку, приобнял за плечи. – Тут маленьких детей нет, кроме Ивана, и тот пока несмышлениш...

– Как скажешь, Дмитрий Тимофеевич, – широко улыбнулся гармонист и прибавил в голосе:

*Дед у бабки попросил
На зеленой травке.
Бабка деду не дала
Без колхозной справки.*

А там, возле мангала, Алешка Свиринов травил мужикам где-то вычитанный анекдот:

– Это, значит, убегали Чапаев с Петькой от белых. Добежали до самого К;азахстана, где сроду не были. Смотрят – ишак стоит.

– Василий Иванович, что ж это за зверь такой? – спрашивает Петька командира.

Присмотрелся Василий Иванович да и говорит:

– Ну, Петька, судя по ушам и прочему хозяйству, этому зайцу лет триста!

– Вот, Лар, много ли человеку надо, – растроганно говорил Павел Ларисе, хлопотавшей у стола, –

съехались-сошлись в кои годы все вместе и на сердце какая радость... – голос его дрогнул.

Лариса внимательно посмотрела на мужа:

– Стареем, Паш.

– Да ну тебя, – слабо махнул рукой Павел и пошел к мангалу, у которого дружно хохотали мужики.

(Окончание следует)

***

Вот взметнулись в небо стаи
с колоколен,
И коснулось солнце сонных
куполов.
Этот мир, наверно, безнадёжно
болен
И почти не слышит звон
колоколов.

И качнулись ветки облетевших
клёнов,
Разрывая в клочья утренний
туман
И стальную сетку туч
заговорённых...
Этот мир, наверно,
беспобудно пьян.

Гонит мысли ветер. Нет конца
похмелью,
А на сердце снова мокрый снег
с дождём.
И опять столетье кончится
метелью –
«Светопреставленья» мы пока
не ждём.

Нам не спутать только б
звяканье бокала
С колокольным звоном
плачущей души,
Что среди осколков всё звезду
искала
И звала к иконам: «Верь да не
греши!..»

**ЕКАТЕРИНА
ПОЛУМИСКОВА**

Поэзия

Жарится картошка, закипает чайник,
И настольной лампы чуть мерцает свет.
Только за окошком жизнь течёт случайно,
А задёрнешь шторы – жизни вовсе нет.

Вечер на Крещение окунётся в прорубь
И зажжёт над миром звезды-фонари.
И для нас прощенье одичавший голубь
Принесёт на крыльях ледяной зари.

Пять квадратов Рая, да и мы – другие.
И на тесной кухне думается мне:
Все мы прозябаем в вечной летаргии
Или в ностальгии вечной – по весне.

А весна синицей в форточку ворвётся,
Только не найдётся подходящих слов.
И елей с сосулечка каплями прольётся,
И коснётся солнце сонных куполов.

Чужая

Блеск реклам. Сигаретный угар,
В полумраке колышется бар.
Казино. Дискотека.
Я скучаю от пошлых манер
И подвыпивших новых Венер.
Я – из прошлого века.

Я – лишь призрак. «Брожу» по столам,
По разбитым в фойе зеркалам,
Без фальшивого лоска.
Электрической искрой огня
Этот мир прожигает меня.
Я – из белого воска.
Как в музее фигур восковых,

Зашуршит стеариновый стих
В пожелтевшем блокноте.
От внезапного ливня дрожа,
Закричит и заплачет душа –
Я из крови и плоти!

...И не выбраться. Не разорвать
тех столетий, что катятся вспять,
до скончания века.
Свет искусственный льётся в окно,
в сигаретном дыму казино.
И гремит дискотека.

* * *

Листья пожелтевшие тетради
Разбросала, как попало, осень.
И никто, наверное, не спросит:
«Что за строчки, и чего же ради
Скомканные оды и сонеты
Ты швыряешь под ноги прохожим?»
Всё равно им не понять, похоже.
Только ветер разнесет по свету.

Что же ты, чудачка, натворила!
Спутала и мысли, и страницы.
Не взмахнуть опять пером Жар-Птицы,
Золотые кончились чернила.
Превратит костёр воспоминанья
В пепел многоточий, многосложий...
Будет снег писать по бездорожью
Серебром молитву покаянья.

* * *

Летописей летних миражи
Осеньет осень листопадом.

Что же нам останется, скажи?
Или, может, ничего не надо?

Позднему раскаянью награда –
Журавлиный оклик, боль души,
Черный бархат вспаханной межи
Да костра дымящегося ладан.

Каждому – своё, и без истерик!
Ветер кружит листья по дворам,
То ли причисляя их к дарам,
То ли к не восполненным потерям.

Межсезонье

Хмурый вечер. Межсезонье.
Черных туч крыло воронье
распласталось над землёй.
Мелкий снег над полем кружит.
И того гляди – завьюжит.
Застеклив дыханьем лужи,
воет волком ветер злой.

Ясных дней – как не бывало!
В ледяное покрывало
облачился голый лес.
И туман упал в овраги –
не взлететь ему, бедняге,
не подняться до небес.

И не спится до рассвета.
И разносится по свету
полуночная тоска.
Вдаль посмотришь – больно взгляду.
Грозной, северной армадой
горизонт берут в осаду
снеговые облака.

Весна

Входит в город весна запоздалая,
Растеряв по пути благодать.
Но её словно не ожидала я.
Перестала, наверное, ждать.

А на улицах – грязно и ветрено,
Облаками закрыт горизонт.
Разве можно быть в чём-то уверенной
В переменчивый этот сезон?

То нагрянет тепло в скоротечности,
То под вечер ударит мороз...
Я завидую птичьей беспечности
И немому терпенью берёз.

Только сердце опять растревожено,
И опять «корабли на мели».
Ведь простились с зимой, как положено,
И «соломенну девку» сожгли,

Испросив друг у друга прощения
И друг друга как будто простив.
За какие ж ещё прегрешения
Не звучит в нас весенний мотив?

И чернеют овраги, как грешники,
Прошлогодней покрыты травой.
И дорогу к простору подснежники
Пробивают своей головой.

* * *

Не ищите чёрного кота
В тёмной комнате –
Там давно гуляет пустота,
Если помните...

Чувств надуманных растаял след
У глухой стены.
Обо всём успел сказать поэт,
Кроме истины.

Легче ощупью искать в ночи
Отражение,
Где ни звёзд, ни света, ни свечи,
Ни движения,

Говорить без мыслей и без слов,
Лишь намёками,
И бродить, как кот-мышелов,
Между строками.

Соберу я эти строки в стих,
Что к заре приник,
А луна протянет мне за них
Свой сребреник,

Чтобы он за пазухой звенел,
Как звенит молва,
И язык неправедный не смел
Проронить слова,

Оглушая рифмой в тишине,
Словно молотом...
Лишь молчанье ценят наравне
С чистым золотом.

А мы всё те же...

Когда в час-пик людские реки
на время поглощают нас,
вокруг не различает глаз
кафе, ларьки, «комки», аптеки.

И на асфальте наши тени
сливаются. И нет сомнений,
что мы как белки в колесе,
верней, в потоке, как и все.

Сначала – весело и пёстро,
от чьих-то взоров горячо,
и ощущается так остро
и чей-то локоть, и плечо.

Но вскоре чудится, что люди
в такой невысказанной закрутке,
сжимаясь в общее кольцо,
как будто – на одно лицо.
И невдомёк, как ни крути,
что «дважды в реку не войти».

Не раствори в толпе, о Боже!
Но средь полночной тишины
лицо луны одно и то же
глядит на нас со стороны
и проливает тот же свет
четыре миллиарда лет.

И отлегло... Сама Селена
нас лицезреть беспеременно
обречена. А мы всё те же –
иуды, бездари, невежи...

Иллюзия огня

Стихи летят, как бабочки на свет,
Не зная о плачевности итога.
Кто виноват, что пониманья нет,
Любовь – наивна, истина – убога?

И вечное препятствие стекла
Между душой и тем, что было светом,
И мотылёк, что кажется поэтом
В ритмическом биении крыла.

И верность вдохновению храня,
Потоком рифм поэзия согрета.
И – новая иллюзия огня,
И – бабочка, стремящаяся к свету.

Астры

Можно выдумать...
А надо ли?
Всё, как было, расскажу.
Целый вечер звёзды падали
Прямо с неба на межу.

Золотистыми монистами
Разлетались с высоты.
Вот такими же лучистыми
Вскоре выросли цветы.

Друг на друга не похожие
И созвездьями цветут.
Удивляются прохожие:
– Кто же их посеял тут?

Может, кто слова заветные
Прошептал? Ведь нет чудес!
То ли астры разноцветные,
То ли звёздочки с небес?

Хуторок

За пригорочком – ложбинка
и развилка трёх дорог.
Эх, российская глубинка,
безымянный хуторок.

Сев. Крестьянам не до споров.
Три домишка стали в ряд.
Ни замков и ни заборов,
общий двор и палисад.

Люди – в поле, дети – в школе.
В общем, дел невпроворот.
Мотоциклы на приколе
у незапертых ворот.

Любопытничают утки:
– Кто посмел сюда прийти?

– Мы проездом, на минутку,
только дух перевести.
А вдали туман белёсый
поднимается с реки,
да с цветущих абрикосов
облетают лепестки.

* * *

Солнца луч рассветный
Сквозь туман белёсый
Рвётся в поднебесье
Запалить пожар.
Что-то шепчут ветру
Тонкие берёзы
И росу в подвесках
Принимают в дар.

Берегам ленивым
Да озёрам синим,
Как полям и пашням,
Грезить в полусне.
Только плакать ивам
Да дрожать осинам –
Всё о дне вчерашнем,
О прошедшем дне.

Стеблями о стебли
Прозвенит осока.
В лягушачьем гаме
Канет этот звон.
Жаворонок – в небе!
Только быстрый сокол
Плавными кругами
Чертит горизонт.

Эх, родные дали,
И восход над степью!
Звезды с небосклона
Падают в ковыль.
Как вы угадали
В том великолепье
Грусть-тоску исконную
Да забвенья пыль?

Отчего же слёзы?
Если бы мы знали,
Где берет начало
Эта грусть-тоска?
Но глядят берёзы
В розовые дали,
Словно их печали
Унесла река.

***

Бреду по склону Машука,
 Оставив все свои заботы.
 А на душе – одна тоска,
 Как будто потеряла что-то...
 Совсем одна. Совсем ничья.
 Стою у скал, как столб
верстовый,
 И в томик Лермонтова я
 Кладу увядший лист кленовый.

Перенестись бы в те края,
 В то злополучнейшее лето, –
 Хотела бы от пули я
 Собою заслонить поэта!
 Осиротела наша Русь,
 Когда случилось здесь такое.
 Я мысленно переношусь
 В то лихолетье роковое.

Дождём осыпанную ветвь
 В окно протягивала вишня.
 – Как передать о смерти весть?
 – Здесь прозвучал вопрос чуть
слышно.

Гор безучастные вершины,
 Речитатив подков коня,
 Тропинки в зарослях лещины
 Слились с обыденностью дня...

Неугасимую лампаду
 Зажёг недюжинный Поэт...
 Идут паломники на свет,
 Шурша коврами листопада, –
 В ту незатейливую хату,
 Где в окна разных величин,

**ГАЛИНА
ШЕВЧЕНКО**

Поэзия

На споры жаркие мужчин
Взирал Эльбрус с печалью брата.

В ту, где под крышей камышовой,
Перед открытой дверью в сад
Картины битв, слова шарад
Писались почерком знакомым.
В лохмотьях туч клубился дым
Свечей, сгорающих у гроба.
Кавказ увидел свет особый,
Под Машуком зажжённый им...

* * *

Притупилась боль о глупом прошлом.
С бесконечной скорбью жить нельзя.
Позабыв о мелочном и пошлом,
Поминают Гения друзья.
Постоим да помолчим минуту,
Каждым нервом слыша тишину.
Нет причин завидовать кому-то
В богоданной близости к нему.

Жив дух казачий

Конь каурый кареглазый, с чёлкой вороной
Шёл налётом мимо базы с всадницей седой.
За спиною слышен шёпот, гул недоуменья:
«У наездницы есть опыт, видимо, с рожденья?»
Знаю я, она – казачка, дед в войну был – сотник.
Материнский корень – лачка. А отец – охотник.
Казачатам с малолетства класс езды давала.
Шашку, лошадь, честь в наследство здесь же
получала.
В сёдлах нет казакам равных – хроникам поверьте!

На конях летели к Славе. И верхом же – к смерти.
Укатали сивку горки. Жизнь пошла иначе.
Но глаза казачьи зорки. Порох не истрачен.
В исторических глубинах – чувств первоисточник,
И батальные картины пишет память дочек.
По родным могилам тропы узнаются в крае.
Мы геральдику и опыт предков – почитаем.

Конь взвихрит снежок под кручей, как в старинной
сказке;
Снег холодный и сыпучий, снег с вершин
Кавказских,
Где над склоном каменистым на утёс вознёсся
Хищный беркут. Сильной птице – в утешенье
просинь.

Конь каурый кареглазый с чёлкой вороной
Привлекал все взгляды сразу к всаднице седой.
Горделивая казачка, слыша гул похвал,
Затянула песню смачно, как отец певал.

Конь каурый кареглазый, с чёлкой вороной
Шёл намётом мимо базы с всадницей седой.
За спиною слышен шёпот, глас недоуменья:
«У наездницы есть опыт, видимо, с рожденья?»
В сёдлах нет казакам равных – хроникам поверьте!
На конях летели к Славе. И верхом же – к смерти.
Укатали сивку горки. Жизнь пошла иначе.
Но глаза казачьи зорки. Порох не истрачен.

Спасибо за боль

Таинственны истоки вдохновенья.
Страницы жизни свёрстаны не зря:
Решения, ошибки, увлеченья
Затмить не может юная заря.

Друзья мне сердце отогрели словом.
Врагам спасибо – обострили слух.
И, если жизнь моя на переломе, -
От скорости захватывает дух!

Важны непредсказуемые встречи,
В них что-то от рождения стихов,
Когда со всем, что рядом – не переча –
На жизнь, на смерть, и на любовь готов!

Бывает расстояние испытаньем –
А, значит, нам опять творить пора.
Спасибо всем, кто наше сердце раня,
В конце концов, желает нам добра.

Чертополох малиновый

В канаве за осинами
Чертополох малиновый,
Настырный и колючий,
Расцвёл под самой кручей.
Такое чудо цвета,
Да в середине лета,
Когда трава от зноя
Становится седою!
Сорняк из сложноцветных
Хвалить бы не корректно:
Чертополох медовый
Не жалуют коровы.
Зато в одно мгновенье
К могучему растенью
Летят шмели и пчёлы
С жужжанием весёлым.
Я признаю в смущении:
Он – многих совершеннее,
Могуч и независим!

В букет его не втиснем, -
Степной король свободен
И к ласкам не пригоден.
Однако он прекрасен,
И вовсе не опасен!

Памяти Александра Мосинцева

*Судьба поэта – крест, который
снести не каждому дано*

А. Мосинцев

Он угадывал Времени вызов.
Переживший немало потерь,
На пределе возможного выжил,
А на взлёте – захлопнулась дверь.

Подошло роковое мгновенье,
В немоту нас повергла беда.
Ароматом цветущей сирени
Провожала ЕГО Слобода.

Без оркестра, властей, пересудов,
Без разлада, интриг и обид,
Шли за гробом обычные люди,
Шли проститься, как сердце велит.

Он лежал, как на свадьбу одетый.
А над нами кружилась тоска,
Что последнюю Песней поэта
Над могилой неслась в облака.

Как от Песни – душа ликовала
И вгоняла рыдающих в дрожь.
Не фальшивила и не ласкала,
Заглушая холуйский галдёж.

Открывал ли он кладези знаний,
Приходил ли от чьих-то – в восторг,
По-мужски, без надсадных стенаний,
Раздарил Он себя – словно Бог!

Благодарный за злую присуху,
За коварную суть бытия,
Перед смертью всей силою духа
Воспевал Он родные края.

Не искал оправданий за слабость,
Благодарность от злыдней не ждал,
Но имел беззаветную храбрость
Указать, кто есть – волк, кто шакал.

Эту нишу занять невозможно
Никакой навороченной тле,
Потому так отныне тревожно
Без него на российской земле.

Попытка автопортрета

Я – колючий шиповник,
А не чайная роза.
Мне не нужен садовник,
Не боюсь я мороза.
Прорасту, где попало.
Расцвету пышным цветом,
Лишь бы Солнце сияло
Обещанием лета.
И шипы мне во благо,
Если с дурнем общаюсь...
Я – Любовь и Отвага.

Уколю – и покаюсь.

Я хожу по земле

Над селом тишина отстоялась
до звона.
А луна над селом – можно
гладить руками.
Я хожу по земле, не залитой
гудроном,
по земле, не одетой
бесчувственным камнем.

Но не очень уверенно ставлю
я ноги:
спотыкаюсь порою на кочках
и свеях.
Знать, отвык от проселочной
битой дороги,
разучился ходить по родимой
земле я.

Нелегко обретают ступни мои
чувство,
позабывтое чувство неровности
почвы,
и не вдруг возвратилось
простое искусство
облегченно шагать через
пажити ночью.

Я брожу по степи, по
проселкам живучим,
первородную слитность
с землей ощущая.
А земля моя русская силой
могучей
льется в душу мою, мне себя
завещая.

**ИВАН
КАШПУРОВ**

**Антология
ставропольской
поэзии**

Стрижамент

Георгию Шевцову

Нас подняла тропинка на вершину
горы столовой – здравствуй, Стрижамент!
Здесь ложементов старые морщины
оставило нам время для примет.

Здесь возвышались стены крепостные.
Под самым небом, на краю земли,
сермяжные крестьяне крепостные
рубеж России зорко стерегли...

Они живут безвестными в легендах,
в протяжных песнях-жалобах живут,
и, кажется, ветра над Стрижаментом
их на поверку вечером зовут.

Теперь тут голо. Горечью полынной
дымится даль – сколь видно – впереди.
От неприступной радости старинной
сегодня даже камня не найти.

Растут вдали дымы Невинномысска,
сверкает рыбьей чешуей Кубань,
и, как под осень птицы, наши мысли
летят печально в утреннюю рань.

Над нами небо – хоть рукой потрогай,
а глянешь вниз – кружится голова.
У самых ног задумчиво и строго
волной сарматской плещет синева.

Моя речка

Сторонка русская,
ветрам открытая,
соломой русою
хатенки крытые.

Из-под скалы седой,
что дико вздыбилась,
вода живой слюдой
на волю выбилась.

И через весь мою,
через Калиновку,
речонка с песнею
бежит долиною.

И где-то в мареве
она скрывается,
ракиты старые
в нее срываются...

За речкой верткою,
ником не мереной,
в даль синеверстую
иду размеренно.

Судьба ль в путь вызвала,
сманила ль утица, –
но чаял сызмала
дойти до устьяца...

Уже далеченько
свет в окнах селится,
но льется реченька,
но тропка стелится...

Мальчишеский оркестр

Как ликовали трубы медные –
играл мальчишеский оркестр,
и маршей музыка победная
была как памяти протест.

То грустно-светлого «Прощания
славянки» взлет под облака,
а то – минута обещания
и – «Марш Печерского полка»...

Как властно правил он мелодией,
седой военный дирижер!
То выпускал на стрежень лодии,
то конный вихрь – в степной простор.

Какая сила в трубы вложена –
уж я-то знаю как-нибудь.
За всю войну мной столько хожено,
что можно б Землю обогнуть.

Бывало, марш-броском измученный,
я падал в грязь, в сугроб, на гать.
И тут ни пулей неминуею,
ни словом добрым не поднять.

Но вот вздыхали трубы – музыка
приподнимала небосвод, –
и обретали силу мускулы,
и я вставал и шел вперед.

А трубачи – хоть зной – не мешкали
хоть стынь – играли вслед полкам,
и губы их от жажды трескались
иль примерзали к мундштукам...

Уводит память стежкой узенькой
от прогоревшего костра
в те дали, где была мне музыка,
как милосердная сестра.

На юге осенью

Плывут над Ставрополем тучи,
плывут за Каспий, на Герат,
и, как полоски жести, стручья
гледичий яростно гремят.

А буре черной нет предела,
а стуже лютой нет конца.
Дрожит земли нагое тело,
скрипят и стонут деревца.

И это – осенью, на юге,
у безмятежно синих гор.
Уж слишком вольно стало вьюге
степной обшаривать простор.

Уж слишком часто ранний холод
поля кубанские зорит,
как будто солнца диск расколот
и в тучи серые зарыт.

Хотя бы проблеск – в утешенье,
чтоб душу лучиком согреть.
Но длится стынь опустошенья –
по рощам ходит бури плеть.

Таких вот стуж не помню в прошлом.
Земля промерзшая – гранит..
А может, я старею просто,
и память злое не хранит.

Курганы

Курганы у реки Кумы
при лунном свете
возникли медленно из тьмы,
как из столетий.

Угрюмо горбятся они
среди пшеницы.
Над ними Эльмовы огни
или зарницы?

Дожди и бури на скаку
их бьют сердито,
и космос целит им в башку
метеориты.

Но – нечувствительны во сне –
молчат курганы,
и только маки по весне
горят, как раны.

Неся печаль издалека
рекой столетий,
до нас дошли через века
курганы эти.

Лишь имена им не дано
сберечь поныне,
и безымянными давно
стоят в долине.

Года войны,
состарив нас,
в пути отстали,
земля курганов и сейчас
больна от стали.

Поздние слова

С годами реже переписка,
с годами уже круг друзей.
Но ты осталась самой близкой
в осенней памяти моей.

И пусть признание вот это –
довольно поздние слова:
нам не вернуться больше в лето,
но память все-таки права.

Не льщу себя случайной встречей,
огнем желанья не горю.
Рассветной зорькою в мой вечер
пребудь, мой друг, – я говорю.

Не за горами уж усталость
крутых годов и зябких дней.
Но счастлив я, что ты осталась
в осенней памяти моей.

Знаю, время придет

Знаю, время придет, как под корень подрубит, –
никакие уж снадобья тут не спасут.
Пусть возьмут меня ветры на теплые руки
и в родные поля до зари отнесут.

Там ковыльный курган – я улягусь на склоне,
рыжий месяц у ног примостится лисой.
Окружат меня травы гурьбою зеленой,
напоят из пахучих ладошек росой.

Убаюкан родимой землею, недужный,
я засну под рассветные песни пичуг,
и, как в детстве, сокрытом в тумане жемчужном,
замирая от страха, во сне полечу.

Поздним утром я встану с высокой постели,
ощущая певучее солнце в крови,
и в станицу вернусь, от бессмертников хмели, –
на щеке отпечаток примятых травин.

Вечер, проведенный со свечой и младенцем

Поле Лаврухиной

Я няня. Ну, работа у меня такая – самая мирная в мире. Полдюжины моих маленьких клиентов или заказчиков – как угодно, уж эта мне современная терминология, – время от времени нуждаются в моем пригляде, в моей помощи, в моих играх с ними, в моих песенках. Нет, конечно, я и с самыми маленькими могу посидеть, не впервой, однако мой любимый возраст – месяцев 10–12, когда дети пока еще «нэмовлята», но вот-вот они заговорят, а значит, примутся мыслить. Интересно, как в украинском языке (и в белорусском похоже звучит, разве что «в» мягче) точно обозначается этот предел – *нэ мовят* – не разговаривают, не используют *мову*, язык, – те, кто еще совсем маленькие и ничего не соображают. То есть, язык, владение языком у украинцев и белорусов, таким образом, ставится во главу угла человеческой зрелости, состоятельности. И сегодня меня ожидает общение именно с младенцем. Как раз не совсем крохотным: он стоит на ножках и даже бегает

ГАЛИНА
ТУЗ

Проза

по комнате, как говорит его мама, но *нэ мовит*. Это ничего.

Мама младенца – моя давняя подруга Мира, которая попросила посидеть с дочкой, потому что идет праздновать Новый год с ее отцом – впервые после рождения девочки. Причем впервые после рождения она не только встречает с ним Новый год, но и вообще встречается. Новоиспеченный папая элегантно убыл куда-то в заоблачные дали, предоставив маме самой справляться с нахлынувшим на них счастьем. Что ж, и такое в жизни случается. Я забегала к Мире как могла часто – показала ей приемчики купания и пеленания – они быстро усваиваются, только успевай новый опыт получать, – но все ночи были ее и только ее, кто ж не понимает: обеспечивая старт новой жизни, ты сам частенько просто застреваешь между сюром и реальностью.

И вот – в папане заговорили вдруг отцовские чувства, или какой другой жареный петух клюнул его в задницу, но из заоблачных далей он спустился на нашу грешную землю и позвонил Мире. Я лишена категоричности феминисток: раз он так поступил, нет ему прощения, и – от ворот поворот. Что вы! Я одобрила идею Миры – встретиться с ним и все обсудить, сама на ее месте была. Чем черт не шутит, может, и получится у них что. И девочка отца получит.

Я собиралась на работу особенно тщательно. Ну и что, что клиентик вряд ли оценит мое одеяние – праздник ведь. Пусть на этот роскошный прикид цвета бедра испуганной нимфы прольет клиентик кашу, черканет не убранным вовремя фломастером, а то и обкакает, пардон (иногда, само собой, даже памперсы не спасают). Это ведь издержки профессии, так сказать, профессиональный риск. И негоже няне быть слишком щепетильной в таких вопросах.

...Мирин дом предстал передо мной, как аквариум, наполненный не водой, а светом. Где-то там, в ожидании няни, плавали две мои золотые рыбки. Хотя дочка, конечно, вряд ли готова к такому вероломству своей мамочки – бросить ребенка на чужую тетю прямо в новогоднюю ночь. Ну, посмотрим, как можно будет реабилитироваться в глазах младенца, подумала я, и тут свет из аквариума неожиданно вытек через пробоину в корпусе – это во всем доме вырубилось электричество, и лишь фонарь над козырьком подъезда почему-то продолжал слать в разные стороны неверные лучи, как бы служа проводником света-беглеца. Подъезд, стало быть, пришлось осваивать на ощупь. Благо, все здесь знакомо с детства, до последней щербинки в ступеньках, да и идти не далеко – первый этаж. Дверь мне открыла Мира, еще более красивая, чем могла бы быть, потому что в руках она держала подсвечник со свечой, освещавшей Мирин новогодний наряд. Он весь как будто состоял из разноцветных искр, вспыхивал и переливался.

– Ой, а у нас света нет, представляешь? И это на Новый-то год! Ну, ничего, надеюсь, вы тут все равно справитесь без меня!

– Да без проблем, Мир! Иди, собирайся к своему вновь обретенному. А я пока Кире предъявлю себя поближе.

Годовалая Кира с любопытством уставилась на меня из комнаты, с ковра. Я перехватила у Миры свечу – вторая стояла на подоконнике, рискуя запалить кружевную занавеску, впрочем, та висела на вполне безопасной высоте, – и отправила подругу за третьей, которую она зажжет в другой комнате, наводя последние штрихи на свою красоту.

В Кириной комнате по потолку и стенам блуждали причудливые тени. «Прюнелевые тени» – вы-

полз откуда-то поэтизм. Я его запихнула куда по-дальше. Не до поэтизмов сейчас.

Девочка дружелюбно протянула мне небольшую, насколько я смогла углядеть, красную неваляшку – динькнула ею пару раз, приглашая подивиться такой прелести и благозвучию.

Все-таки у моей подруги – своеобразное чувство юмора. Придумать дочке такое имя, чтоб рифмовалось с собственным! Впрочем, это у них семейное. Дело в том, что фамилия отца Миры – Голуб. Ну, оцениваете звучание? Голуб Мира! Промучившись так всю школу, Мира, перед рождением дочки, взяла себе материнскую девичью – Сосницкая. А то была бы у нас сейчас Голуб Кира. Угу, и я именно об этом сразу же подумала, как только узнала имя Мириной девочки.

«Гэтым бы і кіравацца... – напеваю я из Лявона Вольского – Пимена Панченко. – Кіравацца, Кира, по-белорусски – «руководствоваться». Возможно, ты будешь у нас руководителем?». Не бог весть, какая острота, но Кира смеется, кажется, она вот-вот скажет что-то типа: «Ну какой из меня руководитель? Скорее всего, я буду скрипачкой в камерном оркестре. Но это потом уже. А в юности буду играть в рок-группе. Ты спросишь: какие скрипки в рок-группе? А мы будем играть фолк!».

Я представила, как светловолосая юная Кира в разлетающейся юбочке цвета «лягушка в обмороке» (ничего не могу с собой поделывать, обожаю старинные названия цветов) отплясывает с лаковой скрипачкой на каком-нибудь крутом танцполе, своим темпераментом и виртуозностью давая фору заезжим музыкальным гениям, а потом, усталая, сидит за столиком с бокалом пузырящегося шампанского в руке... или нет, лучше – с маленькой чашечкой кофе... Его с полупоклоном подает Кире

мой Ларик, уже слегка седеющий джентльмен (ведь разница в возрасте у них – почти 20 лет...). Нет-нет, он не жених Кирина и не поклонник. Ларик – бариста. Занимается латте-артом, рисует молочной пеной чудные картинку в чашках с кофе. Открыл в себе такой талант. «Кир, жаль, тебе еще нельзя подобного пить, – говорю я, – но все равно, Ларик изобразит для тебя кошечку или узор какой – что ты хочешь? Неваляшку? Или вот свечу, например. Огонек. И он будет светить тебе, по-настоящему светить. Это Ларик запросто. На мой прошлый день рождения он сделал для меня портрет моей любимой Маришки Вереш, а еще – Желтую подводную лодку и белорусский герб «Погоня». Я тогда прям обпилась кофе».

«Кофе», – вдруг говорит Кира, и я думаю, что играть на скрипке она научится обязательно – у нее и мама, и бабушка – музыкантши, правда, безо всяких рок-групп. Преподают в музыкальной школе. С Мирой у нас профессии – из разных сфер, у нас двор детства – один.

...Я-то в свое время училась на архитектора, все не на музыканта, хотя Мира меня и соблазняла: «Главное, чтобы вместе!». Быть вместе с Мирой мне хотелось. Я представляла, как мы подружим с ней всю жизнь, как будут дружить наши дети и мужья, как мы, сорокалетние, в шляпках с цветами (дались мне эти шляпки! Кто из сорокалетних носит сейчас шляпки с цветами?) будем сидеть за белым столиком в белом кафе и пить вино из хрустальных бокалов или чай из чашек – красных в белый горошек... Но чтобы быть с Мирой вместе и везде, мне пришлось бы выучить для начала хотя бы нотную грамоту. А такой подвиг был выше моих сил. В этих значках на линейках я не видела ничего, кроме

значков на линейках, звуки с ними никак не хотели соотноситься. Хотя пела я, вроде бы, хорошо.

..Так вот, училась я, училась и выучилась. Попала на работу в некую архитектурную контору, где занималась привязкой планов к местности. Каждое мое утро начиналось там с бабских разговоров о детях: а мой-то Васенька сегодня на завтракек то-то и то-то ел, а мой-то Петенька сё-то. А мой так-то пописал-покакал, а мой сяк-то. Я с дикой тоской и нарастающим раздражением думала: «Неужели и я такой стану? Неужели это и есть – семейные радости, пресловутое счастье материнства? Да пошли эти детки куда подальше! Сроду их себе не заведу!». Но когда, родившись, не задышала моя собственная малявка, и врач на мой вопрос «Кто у меня?» грубо ответил: «Никого пока у тебя нет!», мне пришлось быстренько пересмотреть свои взгляды на потомство. Пока я лежала на родстоле, а где-то вне моего поля зрения лежала маленькая не задышавшая личность, меня как будто вместе с телом и душой всосала гигантская резиновая воронка, из которой ни в этот момент, ни в будущем было не выдраться. Я слышала шлепки, краем глаза видела беготню по родзалу голубых халатов, но вот наступила тишина и раздался слабый писк нового существа. Потом я узнала, что одна из акушерок, девушка, не по моде носящая длинную пушистую косу, пощекотала ее кончиком ноздрю новоиспеченной личности, упирающейся при входе в этот мир. И личность проявилась! Вот тогда-то, в хлюпающей своей воронке, я и приняла судьбоносное для себя решение: раз так – буду возиться с детьми. Зачем-то силы небесные сжалились надо мной? Долг платежом красен. Ну а дав слово, забрать его обратно у меня никогда не получалось.

Однако это совершенно не значит, что в подобных случаях я, не стесняясь, пользуюсь кичливым слоганом всех напыщенных индюков: «Я хозяин своего слова!». Не нравится мне этот хозяин. Сразу представляется такой *Fool on the Hill*, который сидит на этом хилле и обзревает свои тучные стада слов, которые пасутся где-то внизу, то скрытые дымкой облаков, то четкие, как на ладони. А ты их то дудочкой можешь погонять, то зычным окриком... Нет, мне гораздо больше нравится считать слова пятой стихией: огонь, вода, воздух, земля и слова. И ближе всего слова, как мне кажется, к стихии огня. Тут можно продолжить образ: в жизни встречаются носители слов-светлячков, слов – болотных огоньков, слов-сполохов, слов-фейерверков, слов – карманных фонариков, слов-прожекторов, ну и слов-свечей, конечно. У чиновников – слова-окалина, у неверных возлюбленных (не по факту, а по человеческому типу) слова – огни святого Эльма... Что-то такое эфемерное, малореальное... Мой, во всяком случае, так и выражался... Ну, неважно. Он был да и сплыл, а мы с Лариком остались.

Вообще-то к мужчинам я отношусь... с некоей жалостью. В основном, как к людям, в чем-то ущербным, требующим к себе особого внимания и заботы – как инвалиды. Ну, например, если человек за 25 лет не смог запомнить, в каком ящике шкафа искать ему свои носки... О чем тут можно говорить? Мой опыт по мужской части не далеко ушел от опыта моей подруги Миры. В жизни нам встречались примерно одни и те же типажи, с ними возникали одни и те же проблемы. Просто я их отрезала от себя гораздо раньше, чем Мира, перестала искать спутника жизни, перестала заниматься предьявлением своей персоны в качестве объекта вожделения. Ну или там времяпровождения, или обе-

спечения быта... Какая разница? Это только первую треть жизни ты тратишь на подобные иллюзии, потом все устаканивается, и ты спокойно занимаешься своим делом. А оглядываясь на прошлое, сильно жалеешь себя, свою «молодозеленость» и думаешь, как бы ты, взрослая, могла себя, юную, поддержать тогда.

Теперь я ненавидела те свои стояния у двери – с ухом, чуть ли не засунутым в дверную щель, чтобы услышать его шаги на лестнице. А он не приходил – ни сегодня, ни завтра, ни в день рождения, ни в праздник, и мог потом запросто устроить скандал по поводу этих моих бесплодных ожиданий: «Ко мне приехал мой литинститутский руководитель семинара Межиров! Я что, к тебе в это день должен был идти?!». Я кушала все это молча – Межиров, без сомнения, был важнее меня. Потом, правда, оказалось, что у этого «Межирова» было женское имя, а мой возлюбленный сроду не учился в Литинституте. Но это уже так, мелочи. Когда после рождения Ларика нас слишком быстро выпихнули из больницы, и я чуть не сдохла от открывшегося кровотечения, он, услышав все эти новости по телефону, бодро сказал мне: «А, ладно, я тогда тебе позже позвоню». И повесил трубку. Тут, на самом деле, оставалось только поржать и выбросить этого типа из головы. Что я со временем и сделала, мне это удалось – у меня было слишком много забот с Лариком, а потом и с моими *нэмовлятами*. Я стала старше, я повзрослела.

...Конечно, моим самым любимым моментом в жизни всегда было то мгновение, когда *нэмовлята* молвят первое слово – и бывают эти слова разными: и «мама», конечно, но быть как все – не в правилах моих *нэмовлят*. Мои изрекают свое: «маззь»,

«Пекин» или даже «комиссия». А один умник постарался: его первым словом стало «кариатиды». Мне мало кто верит, но одна медсестра в физическом смысле упала со стула – пошатнулась от неожиданности и слетела с него, когда мы в поликлинике продемонстрировали свои умения. «Алешенька (год два месяца), как называются тети, которые балкончик держат?». «Кариатиды», – ответил Алешенька и с сосредоточенным видом опять занялся своей целлулоидной уточкой.

Мамани *нэмовлят* утверждают, что первое слово они всегда говорят при мне. А потом начинают болтать по полной программе, и что это тоже моя заслуга. «Не разводите мистику! – говорю я маманям. – Просто у вас – способные дети». Мам обычно такая констатация факта удовлетворяет, и они перестают проявлять излишнее любопытство – как там у нас устроены наши отношения – ребенок весел, здоров да еще и болтает – и хорошо-то как!

Бывали, правда, в моей деятельности и обломы. В одном доме перестали пользоваться моими услугами, хотя необходимость во мне, как в няне, никто не отменял, потому что я, как оказалось, абсолютно равнодушна к их коту. Что ж, это правда. Котики и собачки – не мой конек. Но что поделать, если я так устроена – все невербальное проходит мимо меня, никак не задевая моих чувств. Хотя – отсутствие вербального интеллекта в людях – еще как задевает. Таких, невербальных, я называю про себя «сквернословы» – не те, кто ругаются и употребляют ненормативную лексику, а те, кто скверно говорят – то есть, скверно выражают свои мысли. Сквернословы – это графоманы всех мастей, чинуши, обыватели... Обыватель для меня даже не столько тот, кто не дает другому права по-другому жить,

мыслить, совершать непонятные с его, обывателя, точки зрения поступки, сколько тот, кто принципиально косноязычен. Косноязычие – отличительная черта нашего времени.

...Я беру неваляшку из рук девочки и с показным восторгом рассматриваю ее, цокая языком. Девочке это нравится. И цоканье, и мой восторг. А мне и притворяться особо не надо – какой русский не любит быстрой езды, какой взрослый не любит неваляшек? «*Вставоч*», – вдруг говорит Кира. – Ванька-встанька. *Гимнастик*», – я улыбаюсь и глажу ее по голове. *Вставоча* мне когда-то привез из Чехословакии отец. А вот «*гимнастик*» – это из македонского, эх куда Киру занесло. «Да, да, – говорю я, – а еще – роли-поли, неваляшка, кувыркан, свалик, а также іван-поківан – іванець-ківанець...». Китайский, увы, не входит в сферу моих интересов.

Кире надо съесть перед сном творожок с бананом, а мне ее мама приготовила праздничный ужин – какой-то экзотический салатик, куриную грудку с грибами, бутер с красной икрой... «Новый год, знаешь ли», – сказала Мира. Все, что она делает, у нее получается здорово. И так было всю жизнь. Руки приставлены у Миры, куда надо, ну, или если по-научному, – у нее высокоразвитый моторный интеллект. «Идиоты – мужики, – думаю я. – И чего им еще надо? Симпатичная, неглупая, энергии прорва, дело в руках горит. Да она кого хошь на ноги поставит, в гору вытянет, ну и все такое прочее. А вот поди ж ты – нам уже почти по сороковнику (и – никаких шляпок с цветами!), а Кира только на ножки встала, и папик ее – непонятно где...».

Мира, смеясь, говорила, что до Кирино папика в ее жизни было три мужчины – Непроходимый Дурак, Клинический Сумасшедший и Отъявленный

Негодяй. «И где я их только нахожу? – вздыхала Мира. – Прямо как у Саймака в «Театре теней» – Деревенский Щеголь, Инопланетное Чудовище, Усатый Злодей». Мира любит фантастику. И меня туда же пыталась завлечь. Но меня никуда завлекать не надо, я и так люблю все, что написано и сказано словами – верными и точными.

А еще я люблю цветы. Случилось это со мной не сразу, ведь я совершенно равнодушна к невербальной стороне жизни. Но... То ли зрение с возрастом начало сдавать, и захотелось более четкого, яркого изображения действительности, то ли просто красок мне в жизни не хватало, но я стала получать удовольствие от созерцания цветов. Огненные канны на клумбах и белоснежные каллы в букетах, розово-желтая альстромерия и синие васильки, разноцветные ромашки герберов, напыщенность гладиолусов и георгин, нежизнеспособность ирисов и некое даже нахальство маков, пионы и тюльпаны, астры и хризантемы – от всего этого я приходила то в тихое умиление, то чуть ли не в экстаз. Но... В конце концов мне пришлось признаться себе в том, что я банально люблю розы, розы, а не какие-нибудь там экзотические орхидеи или гардении, а еще – в том, что я люблю музыку «Битлз», хотя ее любят практически все меломаны, а я еще в юности дала себе слово – не быть как все (прямо как мои *нэмовлята*). Глупый поступок с моей стороны, быть или не быть как все нам приходится не по своей воле – уж какими мы сделаны, такими и даем развитие своей программе. Психологи ошибаются, когда советуют нам работать над собой и меняться в лучшую сторону. Ничего не получится. Ну а если ты изменился – значит, это все-таки было в тебе заложено. Поэтому я, как и все, люблю розы, люблю музыку «Битлз», люблю детвору и еще массу вещей,

от которых не дистанцируешься только из принципа. Принципы, уроки и всякие другие смешные вешки нашего существования нужны, конечно, как колышки, на которых держится обжитое нами пространство. Иначе оно провисает и положится на ветру все то время, пока ты пытаешься поймать его и зафиксировать. Иногда это удается, иногда – нет, и тогда полотнище, захлопав краями, как крыльями, уносится в небытие, ну и ты вместе с ним... Моя же главная вешка – это, конечно, фантазия.

Поначалу я думала, что песня «*Imagine*» – о человеческом воображении и считала ее неким, вроде, музыкальным рефреном своего существования. Но когда оказалось, что это просто эдакое политическое завещание шестидесятника своим поклонникам, была несколько разочарована, хотя песню не разлюбила. Однако – вот что значит – не владеть языками!

Пришлось мне отказаться от гимнообразного рефрена, быть попроще и взять себе в проводники Вадима Коростылева. Его герой уж точно пел про воображение, правда, несколько приземленное, утилитарное. А может, так даже и лучше. Летать в заоблачных сферах мы и сами умеем, а вот написать о воображении с юмором – не у каждого получится.

*Берёшь в воображении бутылочку вина,
И делаешь движение, как будто пьёшь до дна,
Потом ещё движение, потом ещё одно.
Привет, воображение, почёт и уважение,
Моё воображение, всегда полным-полно.*

Кстати, в рамках этого, как ныне говорят, проекта, предлагаю тему диссертации по концепту «воображение». «Контент-анализ концепта «воображение» в дискурсе произведений Джона

Леннона и Вадима Коростылева». Как-то так. О, не пугайтесь, лингвисты, а также фанаты Джона Леннона, я же шучу. А вот поклонникам творчества Вадима Коростылева это бы точно понравилось. Однажды я поняла, что этот человек с лицом доброго и веселого сказочника – автор всех моих самых любимых фильмов и мультиков. Через пару лет Кире самое то будет глянуть «Вовка в Тридевятом царстве», а вот про бутылочку вина я пока ей петь не буду, оно ей пока не надо. И даже в Новый год сама не выпью – уж такая это работа, алкоголь у нас – табу.

Мы отправились с Кирой на кухню, ужинать. Ее мама сказала, что ради Нового года пусть Кира идет в кровать, когда сама пожелает. «Да она-то и обычно не очень-то рано засыпает, совушка-соловушка». Я держала девочку за руку, для этого мне пришлось довольно значительно изогнуться влево – я высокого роста, до руки младенца без усилий не дотянуться. В другой руке, понятно, я несла свечу. «Свеча, – сказала Кира по дороге на кухню. – Огонек». «Да-да, моя девочка, огонек. Он похож на листик, видишь, на осенний листик, или на акварельную кисточку, или на хвостик лисички – такой же оранжевый. Можно еще сказать: «*жовтогарячий*» и «*помаранчевий*», ну, или «*аранжавы*», «*памяранцавы*».

В кухне я достала из пакета апельсин, чтобы продемонстрировать Кире оранжевость, давшую название цвету. Кира смотрит серьезно, вполне усвоив: это новый цвет и новые слова.

На нас с ней снизошло некое уМИРАтворение (да знаю, знаю я, как правильно слово пишется): мы сидим с ней за ужином и спокойно болтаем о ее маме, об игрушках, о маленькой серебристой елоч-

ке, обвитой микроскопическими бусами (смешное словечко – «бусы») и украшенной крошечными, серебристыми же, игрушками – маленький лыжник, маленький гномик, маленький всадник... Мира нарядила эту елочку для нас с Кирой, праздник ведь. На столе еще стоит фарфоровая салатница с крышкой – Мира сказала, что дарит мне ее на Новый год. Салатница покрыта ало-золотым узором, что-то такое китайское, ярко-праздничное.

Кира ест свой творожок, даже не очень-то перемазавшись, – уверенно держит ложку, уверенно констатирует: «Банан!».

...«Мама, ты волшебница слов, – изумился однажды Ларик, случайно подсмотревший нашу беседу с полуторагодовой Валюшкой, когда мы захлеб обсуждали достоинства и недостатки ее новой куклы. – Как ты это делаешь?». «Ларик, не разводи мистику, – сказала я ему в ответ свое дежурное. – Просто это очень способная девочка. На лету схватывает». Ларик недоверчиво покачал головой, и с тех пор я иногда ловила на себе его задумчивый, изучающий взгляд. Нет, Ларик, я не волшебница. У нас это называют по-другому – *Охоронница слов, Абаронца*, ну, или *Защитница* – как-то так.

Неожиданно мы с Кирой услышали звук поворачиваемого в замке ключа и выскочили в коридор. Было без восьми минут двенадцать. Мира предстала перед нами заплаканной и расхристанной.

– Не явился, представляешь? Черт бы его побрал! Записку передал – усылают, мол, на задание, буду через два месяца. Шпион чертов!

– А... а... – замямлила я. – Так значит, он шпион?

– Да не знаю я, кто он! Написал – услали в командировку. Кого могут услать (если только это правда) в канун Нового года в какую-то дурацкую

командировку? Шпиона или солдата, да мне ведь от этого не легче!

Мира шмыгнула носом и решительно тряхнула головой:

– Ну и черт с ним! Все, Новый год! Встречаем втроем! А то его так и проворонить можно!

Мы вернулись на кухню, Мира достала припрятанные бутылки шампанского: себе – настоящего, нам с Кирой – детского. На этикетке детского шампанского был изображен хоровод зверюшек вокруг елки: медвежонок, зайчик, лисичка. Кира тронула рисунок указательным пальчиком и четко произнесла: «Лиса!». Мира немножко выпала в осадок, с изумлением уставившись на дочку:

– Говорит!.. Да вы тут, я смотрю, время без меня не теряли!

Кира довольно засмеялась, правильно определив, что угодила маме. В это время пробило полночь, и в ночное небо полетели сотни разноцветных салютов со всех концов города. Канонада была потрясающей, но Кира не испугалась, приняв ее как данность... Втроем мы припали носами к зимнему стеклу...

Как оказалось, канонада совершенно другого толка ожидала в эту ночь Кирино папу. Позже, гораздо позже узнали мы, что именно тогда, когда по всей земле звучал звон бокалов и рассыпался в небе новогодний салют, в узких улицах чужого городка горели наши танки, попавшие туда волей недальновидных наших правителей и подожженные защитниками города. Колонну вел тогда Кири папа.

...Да, мы, *Охоронници*, ведаем словами, и они нас слушаются, иногда, при необходимости, даже подчиняются нам, но необходимость в этом возни-

кает редко – слова сами знают, что им делать, как им действовать, и куды, как говорится, бечь. Есть только несколько слов в наших славянских языках, несколько эдаких солдат фортуны, которые вне нашего контроля творят что хотят, нападают на людей, дерутся и грабят, унижают чувство собственного достоинства, а иногда и убивают. И одно из этих слов – «война».

Новое имя

Чудес хочется

– Тук-тук! Можно?
 – Заходите.
 – Я с мужем.
 – Ну давайте вместе, куда ж его деть... Ого! Это кого ж мы рожать будем с таким папой?! В вас сколько – метра три?

– Два... – смущённый здоровяк протиснулся в кабинет.

– А вес?

– Сто двадцать.

– Что ж это вы, голубчик – эдакий шкаф, выбрали себе дюймовочку, а рожать-то ей как, подумали?

«Шкаф» сконфуженно заулыбался, отчаянно пытаюсь сжаться.

– Да вроде она у нас небольшая, два восемьсот была по УЗИ в прошлом месяце, – посетительница пыталась пристроить спутника в какой-нибудь угол, но тот постоянно что-то задевал, и в итоге предпочёл просто замереть, взглядом умоляя больше его не трогать.

– Тогда УЗИ и – вперёд. Роды первые?

– Первые. Боюсь очень!

– Ну, что, женщины веками рожали, ничего. А беременность какая?

**ЕЛЕНА
ТУЛУШЕВА**

Проза

– Я ж говорю, первая!

– До этого выкидыши, аборт, в том числе на ранних сроках?

– Нет, всё впервые!

– Ну, как скажете. Если вдруг вспомните, сообщите, – он быстро заполнял бумаги, про себя вынося вердикт: «Наверняка врёт! И что ты с ними делать будешь? Небось наделала дел по юности. А если какие осложнения – нам ведь разгрести!» – он недовольно поморщился, вспоминая осложнённые роды годичной давности. После того случая он стал крайне скептически относиться к информации из уст беременных, и сейчас по привычке внутренне проговаривал: «Врёшь. И тут тоже врёшь».

– Игорь Владимирович, можно вас? – раскрасневшаяся толстуха застыла в дверях с извиняющимся взглядом.

– У меня пациент, – он резко обернулся и понял, что дело срочное. Вошедшая – медсестра Маша, работала в бригаде детской реанимации. Бригада укомплектована неонатологом и хирургом. Раз пришла за ним, значит, рук не хватает. Просто так во время приёма никто не заходит: персонал вышколен, отделение платное, пациенты возмутятся.

– Минуту, – кивнул он Маше. – Видимо «сверху» звонят, начальство, сами понимаете, – обратился он к пациентке. – Вы пока снаружи подождите, я быстро.

Как только вышли из отделения, Маша затараторила:

– Там Кузякин разрывается. У нас плановое кесарево. Тройня. У одного на УЗИ выявили то ли грыжу, то ли опухоль, в общем – не отойти. А тут экстренную привезли. Схватки в метро начались. У плода сердцебиение плохое, похоже обвитие. Меня отправили помогать, но Александр Степанович послал ещё и за вами.

– А Усачёв где?

– Усачёв дома после суток: дежурил за Камышева, тот в больнице с язвой.

Когда они вбежали в палату, дежурная бригада суетилась в ожидании последнего этапа родов. Переодеваясь, моя руки, он отметил, что для ребёнка уже подготовили реанимационный набор.

Роженица была с виду крепкой. Длинные пшеничные волосы, даже слипшись от пота, сияли здоровьем. Орала она громко, значит, силы есть. Хотя обычно такие не орали. Он уже привык делить всех их на две категории: деревенские и городские. Конечно, не по месту жительства, на разговоры кто-откуда времени тут не бывало. Деревенские, в его понимании, – плотные, мясистые, с крупными бёдрами и сильными руками. Рожали они так, будто в поле косили: жарко, сил нет, тяжело, но куда деться, сделай дело и отдыхай. Такие инстинктивно знали, когда и как тужиться, как дышать. Городские же – вот это морока. Щуплые, в чём душа, всё за них сделай. И анестезию им побольше, и пить хотят, прям, умирают, а тут ещё моду взяли за деньги мужиков своих притаскивают смотреть. Врачей не слышат. Ты им – «дыши», а они тужатся, ты им – «толкай», а они «не могу»! Правда, такие тысячу раз потом отблагодарят, и мужики их всей бригаде и конверты, и бутылки носят. Тоже приятно...

Эта была из «деревенских», но, похоже, ребёнку что-то мешало, и орала мать беспрестанно.

– Так, заканчивай кричать. Тут работы на полчаса. Ну-ка, соберись!

Роженица будто и не слышала, только орала и мотала головой. По глазам коллег он понял, что шансы ребёнка невелики. Сёстры начали распечатывать дополнительный хирургический набор.

– Сколько уже?

– У нас она четыре часа, да плюс пока везли. Сама сказать не может, как давно первая схватка была. – Маша суетилась, поправляя ему халат и натягивая перчатки. – Сначала шло хорошо, думали, стремительные роды будут. А как головка показалась, так и застопорилось. Очень долго не продвигается.

– А резать, видимо, было поздно... – пробубнил он сам себе. – Что делать, Саш? Может надавить?

– Да уже пробовали. Давай, может ты посильнее... – на лице его друга блестела испарина, сзади из-под шапочки пот каплями сползал по бритым складкам затылка за воротничок уже изрядно взмокшего халата. – Что-то не ладно. Как выйдет, он – на тебе, мне – мать.

Через несколько потуг ребёнок наконец вышел. Мальчик. Синий. Тройное обвитие. Молчит.

Игорь быстро перехватил обмякшее маленькое тельце, в два шага перенёс его на столик, где сёстры уже приготовили трубки и отсос. Наспех обтерев не дышащего младенца, он, как в режиме ускоренной перемотки, начал реанимацию. Счёт шёл даже не на секунды.

Вокруг было множество звуков. Саша сердито что-то требовал от сестры, со звоном бросал зажимы, равномерно пищали датчики давления, из открытого окна доносился звон трамвая. Но всего этого Игорь как будто не слышал. Его слух был настроен лишь на одну частоту: сигнал от этого маленького человека. Человек молчал. Игорь вновь и вновь методично выполнял инструкции учебника по экстренным родам. Он понимал, что каждая минута уменьшает шансы на жизнь, а каждая секунда может обернуться инвалидностью ребёнка.

Ему казалось, что прошло уже полчаса: время здесь растягивается. В реальности он спасал младенца всего несколько минут: без остановки делал

непрямой массаж сердца, ощущая под пальцами крохотные рёбра, которые вот-вот готовы были треснуть под его натиском. А там, за ними, всё ещё молчало маленькое сердце.

«Давай, парень, давай. Мы с тобой прорвёмся!» – он пытался передать через пальцы свой импульс жизни, свою силу. «Давай, ты же мужик!» – уговаривал он.

«Стукнуло! Только что! Пробилось ведь!... Молчит... Ну что же ты?! Показалось? Не может быть! Это ни с чем не перепутать. Ну же, давай! Один раз уже смог. Давай, парень!» – под его пальцами отчетливо послышался второй удар. Тишина. Еще тишина. Молчит... Вот он: третий. Четвёртый. Ещё!

– Умница! Настоящий мужик! Борец! Давай, мой хороший, не останавливайся. Мать тебя как услышит, взлетит от счастья.

Младенец слабо двинул ножкой, подтянул обе ручки к груди, медленно заворочал головой и издал слабый шипящий звук. Игорь подхватил его, ловко хлопнул по ягодицам, повернул головкой вперёд.

Слабое подобие детского крика заглушили вздохи всей бригады.

– Красавец! – Игорь завернул его в полотенце и двинулся к матери. – Ну, заслужил, брат. Вот она – мамка твоя! – развернул малыша личиком к маме. – Что, выкладываю? – обратился он к Саше.

Саша недовольно поморщился и отмахнулся.

– Да ладно тебе, Александр Степаныч. Ты же помнишь, решение главного. «Психологи установили, что в первые минуты жизни ребёнку необходим телесный контакт с матерью...» – Игорь передразнил главврача.

– Да шли бы эти психологи... – беззлобно буркнул Саша, – в бухгалтерию. Давай, быстро, я ещё не закончил.

– Слушаюсь! – Игорь комично поклонился и поднёс младенца к лицу матери.

– Уберите, – едва слышно прошелестела женщина.

– Чего? – не расслышал Игорь. – Гляди, мама, вон какой у тебя богатырь! Давай, положу его тебе, готова?

– Уберите, не хочу, – чуть громче прошептала она.

– Ну, приехали, «не хочу». Теперь, дорогая моя, лет на восемнадцать свои «хочу – не хочу» забудь. – Игорь поднял пищущего младенца повыше. – Теперь вот он за тебя решать будет.

– Не надо! Уберите! Я не хочу его видеть!

Игорь озадаченно замер. На родовые горячки он посмотрелся. Обычно он резко пресекал подобное поведение рожениц. А как по-другому: не рывкнешь на них, перестанут работать, а ребёнку-то ничуть не легче, чем им. Но сейчас он чувствовал такой прилив радости оттого, что это маленькое сердце забилося под его пальцами. Ему не хотелось портить себе настроение, сегодня ещё до ночи дежурить в родовом.

– Ладно, отдыхай. А мы твоего красавца пока взвесим и измерим, – он направился к весам, бережно держа своего подопечного.

– Так, что тут у нас...Маша, записывай, три семьсот пятьдесят. Так...аккуратненько, головку...пятьдесят два сантиметра. Записала?

– Да-да, записала.

– Внешних повреждений не наблюдается. А конкретней наши неонатологи скажут, как освободятся.

– Игорь Владимирович, а как записывать – документов никаких нет.

– Как нет? А родовая карта? Сертификат? – он держал малыша, невольно покачивая, пока сёстры нагревали лампу для младенца.

– Ничего не было, – Маша поморщилась. – Ни карты, ни паспорта. Спрашивали фамилию – не говорит.

– В смысле – не говорит? – у Игоря неприятно потяжелело в груди. – Тебя как звать-то? – повернулся он к родившей.

– Наташа, – вяло отозвалась она, прикрывая рукой глаза от яркого света лампы.

– Ну, ты не в первом классе, полностью – фамилию, отчество. Ребёнка как назовёшь, решила?

– Иванова. Иванна.

– Так, ребёнок значит Иванов. Имя придумала ему?

Женщина молча отвернулась. Игорь начал раздражаться. Саша как-то странно на него взглянул и тоже раздражённо начал поторапливать сестёр:

– Я же сказал, восьмёрку, а вы мне шестой даёте! Вы на работе, внимательнее надо быть!

Игорь с мальчиком на руках подошел к матери.

– Так, давай-ка приходи в себя. Миллионы женщин рожают. Всё нормально. Нам тут время дорого, нечего тянуть. Карты у тебя с собой нет. Кто-то привезёт? Иначе нам нужно будет взять у него кровь на ВИЧ, гепатит.

– Берите, делайте, что хотите!

– Приехали! «Что хотите» не можем. Теперь на каждый чих подпись матери нужна. Твой ребёнок – тебе решать.

– Нет у меня ребёнка! – крикнула она внезапно. – Не-ту! Это не мой! Уберите!

На мгновение все замерли. Стало слышно, как жужжит, нагреваясь, ультрафиолетовая лампа над детским столиком.

– Ты чего? Ау, мамаша, ты уже родила! Живой он, всё хорошо! Ты что же, не слышала, как он кричал? Вот, смотри, богатырь твой.

– Уберите. Не хочу. Я его не хочу. Я не буду его брать, – женщина уже не кричала, а говорила громко, отчётливо и пугающе внятно.

– Игорь! – рявкнул Саша.

Игорь растерянно обернулся. Саша кивнул ему в сторону стола и чуть махнул локтем.

– Ничего, мой дорогой, всякое бывает! – приговаривал он, отворачивая всё ещё плачущего младенца, как будто заслоняя от матери. – Устала мамка твоя. Перепугалась небось, пока ты молчал, – он сам бережно укутал мальчика в пелёнку и одеяло. – Но мы-то знаем, что всё у тебя в порядке, успел ты, братец, вовремя задышал. Умница, обойдётся без патологий. У Александр Степаныча руки золотые! – малыш перестал плакать и как-то сосредоточенно начал разглядывать лицо врача. Игорь прекрасно знал, что в первые дни, а то и недели, младенцы не могут различать и понимать увиденное. Но сейчас он был готов поспорить, что этот ребёнок смотрел ему именно в глаза, причём серьёзно смотрел, осознано. – Ух, какой ты! Да, брат, задумайся. С женщинами этими нелегко, попробуй, пойми, что у них в голове! Ну, полежи теперь, погрейся, – он подмигнул малышу. Тот беззвучно шевелил губками. В груди всё также неприятно давило. Когда он направился к Саше, ему показалось, что младенец смотрит ему вслед.

– Что у тебя? Помощь нужна? – он говорил уже негромко и выдержанно.

– Нормально, заканчиваю. Что думаешь, она из этих?

– Из каких?

– Сяких. «Кукушка»?

Игорь не хотел об этом думать, он всё ещё чувствовал в пальцах отзвуки этих долгожданных ударов.

– Да не, просто очередная неженка. Расперезивалась, вот и немного «того» на нервной почве, пока ребёнок молчал.

– Ну да. Вся ухоженная, а документов ни единого. Как специально. Даже карточек кредитных не нашли. Подготовилась. Ты внимательно на неё посмотри.

– Некогда мне тут смотреть. У меня внизу контрактники. Так что если тебе помощь больше не нужна, я пошёл. – Игорь чувствовал, как в груди нарастает тяжесть.

Направляясь к выходу, Игорь мельком ещё раз взглянул на мать. Ничего особенного. Баба, как баба. Ногти покрашены, вроде приличная, на мигрантку или бездомную не похожа. В груди у него уже ныло так, будто сверху поставили мотоцикл. «Да мне-то какая разница. Мое дело – роды принимать, мне чистые мозги нужны, а не философствования!» – разозлился он.

– Игорь! Ты ещё здесь? Подойди! – слышалось сбоку.

– Тьфу-ты, Кузякин, сядет, так не слезет, – пробубнил он себе под нос. – Что там у тебя? Тройня, говорят?

– Да у меня нормально, в третий загляни. Там одна акушерка, мне ещё зашивать, а там уже головка пошла.

В третьем боксе деловитая Марья Михайловна – акушерка с тридцатилетним стажем – уже организовала двух сестёр и готовилась сама принять роды.

– А, прислали! – забухтела она, снимая маску. – Ходят табунами, дел что ли у вас нет других.

– Нет-нет, я так, только если что пойдёт внепланово. Вы же сами справитесь? Или помощь нужна?

– Тридцать лет как-то обходилась. Вон, ей помощь нужна. Успокой девчонку, перепуганная совсем. А здесь уж я разберусь.

Игорь улыбнулся ворчливой акушерке. Она и правда справлялась на «отлично» даже в экстренных ситуациях, ещё и врачей строила, если вдруг кто растеряется. Сейчас ему хотелось чего-то обычного, понятного. Хотелось, чтобы всё шло по плану. Нормальный ребёнок, нормальные роды, нормальная мать.

На столе он увидел пустые метрики.

– Давайте заполню пока. Что писать, Марь Михална?

– Ничего не писать! Партизаны у нас тут.

У Игоря кровь прилила к вискам, тяжесть из груди начала перекачиваться по всему телу, давя то на голову, то на ноги. «Ещё одна. Да что ж за день такой?! Чтобы два отказника за дежурство... Куда этот мир катится?» – он поморщился от штампованной фразы. – «Ну, с этой всё понятно», – он мельком окинул взглядом рожающую. Ей с трудом можно было дать шестнадцать. Удивительно, что решила выносить. Хотя Игорь был уверен, что такие просто затягивают до последнего. Сначала не понимают, что беременны, потом боятся сказать, а потом уже поздно аборт делать. Девушка ныла и причитала.

– Больше не могу, подождите! Совсем не могу!

– Милочка, я-то подожду, а девчонка твоя на свет идёт. Не обратно ж её запихивать?

Игорь всегда удивлялся, с каким юмором и при этом с теплотой и заботой Мария Михайловна общалась с пациентками. За столько лет ей бы давно

уже выгореть. Сама четвертых родила. Обычно его коллеги, особенно женщины, особенно родившие, говорили с роженицами жёстко, подчас резко. Не хватало сил на нежности.

– Ты чего там уселся? – прервала она несвоевременные размышления Игоря. – Помоги человеку, успокой хоть. Или иди в свою операционную. Девчонка в первый раз рожает, молодая какая. Посмотрит на тебя и не захочет больше! – акушерка шуточно погрозила ему пальцем. – Ты давай, милая, соберись. Эти мужики просто не знают, как оно. Только кричать и могут. Нам ещё пару раз поднапрячься, и всё хорошо. Вон уже столик нагрели, ждём твою принцессу.

Игоря всегда успокаивала слаженная работа. В такие моменты он вспоминал, как в детстве отец первый раз показал ему улей, и он никак не мог поверить, что пчёлы сами так всё выстроили, как по линейке. Марья Михайловна умела чётко организовать процесс. Рядом с ней он всегда чувствовал себя нерадивым мальчишкой, которому только и могут доверить смотреть со стороны. Но сейчас ему именно этого и хотелось – стать просто винтиком механизма, чтобы отвлечься от своих унылых мыслей. Он отстранённо смотрел на эту девочку: волосы каштановые, веснушки. На шее крестик на простой верёвочке. Ему и жалко её было, и злился он на таких. Понятно, конечно, что совсем ребёнок. Но если до секса додумалась, то предохраниться тоже могла бы. И ребёнку всю жизнь искалечит, и сама ведь взвоят потом, ночами спать не будет, думая, где теперь её малыш.

Громкий крик пробудил его.

– Умница! Без разрывов! Ты моя хорошая! Ох, красавица у тебя, ты глянь, какая глазастая!

Игорь машинально встал и направился к выходу. Он несколько раз видел, как потом эти девчонки плачут, как мечутся, подписывая отказную. Смотреть на это снова не хотелось.

– Всё нормально? Я пойду?

– Иди-иди. Отлично у нас всё! – Марья Михайловна обтирала звонко кричащего младенца.

Выйдя из бокса, он мельком заметил, как акушерка кладёт ребёнка на живот матери... Матери... как они так: девять месяцев ходят и знают, что отдадут? А мужики-то их – тоже странные. Это ж твоя кровь, как ты её отдать можешь кому? Ничего ж не может быть в этой жизни настолько твоим, как ребёнок, инстинкт самца должен срабатывать. Никакой закон или обман не сможет сделать его *не* твоим: природа сильнее, как бы дальше не пошло, но ты дал ему жизнь... Игорь не считал себя религиозным. Да и о Боге вспоминал обычно только в самолёте, когда трясло. Но, размышляя об отказниках, он был уверен, что так нельзя. И не важно, почему. Просто нельзя, и всё.

Он спустился в платное отделение. Хотелось пить и выпить. Ещё хотелось в душ, смыть впечатления. Возле кабинета нетерпеливо расхаживал здоровяк. Его жена сидела, обмахиваясь журналом.

– Проходите! – буркнул Игорь. – Прошу прощения, вызвали. – Он совсем не был расположен к лишним разговорам и хотел пресечь излишнюю болтливость, свойственную беременным.

– Так... значит УЗИ. Ложитесь. А вы берите стул, пододвигайте к монитору.

На экране замелькали привычные очертания. Всё выглядело нормальным. Хоть здесь можно не дёргаться. Он на автомате высчитывал замеры, заносил в карту, а в пальцах всё ещё ощущал робкие удары.

– Что-то не так?! С ней всё в порядке? Она в последнее время стала очень мало толкаться! – женщина с испугом переводила взгляд с молчащего врача на озадаченного мужа, не имея возможности заглянуть в монитор.

– Растёт, вот и меньше места остаётся, чтобы шевелиться. Всё в норме. Я отклонений не вижу. По срокам тридцать восемь недель.

– А лежит нормально? Нет показаний к кесареву?

– Если бы были, я бы сказал.

– Уф, слава Богу! Я просто испугалась, мало ли что! – она умиротворённо улыбалась мужу, удивлённо вглядывавшемуся в шевелящиеся на экране тени.

– Меньше себя накручивайте, и ребёнку спокойнее будет. – Игорь вдруг почувствовал какую-то странную тоску. Он смотрел на эту пару и представлял, с какой любовью они будут держать новорожденного, как этот «шкаф» всё же заплачет, перерезая пуповину, как целая делегация будет встречать её у дверей на выписку с шариками, надписями на асфальте, наклейками на машине. А для другого такого же крохотного человека первая встреча с родной матерью останется единственной. И забирать его будут дежурные сёстры дома малютки. А его мать скорей всего уже сегодня под расписку уйдёт через запасной выход, не выдержит после нескольких часов в палате с другими женщинами, не спускающими с рук своих малышей.

Пациентка что-то говорила, он машинально кивал в ответ для приличия ещё несколько минут, пока совсем не выдохся.

– Как схватки начнутся, берите такси и сюда. Обычная «скорая» не станет вас спрашивать, в какой роддом.

- А если не начнутся?
- Да куда они денутся. Кто там у тебя – мальчик?
- Девочка! – с нежной улыбкой выдохнула она.
- Ну, девочки могут лениться. Тогда через две недели будем стимулировать. Только предварительно позвоните, договоримся. Всего вам хорошего, меня ждут в родовом.

Закрыв кабинет, он зашагал в сторону выхода. Уже два года как не курил, но сейчас очень надеялся угоститься хоть одной сигареткой.

- Вот видишь, всё хорошо, а ты переживала, – здоровяк обнял свою жену и поцеловал в макушку. – Только ты уверена, что хочешь рожать *у этого*? Какой-то он неприятный.

- Да вроде уже решили. Не знаю, может просто занятой очень...

- Уж мог бы запомнить, что у нас девочка или хоть в карте подглядеть или на экране своём, раз такой занятой. Он за это деньги получает.

- Ты не заводись. Главное, чтобы не грубый, чтоб во время родов не прикрикивал, а то я ещё расплачусь.

- Ещё чего! Я рядом буду, я на него сам прикрикну, если надо. Идём. Мороженого хочешь?

- Давай! Лимонного.

Игорь не спеша подошёл к турникету на входе. Охранник поделился с ним «Явой». Дрянь редкостная, но стало полегче.

- Это вы Игорь Владимирович? – окликнули сбoku. Доктор устало обернулся. Лопухий паренёк лет шестнадцати растеряно теребил пакет из соседнего супермаркета.

- Слушаю вас. Только я очень тороплюсь.

– А я вас везде ищущу! Я на минутку! Вот! – парень протянул пакет. Спасибо вам!

– Это что? – Игорь озадаченно взглянул на пакет, потом на его дарителя. Волосы растрёпанные, лицо неумытое, рубашка в пятнах пота, как у него бывает после дежурства.

– Это вам. Ну и тем, кто там ещё был. В магазине только это было. А мы потом уж отблагодарим нормально.

– За что? Вы, собственно, кто?

– За жену! То есть за ребёнка! За дочку! – парень широко улыбнулся. Игорь скептически окинул взглядом собеседника ещё раз. Обручальное кольцо у того, и правда, имелось.

– Мне сказали, принимали вы и акушерка Марина... забыл отчество. Это вам чая попить. Что успел. Я ведь как ночью с ней приехал, так всё боялся отойти. Думал, это у них быстро.

– У нас нет Марин. Вы ничего не путаете на радостях? Спасибо, конечно, но мне, видимо, стоит это кому-то передать. Я роды сегодня ещё не принимал.

– Как же? – озадачился парень. А мне сказали... Жена моя – Светка. Маленькая такая, с веснушками, волосы тёмные. Час назад родила! Дочку! Мы ещё не назвали: она переживала очень, сказала, что имя выбирать будем только после того, как родит. Первая у нас. Во, вспомнил: Михална. Марина Михална – акушерка.

У Игоря в голове складывалась картинка, но вид паренька не внушал доверия.

– Мария Михайловна принимала... Это сколько же вам лет?

– Девятнадцать! Обоим! – засиял лопухий. – Мы со школы вместе. Сразу поженились и это... Доча теперь! Спасибо вам!

– Да мне особо не за что. Основную работу делают женщины, мы лишь страхуем. Не рановато ли вы решились?

– Не, мы много детей хотим, пока молодые! – парень почему-то похлопал себя по голове, как будто там находился источник молодости. – Короче, я побежал – Светка сказала в церковь зайти, поблагодарить, что всё хорошо. У неё ведь всё хорошо там? У них, то есть.

– Да, всё в порядке, насколько мне известно.

– Спасибо вам! До свиданья! – парень впихнул Игорю в руку измятый пакет и побежал к калитке.

Игорь рассеянно смотрел ему вслед. Потом взглянул в пакет: «Тортик и конфеты. Девчонки будут рады. Смешной какой – папаша... В груди стало легче. «Много хотим», – Игорь хмыкнул, вспоминая растрёпанный вид паренька. Хорошо, если так. Посмотрим, что ты через год скажешь.

В родовом уже ощущались сумерки. Каждое время дня здесь сопровождалось своим ритмом работы. Под вечер рожают больше. Счастливых измученных женщин с закутанными конвертами у груди вывозили на каталках. Звуки отделения превращались для него в шум единого механизма. Работа была отлажена, как в муравейнике: хотя внешне могло показаться, что персонал двигается хаотически, бездумно перебегая из угла в угол.

– Какой бокс рожает?

– Пятый!

– А почему орёт третий?

– Обезболивающее ждёт! Анестезиолог в первом – отойти не может, там кесарево с астмой, побочки на наркоз боятся.

– Пошли Валу в третий, обезболит своей болтовнёй.

Игорь пару минут наблюдал за своим «муравейником», пытаясь отключиться от эмоций и настроиться на рабочий лад. В конце коридора стояла странная парочка: мужчина и женщина в бахилах и наспех накинутых одноразовых халатах. Женщина беззвучно плакала, приложив ко рту бумажный платок. Мужчина что-то ей говорил, то как будто злясь, то пытаясь приобнять.

Игорь двинулся к ним. Явно не комиссия и не интерны. Не роженица. Родственники. Плачет – что-то случилось. Но почему сюда пустили? Если рожают в VIP-боксе, то сопровождающие находятся внутри – санитарные нормы. В случае осложнений должны проводить из отделения. Другим женщинам вовсе ни к чему переживать за чужие беды: им всем рожать в ближайшие сутки, и так перепуганы собственными схватками.

– Вы к кому? – начал он нарочито жёстко, как будто именно эти двое были виноваты в его сегодняшних наплывах сентиментальности.

– Мы из шестого блока. У нас контракт, подписано вашим главным, – мужчина говорил выдержанно, но, видимо, из последних сил. Казалось, сейчас сорвётся на крик или плач. Женщина не поднимала глаз.

– Родственники? Почему не внутри? – он осёкся, понимая некорректность вопроса. Шестой блок как раз VIP. Раз вышли, значит там плохо. Теперь в лучшем случае женщина окончательно расплачется, в худшем – начнут рассказывать, что произошло, а то и истерить на весь коридор.

– У нас тут беременные, со схватками, обстановка нервная. Давайте я вас провожу в холл. Там кулер с водой, автомат с кофе, передохнёте, – ему совсем не хотелось знать, что произошло.

– Спасибо, – мужчина поднялся, поддерживая жену под локоть. – Идём, посидим, всё будет хорошо.

Игорь довёл их до выхода. Мужчина поблагодарил кивком. Возвращаясь в отделение, Игорь в очередной раз за сегодняшний день пытался перекрыть доступ к своим чувствам, мешавшим работать. Хотя бы на ближайшие три часа. Ему необходим трезвый рассудок и уверенные руки.

Постепенно работа пошла ровнее. Он помог Кузьякину, принял ещё двое родов, ассистировал при кесарева, заглянул на вечерний обход в детскую реанимацию. Напряжённый день съёживался под натиском густых августовских сумерек. Там снаружи они уже заволакивали небо, проникая во все закоулки. И только здесь, просачиваясь сквозь распахнутые окна, вступали в неравную схватку с ярким больничным светом.

Поток рожающих временно прекратился. Следующий наплыв обычно наблюдался к трём часам ночи. Обычно это были те, кто чувствовали первые схватки ещё с вечера, но думали, что обойдётся. А потом посреди ночи просыпались с уже отошедшими водами. Привозили их быстро, хотя некоторые успевали родить в «скорой» или в приёмном внизу.

Но всё это позже. К тому времени Игорь будет спать дома под мерное жужжание телевизора. А пока отделение затихает, чистится, приходит в себя. Санитарки неспешно шелестят пакетами, сёстры загружают боксы лекарствами, врачи засели за карты. Любимое время дежурства. Обычно в такие минуты ему приятно было пройтись по палатам, поговорить с новоиспечёнными мамками, заглянуть в детское отделение. Там, в детском, он особенно остро ощущал свою причастность к этому священному действию природы. В своё дежурство он

чувствовал себя первым крестным отцом всех этих малышей. Если Бог есть, он где-то наверху – над всеми людьми. Тогда он, Игорь, вот здесь, на земле, на своём участке, как маленький бог. Именно родов. Именно сегодня.

В ординаторской, обложившись бумагами, Саша накручивал на пластиковую ложку заварную лапшу.

– М-мм, жаходи. Чай шкыпэл вон, – прокартавил он с набитым ртом, кивая в сторону бурлящего чайника.

– Спасибо, гурман ты наш. Камышев с язвой, и ты за ним собрался? – Игорь плеснул кипятка и плюхнулся на диван напротив Саши. – Печенье, что ль, дай?

– Вон тортик бери, Марь Михална угостила. Наш любимый – с ромом. – Саша пытался поймать соскальзывающую макаронину. – Тьфу ты, идиоты, хоть бы вилку положили... Эта-то, все-таки ку-ку.

– Чего? – Игорь не понял, о чём идёт речь.

– «Кукушка», говорю, наша, отказную написала, зараза.

Игорь с раздражением подумал, что лучше бы и не заходил. За вечерней работой он отключился от воспоминаний об отказниках. А теперь в пальцах снова ощутил те слабые удары маленького сердца. Он постарался вспомнить наставления их профессора по этике. О праве выбора женщины, о жизненных препонах, о которых врач может и не догадываться, о том, что лучше не родная, но любящая, чем родная, но не готовая к своей миссии... Игорь взглянул на торт и вспомнил смешного молодого папашу. В душе что-то смягчилось. Ему захотелось и эту женщину простить, найти ей оправдание.

– Может, некуда ей взять его. Хорошо хоть родила, а не убила в утробе.

– Да кто знает, может пыталась, вот он у нас едва живой и вылез. Карты-то нет. Я ж говорил, специально без документов, чтобы мы её в отчётности зафиксировать не смогли. Хитрая.

– Да кто знает, чего у неё в жизни было. А тройное обвитие у любой бывает, сам знаешь. Может у неё мужик урод, не примет, а она любит его до безумия. Может у неё рак или Альцгеймер, вот она и не хочет, чтобы ребёнок потом по ней тосковал. А может её вообще изнасиловали.

– Давно это ты, Игорь Владимирович, в сказочники заделался? Сам-то хоть веришь в свои бредни?

– Да просто денёк сегодня тот ещё, – Игорь смутился, что Саша уличил его в сентиментальности.

– А про странности. У Кузякина-то сегодня VIP-шники что отчудили! Там суррогатная мать, эти ей все по высшему разряду оплатили, нарядились, все роды там торчали, на камеру снимали. А она родила, а отдавать отказалась!

– В смысле? – Игорь не успевал переваривать все этапы истории.

– Без смысла! На руки взяла и как заревёт, мол, не отдам, он мой, не могу. У Кузякина первый раз такое. Он их выставил, пытался с ней поговорить, а они и сами давай реветь.

– Я видел их, – Игорь представил себя на месте Кузякина – стал бы он вмешиваться, уговаривать... – Вот и не поймёшь, кому из них сочувствовать. Они, наверное, бесплодные... А получается, по закону ребёнок их, если яйцеклетку ей пересаживали?

– Да нет у нас никаких законов, ты где живёшь?! Она выносила, ей решать. Хоть пятьсот контрактов подпишет, за ней последнее слово. А вот ей точно взять некуда. Девчонки сказали, у неё своих трое, мужа в пьяной драке убили год назад. Решила за-

работать, чтобы детей поднять. Не заработала! Они теперь, наверное, и деньги за роды потребуют вернуть и за беременность. С чего она отдавать будет. Но вцепилась – ни в какую.

Игорь медленно переваривал услышанное... У него ни разу не было родов с суррогатными, и он слабо представлял как это бывает. Сразу ли отдают родителям или выкладывают на живот. Или к груди прикладывают. Дают ли попрощаться или поскорей уносят... Он представил эту женщину, сидящую там, в навороченной палате с малышом, которого она носила, зная, что отдаст. И вот – не смогла. Держит его и плачет. Думала, сможет, но природа взяла своё. И как она вместо денег принесёт домой ещё одного голодного птенца. И как она дальше с ними будет...

– А эти какие-то крутые, с главным всё напрямую решали, фамилии зашифрованы, чтобы никто не узнал потом. Понакупили уже всего, всю палату заставили и игрушками, и люльками, одежками. Не знаю, уехали или сидят ждут, вдруг передумает...

– Вот не позавидуешь! Слушай, а там кто у них родился?

– Да, вроде, пацан. Да кто б ни был, им от этого не легче.

– Может им этого предложить? «Кукушонка» твоего?

– М-мм, ну предложи, и чего? Они своего ребёнка ждали. Суррогатная, это ж биоматериал их!

– А я тупой такой, не знаю. Но я ведь вот про что: если они так хотели ребёнка, может, возьмут? Такие крутые, наверняка всем близким растрезвонили, может она даже фальшивый живот носила, чтобы не догадались. Как им возвращаться без ребёнка. А тут в тот же день, в том же роддоме, как будто знак, понимаешь? Да и мать эта, мы с тобой подтвердим,

вполне нормальная, на наркоманку или сумасшедшую не похожа, младенец без патологий...

Саша нахмурился:

– Чудес, что ли, захотелось? Так это ты, Игорёк, не в том месте работаешь. Ты бы в фокусники пошёл, пусть тебя научат.

– Да ну тебя, – Игорь хотел разозлиться, но почему-то расстроился. Чудес, и правда, хотелось. Настолько, что комок подкатил.

– Может тебе выпить?

– Может. Ты налей, а я пойду всё-таки попробую с ними поговорить. Я быстро.

Саша сочувственно проводил приятеля взглядом.

– И заявление на отпуск заодно напиши, а то совсем чудить начал! – он достал из ящика потёртую флягу, две крохотные рюмки и аккуратно расставил на столе.

Если б не дождь...

В апрельский дождливый вечер за кухонным столом в квартире хирурга Виктора Жильцова сидели четверо: сам хозяин – тридцатилетний, плотный, рыжеволосый, его жена Ирина – красивая, полноватая, не улыбкающая, в модных очках, их сын Костик – четырехлетний голубоглазый непоседа и Антон – юноша лет 20–23, практикант университета – круглолицый, розовощёкий, в очках. Над взрослыми нависло молчание. Они были серьёзны, как будто озадачены тяжёлым, неразрешимым делом и каждому тотчас предстояло сказать своё слово определённо и веско. Лишь сынишка крутился, елозил, шалил, как и подобает детям, свободным от детсадовского порядка. И мать время от времени едва трогала красивыми музыкальными пальцами его плечо, полухмурила брови, шептала яркими губами, успокаивая.

Виктор торопливо разливал вино по бокалам, как будто стремился покончить с проходным, не важным и приступить к чему-то главному, занимающему всего его. Стекло глухо

**ВЛАДИМИР
ПЕТРОВ**

Проза

звякало, твёрдое лицо с ухоженной бородкой было в красных пятнах, он недобро покусывал угол нижней губы, метал жесткий взгляд от жены к гостю, от гостя к жене и обратно, словно бы ждал с их стороны какого-то совместного действия, готовый выказать немедленную и полную агрессию. Наконец резко чиркнув ножками стула о пол, отчего Ирина вздрогнула, а студент отшатнулся к спинке, Виктор занял своё место.

– Ну, за знакомство, бр-р-р!.. – он передёрнул торсом. – Да и согреться не мешало бы, – договорил он и, не чокаясь и не глядя ни на кого, быстро влил в себя красное вино.

Ирина не сводила глаз с мужа, вернее, с его рук, привыкших мять, долбить, резать, сшивать, с живыми, но твёрдыми, как у робота, пальцами, отдающими больницей. Она знала их силу – обнимал Виктор всегда крепко и нежно. «Когда же, когда же, – думала она, – он проявит себя и сделает то, что задумал». Больно кольнуло сердце, точно она вспомнила нечто далёкое и ценное, но ушедшее. И стало жаль себя. Опять, как в минуты хандры, всплыла так и не сбывшаяся мечта – карьера пианистки; пахнули, одурманили запах сцены, шум концертного зала, овации, цветы, поклонники, гастрологи... Да, всё будто за серой пеленой. Слеза нависла на изогнутой реснице, длинные пальцы потеплели, как перед важной игрой, Ирина готова была кинуться к пианино. Ах, как давно с ней этого не случалось!.. Брови её дрогнули, слеза сорвалась, капнула на салфетку, и она сцепила тонкие кисти рук.

– Значит, говоришь, практикант? – низким голосом спросил Виктор.

– Да... – вытолкнул из себя Антон.

– И долго, спрашиваю, эта практика у тебя? – Виктор прищурил глаза, они металлически блеснули.

– Два месяца...

– А что потом?

– Диплом.

– Ясно, – он выщелкнул сигарету из пачки, но не зажёл, а лишь помял её пальцами. – В школу ты, конечно, не пойдёшь. Зачем тебе, вот как Ирина Петровна, тратьте нервы с непослушными детьми, воспитывать, учить?

– У меня другое призвание... Буду переводчиком: работа в посольстве или консульстве.

– А-а ... Ну давай, давай... – Виктор, точно раздумывая, поднес белый длинный цилиндрик ко рту, вложил в губы.

На некоторое время замолчали. И Костик притих, низко осев на стуле и болтая ногами. Ирина опасливо и нервно следила за волосатыми пятипалыми рычагами мужа. Она не могла знать, что предпримет Виктор, она как будто втянулась в странную игру, от которой было не по себе, подобно картёжнику, сделавшему последнюю ставку и надевавшемуся на фарт, на удачу, но блефующему. Полчаса назад Виктор догнал их с Антоном, шедших плечом к плечу под зонтом. Подумалось, что он тотчас бросится всей резко дышащей, злой тушей на парня в бежевом пижонистом плаще, безжалостно и холодно собьёт с ног. Однако вышло странно, наоборот: муж глухо спросил: кто это? И, получив объяснение: мол, у Антона обнаружился зонт и он любезно согласился проводить, поразил тем, что под предлогом обсушиться и переждать непогоду почти силой затащил их в дом. Ирина, держа в поле зрения Виктора, поднималась в квартиру между мужчинами и затем усадила за стол так, чтобы Антон оказался напротив мужа, а не рядом. Конечно,

она допустила оплошность, позволив Антону идти до подъезда. «Но ведь когда-то это должно было случиться...» Вспомнились необычные – то жалкие, то злые – глаза Виктора тем поздним вечером двухнедельной давности. Он был сильно выпивши, чего раньше не случалось, и вновь заговорил о её задержках с работы, о воскресных отлучках, о долгих с паузами телефонных беседах, требуя признаться: есть ли кто у неё. Но чем настойчивее и горячее был муж, тем яснее она видела слабость крепкого человека, тем злораднее про себя смеялась над его нелепым видом, тем меньше слышала его и сильнее противилась напору, словно бы пружина, которую чем крепче сжимаешь, тем мощнее её отдача. А он всё клонил и клонил тяжёлую голову, будто изготовился принять удар, и голос слабел и слабел. Плечистое большое существо, точно смятое, потерявшее остов, казалось, вот-вот рухнет к её ногам. А Ирина, напротив, распрямилась, не ощущая веса тела, точно воспарила легко и свободно, и насмешливо ответила, что подозрения глупы и унижительны, что он ошибается и всё это не более чем игра воображения. Выбрасывая каждое слово громко и чётко, сузив глаза, она у самого его носа описала небрежной кистью круг, будто нарочно дразня, и легонько, маняще, даже как-то вульгарно изогнулась. Виктор перехватил руку и дёрнул так, что она упала на колени. И последняя толика сомнения в том, права или нет, принимая ухаживания Антона, исчезла сама собой, как в детстве страх перед молнией и громом, едва стихала гроза. С того вечера Ирина спала в комнате Костика и запретила мужу встречать её.

– Антон помогает во внеклассной работе, – вымолвила она.

– Да? И справляется?

– Это входит в обязанности практиканта... – Её не удивила ирония – Виктор часто разговаривал с ней только так, но по-дружески, не преминув трунить и над собой, а удивило спокойствие мужа. Известно, что самые опасные как раз мирные на вид звери – они нападают мгновенно, когда не ждёшь. И Ирина напряглась, не зная, поверил или нет муж, что студент случайный провожатый, а Виктор отложил вилку.

– Я сейчас, – проговорил он и встал из-за стола.

И отправился в спальню, и принялся отжиматься от пола так яростно, будто замыслил подобным способом излить из себя, выплеснуть скопившуюся недобрую энергию. Этому приёму научил старый зав.отделением Яков Рубинчик, дабы перед операцией разогреть тело, взбить пульс и дыхание, очистить мозг, притупить чувства и ощутить себя с инструментом единым целым. Через несколько минут уверенно и спокойно, танцующей поступью, немужской, по понятиям жены, он прошагал обратно, будто к рабочему столу, и одна мысль – как далеко зашло увлечение Ирины этим молокососомочкариком – владела им. Да, он не поддастся спешке, суете, горячке, точно юнец, он рассчитается с противником по-мужски, не здесь и не сейчас, а после – коротко и весомо, точно всадит в него последний нокаутирующий удар. Он уже слышал его внутри себя.

– Теперь за здоровье всех близких, – проговорил Виктор, наполняя бокалы. – Врачи всегда пьют за здоровье других – меньше работы...

И по-прежнему, не глядя по сторонам, опрокинул в себя вино и налёг на еду. Гость же, розовощёкий и мрачный, почти не касался закусок. Ему было плохо, как в детстве, когда дразнили мяскокомбинатом, жирняком, скотобазой и лупили, не

опасаясь сдачи. То, что он влюбился, стало ясно после учительской вечеринки. Было весело, жарко, тесно, вино ударило в голову. Ирина Петровна пригласила на белый танец, потом они танцевали ещё и ещё. Как музработник она пела, разыгрывала сценки, то есть была в центре праздника, и брала его руку своей горячей, почти детской кистью, и в танце так близко несла полную грудь, так маняще касалась его щек душистыми волосами, так призывно смеялась, запрокидывая дивную головку, что он боялся потерять сознание. Антон был одурманен запахом её тела и каберне, подле неё не то говорил, не то делал: пролил вино, уронил кусок торта, ошибся в пустяковой викторине, запачкал костюм и по большей части молчал, подобно новичку в компании. А если она танцевала с учителем физкультуры – коротышкой с «глазками ловеласа, военруком или «англичанином» – высоким и сильным, который словно нёс в воздухе и шептал что-то ей прямо в маленькое ушко, Антон краснел и уже ревновал. После вечера он проводил Ирину Петровну домой. И они стали встречаться, уезжая в другой район города, где их никто не знал, или на окраину, к лесу. Тайные свидания, после которых долго не мог уснуть, щекотали нервы, и сердце трепетало оттого, что им увлечена женщина старше по возрасту и опытнее. Вскоре стало ясно – близится желанный и пугающий миг. И вчера на диване в её музыкантской они почти сделали последний шаг к этому сладкому мигу ...

Антон протёр очки обычным движением, близоруко глядя на вогнутые стёкла, платком снял капли пота со лба, с верхней пухлой губы, с шеи. Он видел перед собой человека с рыжими курчавыми волосами на голове, на груди, на сильных руках, видел бугристые кулачищи, чувствовал недобрый

взгляд. И всё кругом показалось холодным, чужим, неприветливым: мебель светлых тонов, посуда, семейное фото, балованный ребёнок, злой и большой, как медведь, детина, готовый, верно, уничтожить его, не любящего спорт, никогда не дравшегося, не курившего, обходящего дискотеки и ночные клубы. И противный ознобчик – признак чрезвычайного волнения – был тут как тут, и точно в болезни, жар лишал сил. Антон жадно допил вино, памятуя, что оно глушит боль. А рыжий ухватил лапой бутылку, разлил остаток по бокалам. И снова прямо и холодно глянул на него через поле стола.

– Третий тост в нашем доме за любовь и ветер в голове... Правда, Ириша? – низким голосом проговорил Виктор и по-прежнему, не чокаясь ни с кем, выпил. И продолжил, овладев и голосом и интонацией. – Ты, ясно, парень, полюбишь милую студенточку, если уже не полюбил. Говорят, самые красивые девочки в твоём вузе. Так?.. – Антон пожал круглыми плечами. – И вы поженитесь, вот как мы. Были бы родители не против. Ты с ними живёшь? – Парень кивнул. – Ну вот, – продолжил Виктор. – А нам не требовалось ничего согласия – решали сами... И свадьбу студенческую сыграли что надо!.. А до этого – турпоходы, самодеятельность, поездки с шефскими концертами, свидания, поцелуи, ночные гуляния... Случалось, не успевали до отбоя, тогда или хитрялись по пожарной лестнице возвращаться, или бродили до утра под окнами то её, то моей общаги. И расходились: Риша, то есть Ирина Петровна к себе, а я – она звала меня Тюшей – к себе. В общем, было романтично!

Нервозность Жильцова испарилась, мозг работал спокойно и чётко; зигзаг судьбы, факт биографии, как межой разделил ту, до ссоры, и эту, теперешнюю жизнь. Случившееся высветилось перед

ним, будто на рентгеновском снимке. Причина его несчастья сидела напротив в образе грузного розовощёкого, с пухлыми губами, в сильных очках увальня; он сидел прямо, точно пришпиленный кнопками к спинке стула, при галстукке, каких Виктор отродясь не носил; сидел, потупив взгляд. Сегодня Виктор нарушил запрет и поспешил с зонтом встречать жену, ибо зарядил дождь.

Два раза он пробежал путь от дома до школы, обследуя проулки и тупики, магазины, парикмахерские и аптеки – Иры не было нигде. И с каждым шагом, с каждой минутой этого нервного поиска, смахивающего на погоню, ссора с Ириной тяжеле-ла, как ноша за спиной. А когда, не замечая луж, вздёрнутый до предела и всё же с тощей надеждой, что обманывается, что не мужчина стоит за всем этим, свернул к своему дому, то осто-лбенел: неторопливо, как на прогулке, под ручку с незнакомцем в модном плаще с зонтом шла его Ирина. Запрыгали перед глазами деревья, окна домов, фонарные столбы. Какая-то сила погнала кровь к голове и мощно ударила в виски. Его будто кто толкнул в спину, дорожка устремилась назад, он побежал, сцепив зубы, и настиг их у подъезда...

Сказав тост, Виктор легко коснулся шеи жены у самой ключицы. Этот жест был ей знаком и любим, как тайный знак близости и желания. Ирина не отстранилась, но зарделась. «Что это я? Неужели он смирился или месть всего-то откладывается?» И она чуть было не потянула руку в ответном движении. А гость покраснел, потупил взор. Только сейчас Антону пришло в голову, что строя планы жизни с Ириной, улетая воображением в сказочные замки и радуясь, забыл о маме и об отце. А они, вне сомнения, будут резко против, в особенности мама – человек властный и крутой. И понимал, что никогда

не пойдёт против её воли, а значит... Он не знал, что делать и что будет дальше... И стало обидно до слёз, как в детстве, когда, окончив рисунок, нечаянно заливал лист краской. Антон неуклюже повернулся на стуле, то ли желая покинуть стол, то ли сменить позу, и помрачнел. А Виктор легко встал, размял рыжие пальцы, вышел и через минуту вернулся с картами, подрагивая выпуклыми коленями и напевая что-то себе под нос.

– У нас обряд, молодой человек, за ужином играем во что-нибудь. Не будем отступать, начнём с карт, в подкидного, – сказал он громко.

Они сыграли три кона, и во всех парень остался в дураках. Костик залиvisto рассмеялся, а Ирина выдавила скупую улыбку. Она старалась подыграть Антону, но напрасно – Виктор умно вёл каждую партию. Затем сыграли в «Балду», в слова, в города. И снова Антон оказывался последним. Виктор поглаживал бородку, глаза его смеялись. Последовали шашки – пара на пару: Антон с Ириной против Виктора и Костика. И мужчины одолели быстро и легко.

– Не огорчайся, – успокоил Виктор Антона. – Ты видишь позицию на ход-два вперёд, увы, как дилетант, а я на три-четыре. Вот и вся разница. К тридцати годам и ты будешь играть так же. А может, в шахматешки?

– Я не очень, – ответил Антон глухо.

– Ясно. А давай на руках потягаемся, только, чур, я левой. Извини, у меня правая рабочая, а завтра операция – не могу... Ириш, скомандуй.

Ирина свела брови, закусила красную губу. Виктор был левшой, и в больнице даже ходила поговорка: как операция у Жильцова, то всё в ажуре – одной левой. А значит, у парня, как у плети против обуха, шансов нет. Мужчины сцепились кистями и

по хлопку Ирины начали. Виктор чуть поддался, а затем без труда с насмешкой в серых глазах уложил белую руку парня на стол.

– Ладно, идём в зал. Фотки покажу, – сказал Виктор, вставая.

Поднимаясь, Антон как-то развязно положил свою пухлую руку на кисть Ирины. Она быстро убрала её, а Виктор сделал вид, что не заметил. Студент, покачиваясь, тронулся за ним. И, опираясь кулаками, опустился на диван грузно и глубоко. Виктор достал из шифоньера альбом, Костик примостился рядом, сунув голову под его руку – он так любил. Ирина присела за ним.

– Это у нас хобби. Всегда снимаемся, где бы ни были, а позже вспоминаем, где и когда. Интересно. А кто твои родители?..

Парень ответил, что профессора университета. Виктор хмыкнул.

– Значит, идёшь по проторённой дорожке. Династия, так сказать. А чем увлекаешься: спорт, музыка, коллекционирование?

Антон ответил, что немного рисует, что очень любит читать, нажимает на языки, а спорт и музыка его не волнуют, ибо считает пустой тратой времени; что ждёт его карьера переводчика за границей, что уже побывал там и понравилось, да и материально, не то, что в этой стране.

– Не уважаю тех, кто так говорит, как иностранец. Если там лучше, какого чёрта жить здесь, учиться здесь? – повисла немая пауза, точно кто-то выговорился неприятно и ушёл, хлопнув дверью. Затем Виктор продолжил. – Напрасно ты шахматинки не уважаешь. Пригодится... Интеллект развивает, правда, если есть что развивать... – Он усмехнулся. – Чему вас только в вузах учат? Скучно ты, вижу, живёшь. Впрочем, как говорят, по-

моему, немцы: «каждому своё» едем дас... дас...
А, чёрт!..

- Едем дас зайн! – сказал, прокашлявшись, Антон.
- Вот-вот... дас зайн...

- Напротив, мне интересно учиться: перевожу статьи из научных журналов, книги, лазаю в Интернет, читаю зарубежные газеты, знаю все политические, деловые, светские новости.

Ирина поднялась с места. Костик прилип к ней, что-то выпрашивая, а она отмахивалась и продолжала следить за мужем. Смущал его миролюбивый тон, она старалась уловить подвох, но Виктор, по всему, был искренен. «Значит, месть откладывается», – решила она.

- А вот, гляди, это мы в городском оркестре, где с Ришей и познакомились, – продолжил Виктор. – На обратной дороге с сельского концерта в автобусе было темно – чего лучше, нас бросало туда-сюда, пели, хохотали, дурачились, путали места, и я клонился и клонился к соседке-пианистке, пока не поцеловались... Между прочим, отбил Иришу у известного сердцеда – саксофониста Валерки. Правда, он мелок ростом – как ты, но силён, аки чёрт! Так же, Риш?.. Да сядь вот сюда, рядом с практикантом.

Виктор продолжал листать альбом, объясняя каждый снимок. А Ирина вдруг почуяла запах цветущей сирени, когда весной у реки сидели на берегу и целовались... Она прикрыла глаза и отодвинулась к краю. Частенько здесь они смотрели фотографии, вспоминали, смеялись и, как в студенчестве, жарили картошку на сале, пили сухое вино и говорили, говорили, говорили. И день свадьбы каждый год отмечали так же, и любили друг друга на этом диване страстно и жарко, как в первые дни

замужества... Одну фотокарточку Ирина выхватила и спрятала за спину.

– Аа-а... – протянул Виктор. – Это в день рождения Ириши, первого после нашей свадьбы. Она, прости, неглиже. А здесь на море, прошлым летом, в Анапе. Ты помнишь, Ириш?..

Да, конечно, она никогда не забудет этого, ибо чуть не утонула. И чего её, плохо держащуюся на воде, понесло к буйку, она не помнила, а помнила лишь отчаянное лицо мужа, словно бы торпеда, летевшего по воде к ней... Выпал старенький конвертик, Костик поднял его, сказав, что это письма родителей друг к другу, и протянул маме. Ирина бережно вложила его назад.

– Здесь Ирина на репетиции с консерваторским оркестром. А ты, юноша, играешь на чём-нибудь: на гитаре, её студенты любят, или на пианино? – Парень отрицательно мотнул головой. – Жаль... Ах, да, у тебя же призвание... А то мы бы сейчас такой джаз забацали. – Он снял гитару со стены. – Ириш, твой любимый...

Виктор начал петь романс «Отцвели уж давно...» привычно неторопливо и с чувством, а дальше – нежнее и тише, почти шепотом. Голос его дрожал, но был мягок и красив.

– Обычно мы поём вместе, – сказал Виктор, закончив куплет. – У Ирины Петровны чудный тембр. А когда садится ещё и за фоно, так это, надо заметить, нечто! Надеюсь, слышал?

Антон вяло кивнул. А Ирина погрустнела. Знакомая мелодия ещё звучала в ней, блестящие струны будто бы ещё дрожали и звали петь. И подругому вдруг увиделась жизнь. И пусть не стала большим музыкантом, как мечтала, – таланта ли не хватило, упорства, трудолюбия или ещё чего – пусть. Зато с ней, как её кожа, сердце, душа, музы-

ка, школа и дом, милое гнёздышко, и Костик, и... Всегда при словах «Но любовь всё живёт...» она целовала мужа. Но сейчас между ними сидел этот рыхлый, будто старик, парень и тупо глядел в пол. Ирина вспомнила студенчество, общежития, потом мытарства по съёмным квартирам, наконец долгожданный ордер на собственное жильё, которое она с таким желанием обустроивала. «Могу ли я расстаться со всем этим? – подумала она. – Готова ли? И зачем? Почему?» Ирина обвела взглядом просторную комнату с красивой мебелью и блестящими светлыми обоями, отодвинулась в угол дивана, и тепло нежной волной прилилось к сердцу...

– Стоп! – громко сказал Виктор. – У нас же заправка имеется – ноль пять бальзама! Ириш, неси-ка рюмки.

– Может, достаточно? – несмело возразила она.

Но Виктор уже выудил из бара круглое тельце с узким горлышком, откупорил и наполнил рюмки. Мужчины выпили, а она едва пригубила. Виктор налил по второй. И снова опорожнили стопочки. Антон механически повторял действия старшего, лицо его ещё гуще залилось краской, нижняя губа отвисла, глаза смотрели тупо-мутно.

– А ну не раскисай, студент... Я играю вальс, а ты пригласи даму...

– Я вальс не умею...

– Да... – протянул Виктор. – Я так и думал... Тогда остаётся пить.

Антон откинулся на диван, осоловел; он чмокал мокрыми губами, утирался часто платком, шумно вбирая в себя воздух. Ирина нахмурилась – она терпеть не могла пьяных.

– Я не хочу... Кажется, ему пора, – проговорила она. – Уже поздно, да и дождя не слышно.

– Тогда мы одни.

– Думаю, и вам хватит...

– Нет, Ириша, позволь не согласиться, мужики должны решать сами. Правда, студент?

– Да... Да... Ирина Петр...овна...Мы сами...– И он, махнув рукой, случайно и грубо задел её локоть. Ирина молча повернулась и ушла. Выпили без закуски ещё на посошок, стременную и отходную, лишь после этого Антон, поднеся к носу часы и долго соображая, что на них, вяло проговорил, что должен идти, ибо дома волнуются. Виктор не возражал и поднялся, студент же с полминуты не мог выпихнуть себя из низкого ложа, упираясь и так и этак руками. Виктор помог резко, и Антон уронил очки. Ирина подняла их, насадила на потный широкий нос гостя. И поджала губы.

– Приходи, студент, к нам запросто...

Антон едва повёл головой и прислонился к стене косо и безвольно.

– Он не дойдёт, Виктор...

– Дойдёт.

– Обещай, что не тронешь его.

– Нет-нет, я не пьян... Ира... Ирин...на Петровна...

– Кто бы сомневался. Всё в ажуре – диагноз что надо! Давай выруливай, пацан. – И, обернувшись к жене, негромко добавил. – Обещаю.

На улице тускло поблескивали лужи, отражая редкий свет окон, тротуарные фонари не горели, из водосточной трубы лилась тонкая блестящая струйка. Виктор едва толкнул очкарика с порожка, и тот, не удержав равновесия, упал на четвереньки прямо в лужу; подмывало ударить под дых, но сдержался. Он взирал на барахтающееся тело спокойно, и неторопливо закурил, как будто за этим и вышел. Наконец Антон поднялся на ноги; его качало, плащ был безнадёжно испорчен.

– Держись бордюра, студент, – сказал Виктор, не приближаясь. – Если... если, конечно, отыщешь...

Вытирая платком руки, Антон медленно тронулся прочь. Виктор докурил сигарету, не прожоя взглядом ушедшего, и отбросил щелчком окурочок. И потянулся всем телом крепко и с удовольствием, словно завершил долгую удачную операцию. Вечер был тёплым – совсем как летом, ветерок освежал голову, было тихо и спокойно. Небо разъяснилось, высыпали звёзды, дышалось легко. И жизнь не могла быть другой, а только прекрасной вечностью, как мечталось в детстве, и счастье рисовалось неисчерпаемым, как этот чёрный в блестящих и мерцающих крапинках купол над ним. И весна стояла на пороге, точно почтальон со значительной вестью. А значит, грядёт, как ясное утро после ненастья, новая жизнь. Виктор вспомнил о завтрашней операции, пробежался, как пианист по клавишам, по её частям до последнего шовчика, решил, что начнёт его заместитель Семён Иванович, а он, как взял за правило, завершит. И улыбнулся, хваля себя: «Одной левой, Витёк!». Знал, что утром, как всегда, проснётся в шесть, сварит кофе, разбудит жену и сына; и пальцы будут уверенными и твёрдыми, точь-в-точь как у массажиста высшего класса; и бессонные ночи, и нервы, и дрожание рук, и ссоры с Ириной, и боязнь потерять её уйдут, чтобы никогда не повториться, как не повторится в этом мире ничто точно, один к одному. Он погладил любимым движением, ощущая приятную колкость, бородку и, щёлкнув звучно пальцами, развернулся на месте, как циркач.

Жильцов взбежал по ступенькам, отворил дверь. Ира на кухне мыла посуду. Тотчас кинулся на руки Костик, запросился в постель и чтобы папа

непрененно уложил и рассказал бы смешное из своего детства: о старом дворе с голубятней, о беседке с бильярдным столом, о Тимофее Макаровиче – бузотёре и выпивохе, о друзьях Генке и Павке, с которыми намеревался плыть по Чёрному морю в Турцию, об играх и шалостях, о приключениях на Чёртовом мосту и в пещерах горы Кинжал. Виктор крепко обнял мальчика, вдохнул родной запах его тельца и зажмурился, чтобы не пустить слезу. Сын шепнул, что очень любит его, и Виктор сказал, что тоже очень-очень любит его и всегда будет любить что бы ни случилось. Но, едва коснувшись головкой подушки, Костик уснул. Виктор закрыл дверь и лёг на место жены. Мысли в голове роились, разные предположения: как себя вести и что делать, то выстраивались в ряд, будто на тетрадной линейке, то прыгали, налезая друг на дружку. Душа просила успокоения и смиренности. Пришла на ум молитва, которую учил ребёнком с бабой Нюрой, отцовой мамой. И он повторил её, словно зубрил, дважды. «Господи, дай мне силу, чтобы смириться с тем, что я не могу изменить. Господи, дай мне мужество, чтобы бороться с тем, что я должен изменить. Господи, дай мне мудрость, чтобы суметь отличить одно от другого!» И тут подошла Ирина.

– Ты спишь, Вить? – Она давно не звала его так. – Зачем. Зачем ты сделал это?

Ирина щёлкнула ручкой, однако дверь не поддавалась. Виктор молчал и глядел в окно. Звезды слабо мигали, легонько качались верхушки акаций, а то вдруг небо светлело, будто отражало всполохи далёкой молнии, или ему это только казалось через прищур глаз. На душе было спокойно. С ним были любимые дом, работа, семья. А что ещё нужно для счастья?.. И будущее виделось прекрасным, будто

добрый и красивый сон. Жена всхлипнула, снова лязгнула защёлка.

– Открой, Витя... Ты должен меня понять и...

Виктор не отзывался. «Понять, понять, понять, – завертелось в голове. – И простить... Она хотела сказать: понять и простить. Что же ещё? – Он отвернулся к матовой стене, вода глазами по выпуклому рисунку обоев. – Понять – это значит разобратся, почему между ними встал третий... Да ведь объяснения нет и не может быть. Просто так случилось... А вот простить?»

Позапрошлым летом в тряском и душном вагоне, возвращаясь из командировки, Виктор пытался ответить на этот вопрос после истории, которая с ним произошла. Он нарочно отправился поездом, чтобы дать время покопаться в себе и разложить в уме: как вышло, что после банкета очутился в номере коллеги из Иркутска – красивой блондинки с яркими, чувственными губами; чем объяснить, что жадно обнимал и целовал её и шептал в розовое ушко нежности; что толкнуло нервно и молча сбежать на рассвете? Увы, поездное одиночество не дало ответа: тридцать четыре часа как-то ужались, ночная бессонница же только путала мысли. А дома, в их постели, он поймал себя на мысли: делает что-то не так. Он закрывал глаза и чудилось, что рядом не Ирина, не её руки, шея, губы, запах, а та яркая блондинка. С неделю он мучился, клял себя за предательство, был нежен с Ириной и сообразил, что жена, верно, догадалась об измене, но не подала вида. А вскоре та женщина забылась, и жизнь потекла, как обычно...

Он усмехнулся про себя: то ли странности мира, то ли странности человеческой природы. Говорят, познать себя не всем удаётся... Давным-давно, ещё в школе, поцеловав одноклассницу Таню, дал клят-

ву любить до гроба, а через год, уехав в институт, забыл о ней. Виктор опять усмехнулся, но грустно, как виноватый, подумал, что гомо сапиенсу, верно, пристало забывать и клятвы, и дела, и какие-то события. Ирина вдруг тихонько заиграла любимым свой романс. И он представил, как она держит красивые руки на клавишах, как едва клонится вперёд в такт мелодии, как чувственно сводит длинные ресницы, как легко дышит её грудь, как шепчут слова такие близкие и нежные губы... Музыка стихла, и он понял, что Ирина вернулась.

– Пойдём спать, Тюша, – шепотом позвала она. Жильцов помедлил и откинул одеяло...

«Я вернусь...»

(К 90-летию И. В. Кашпурова)

В сознании не одного поколения читателей Иван Васильевич Кашпуров воспринимается как провинциальный ставропольский поэт, и самое расхожее определение, которое можно встретить относительно него – «певец степных просторов Ставрополья». Так, В. Алов еще в 1969 г. уверенно заявлял: «Иван Кашпуров – поэт ставропольских просторов». Через 10 лет эту же мысль более сильно выразила Т.П. Батурина: «Ставропольская степь в лице Ивана Кашпурова нашла своего поэта». Спустя еще немного времени литературовед Л.П. Егорова подтвердила: «Иван Кашпуров вошел в литературу как певец Ставрополья, его природы и земледельческого труда». Однако, масштаб поэтического дарования Кашпурова сегодня осознается несколько иначе. Через две недели после смерти поэта газета «Родина» публикацию, посвященную памяти Ивана Васильевича, открыла фразой: «На 72-м году жизни остановилось сердце *большого поэта России* – Ивана Василье-

**ПЕТР
ЧЕКАЛОВ
ОЛЬГА
ШАТОХИНА**

**Литературо-
ведение**

вича Кашпурова». В октябре 2001 г. публикацию подборки стихотворений покойного уже поэта редакция газеты «Ставропольская правда» предварила словами: «14 октября исполняется 75 лет со дня рождения Ивана Кашпурова – известного ставропольского и российского поэта». Еще через несколько лет в предисловии к подборке стихотворений в альманахе «Литературное Ставрополье» И.В. Кашпуров аттестовался как «известный российский поэт». В том же номере альманаха в статье «Певец Ставрополя», посвященной 80-летию поэта, литературовед Л.П. Егорова ввела творчество И.В. Кашпурова в общероссийское поэтическое пространство и через год снова повторила сказанное в учебном пособии по культурологии: «В историю русской поэзии Иван Кашпуров вошел со своими ценностными нравственно-эстетическими ориентирами...».

В архиве Ивана Васильевича осталась машинописная автобиографическая записка о поре своего детства, в которой он касался вопроса переезда Кашпуровых на Ставрополье:

«Родился я 14 октября 1926 года в степном селе Калиновском, на Ставрополье. Мать моя, Татьяна Павловна, была коренной казачкой, а отец, Василий Михайлович, – украинцем, выходцем из Полтавской губернии, села Малая Девица (ныне Черниговской области). Родители его в 1908 году от великой нужды покинули Украину ради вольных земель Северного Кавказа. Обосновались они в селе Арзгир. Отец мой года два пас помещичьи отары, потом был призван в царскую армию и лишь через двенадцать лет, в 1922 году, снова вернулся в Арзгир, где к тому времени уже умер от голода его родитель, и он ушел на заработки в более богатые села Став-

рополья. Так он попал в Калиновское, где встретил солдатскую вдову и остался у неё в примаках.

Мать моя была неграмотной, отец же читал по слогам и мог кое-как написать письмо. Этому искусству он обучился в царской армии на занятиях по словесности.

Я с детства любил свое село. Стояло оно в стороне от больших и шумных дорог в глубокой балке, окаймленное с юга, запада и севера невысокими отрогами Ставропольского плато. Новые люди случались тут редко, да и сами калиновцы мало куда выезжали. (...)

Скучно и однообразно жили калиновцы. Да и родился-то я в самое неромантическое время, когда уже отгрохотали бои гражданской войны и конники начдива Рыльского снова пахали землю, сеяли хлеб и косили травы. И только позеленевшие стреляные гильзы, которые мы, мальчишки, часто находили после дождя по вымоинам на проулках, заставляли грустить нас о днях – прекрасных и героических.

А рассказы отца, бывшего взводным в Первой Конной армии Буденного, и вовсе распалали мое воображение. Плакать хотелось оттого, что вокруг ничего похожего не происходит.

В школу я пошел девяти лет. Но до этого уже помогал родителям управляться по хозяйству: убирал в хлеву, приносил из гремучки воду, полол и поливал грядки.

Ранней весной, как только начинал стаивать снег, и осенью, пока не ляжет первая пороша, все село – и стар, и мал – занято было заготовкой топки. Заготавливалось все, что может гореть: высушенный бурьян, будылья подсолнечника и, главное, курай. Так у нас называют перекасти поле. Курай рос за Веревкиной горой, километрах в трех от нашего двора. Я со своими сверстниками каждый день при-

носил одну, а в выходные дни и две вязанки курая. Эта моя обязанность не тяготила меня. Походы за Веревкину гору шумным кагалом ребятишек для меня были праздником. Там, за горой, среди белесой полыни и русого сковородника мы собирали в кучи колючие круги курая, обтаптывали его, увязывали веревкой или набирали в хребтуг и тащили домой. Сухой курай легок, и как ни обтаптывай его, он все равно топорщится. Поэтому вязанки получались такими огромными, что мальчишек из-под них не было видно. Издали могло показаться, что вязанки сами медленно движутся в гору. На половине горы вязанки останавливались, и из-под них показывались покрасневшиеся ребячьи мордашки. Это был малый привал.

Я опускался на землю, подпирая спиной вязанку, чтобы она не скатилась туда, откуда я с великим трудом только что вынес. Отдохнув немного, я снова брался за свою нелегкую ношу и чуть ли не ползком взбирался с нею на столовую вершину Веревкиной горы. Тут уже был большой привал.

Взгромоздясь на вязанку, я смотрел в открывавшуюся даль, где соприкасались земля и небо. Что там, за этой темносиней чертой окоема - я не знал. Нигде, кроме ближних окрестностей своего села, я не был. Но в воображении возникал необыкновенный город, окруженный высокими горами, покрытыми сплошь орешниковыми зарослями. Мысленно твердил я его необыкновенное и сладкое название - Эрзрум! Эрзрум!..

Видения этого города стали меня преследовать после того, как я наслушался рассказов отцова товарища, Парамона Кузьмича Коваленкова, воевавшего на Турецком фронте еще в 1916 году. (...)

Намечтавшись вволю, я подносил свою вязанку к спуску с горы, толкал ее, и она, подпрыгивая, ка-

тилась чуть ли не до самых крайних дворов. И так каждый день весной и осенью.

Зато зимою мой труд вознаграждался дивными рассказами стариков, приходивших к моему отцу на огонек. Отец был чеботарем и часто сидел допоздна за работой и допоздна горела наша семилинейная лампа. Керосин был роскошью и каждый экономил его как мог. А тут – свет чуть ли не до полночи. И мужики, управившись по хозяйству, каждый вечер собирались у нас в хате, садились у загнетки на кучу соломы или курая, крутили длинные цыгарки и неторопливо пускались вспоминать разные истории, одна удивительней другой.

А я, лежа на печке под дерюжкой, затаившись, слушал и слушал их до тех пор, пока отец не начал укладывать в ящик свой сапожный инструмент. Это означало, что он кончил работу. Тут поднимались и гости, говорили: «Ну, Михалыч, пока!..» И я с сожалением слушал, как удалялись за окном их неторопливые шаги, и уже с нетерпением начинал ждать нового вечера и новых историй...»

Из статьи Т.П. Батуриной «Поездка в Калиновку» мы узнаем любопытный факт о том, что какую-то часть своего раннего детства Иван Васильевич провел в Калмыкии: «Ему было менее трех лет, когда родители уехали на заработки в Калмыкию. Отец в чужих местах чабановал, а потом чеботарил – это ремесло, как и талант печника, не раз спасали его от нужды. Жили недалеко от Элисты. Мальчонка дни напролет бегал с калмыцкими ребятишками и сам уже начал лопотать по-калмыцки. И сам, как и они на него, кричал, когда возникала ссора из-за альчиков:

– Докоцоко! – что означало – «я тебе дам!»²

Только через полтора года родители вернулись в родную станицу.

Некоторые страницы детства поэта раскрываются дочерью поэта – Татьяной Ивановной Дробязго:

«В 1930-е годы в село Калиновское стали попадать продукты, которых ранее жители этого поселения и в глаза не видели. Это были консервы. Какие именно – я сейчас не помню, но очень хорошо запомнился рассказ отца о «консервах»: именно так произносили в селе это слово.

Маленький Ваня часто бегал в «Сельпо» за солью, спичками, да еще кое за какой мелочью, которой не производили на собственном подворье. На верхних полках стояли банки с красочными наклейками, слегка припорошенные пылью, но тем не менее очень притягательные для мальчугана. Самой интригующей была надпись: «Консерва. 40 копеек». Что такое 40 копеек (по тем временам большие деньги), отец знал, а вот что такое «консерва», даже представить себе не мог: сельчане их никогда не покупали, и спросить, что это такое, было даже не у кого. В сознании же отца представлялось нечто необычайно вкусное и обязательно кисло-сладкое. «Консерва» у него ассоциировалась с чем-то нездешним, нереальным и страшно таинственным. Неудивительно, что он стал бредить этим словом и долгие месяцы мечтал попробовать, что же находится внутри этой жестяной банки.

Бабушка моя о консервах тоже слухом не слыживала и потому противилась: «Такие деньги – за котла в мешке?», но потом все-таки сдалась, уступив просьбам сына. А вот дед, пришедший инвалидом с первой мировой, наверняка знал, что это такое. Он был по-житейски мудрым человеком, поэтому, слыша в течение многих месяцев от сына про какие-то «консервы», собрал припрятанные пятаки и отдал мальцу.

Надо ли говорить, что ноги несли его быстрее ветра к заветной мечте. Прибежав в сельпо, неожиданно заважничал, чувствуя себя чуть ли не на уровне небожителя. Он впервые просил не соль и спички, а баночку, что пылилась на верхнем стеллаже. Продавщица была удивлена: этот товар спросом не пользовался, но, увидев деньги в руках мальчишки, полезла за банкой, предупредив, что открытую банку не примет и назад деньги не вернет. Он не почувствовал скрытой угрозы в словах продавщицы, схватил заветную банку, обтерев ее подолом рубахи, прижал к груди и бросился домой. Не выдержав соблазна, по дороге нашел камень, постучал по крышке, пытаясь открыть, но не удалось. Собрал волю в кулак, еще быстрее помчался домой...

Открытие банки, как священнодействие, производилось в присутствии всей семьи. Ивану казалось, что отец слишком долго ищет инструмент, которым можно было бы вскрыть банку. (Консервного ножа, естественно, не было)... Первое разочарование постигло отца, когда он увидел содержимое банки: буро-коричневая жидкость с плавающими кружками, но желание и ожидание чуда были столь велики, что он зачерпнул полную ложку и отправил в рот. То, что происходило потом, я даже не берусь описывать, пусть читатель додумает сам. Скажу только одно: это были столетней просрочки кабачки в томатном соусе, представлявшие собой однородную горько-кисло-соленую массу.

...Иван до ночи просидел в кукурузе. Его никто не успокаивал. С этим горьким опытом он должен был справиться сам.

Потом, уже на склоне лет, отец рассказывал, что в его жизни было много неприятностей, неурядиц, лишений, потерь, но такого дикого разочарования

и опустошения в душе он впоследствии не испытал ни разу».

По приведенным выше воспоминаниям поэта, в школу он пошел девяти лет. По всей видимости, было это в сентябре 1935 года. Здесь будущий поэт овладел грамотой и впервые приобщился к поэзии.

Но как произошло очарование стихами? Некоторые сведения об этом мы находим в статье Т.П. Батуриной, которую мы уже цитировали: «Однажды Митя (Коваленков) прочитал ему стишок... Удивлению младшего по годам Вани не было границ. Слышал он, что есть на свете поэт Пушкин, но чтобы обыкновенный мальчишка, такой же, как и он сам, написал стихотворение! – это казалось невероятным. (...) Так вот случилось, что именно Митя Коваленков забросил в душу мысль – и обыкновенный человек может творить со словами чуда. Скоро и сам Ваня тайком от всех стал складывать из слов ладные и певучие строки. Легче это было делать на бегу, когда слова сами подчинялись ритму движения. Ему казалось, что они катились впереди него, как медные пятаки, а он только попевал за ними, и не он их собирал вместе, а они сами стремились друг к другу, подчиняя его бег заключенной в них музыке.

Необыкновенное это чудо стало его заветной тайной, которую он начал постигать здесь, в Калиновке, бездумно и радостно. Все окружающее входило в него, переполняло душу и искало слов, чтобы выразиться. Исподволь воспитывала Калиновка своего поэта, чтобы в нем заново родиться в слове. Весь образный строй, вся лексическая структура, вся ритмическая организация стиха сложилась здесь».

В интервью корреспонденту газеты «Молодой ленинец» Е. Бронскому И.В. Кашпуров делился ат-

мосферой тех лет: «Мое детство, юность – это тридцатые и сороковые годы. Сегодняшняя молодежь и представить себе не может, что в моей родной Калиновке большинство жителей было неграмотными. Ни читать, ни писать не умела моя мама, Татьяна Павловна, отец, Василий Михайлович, выучился читать уже после революции. Я с детства пристрастился к книгам. Но как мы читали! Вот, говорят, у такого-то есть книга, просто книга, никто не знает какая. И я уже собираюсь и иду, а Калиновка и тогда была длинным селом, иду просить читать Книгу». Помимо самостоятельного чтения, Иван Васильевич еще занимался в литературной группе в селе Александровском, куда, по его словам, он «пешком ходил за восемнадцать километров».

Семилетнее образование Иван Васильевич получил в родном селе и отсюда же он в феврале – марте 1944 г. был призван на военную службу. Непосредственного участия в боевых действиях Великой Отечественной войны не принимал, т.к. часть, в которой он проходил службу, не входила в состав действующей армии. Служил он почти 5,5 лет, и приблизительно половину этого срока он прошел в кавалерийской части, а вторую половину – в артиллерии.

В беседе с Е. Бронским Иван Васильевич так описывал свое вступление в литературу: «Я в полку никому не говорил о том, что стихи пишу. И надо ж было так, что один раз сорвалось. А народ в батарее был веселый, вытащили из моей тетради несколько листков и отправили в редакцию окружной газеты. Дескать, посмотрим, какой ты там поэт, пусть специалисты скажут. Так я попал на окружное совещание красноармейских поэтов и писателей в Баку (ноябрь 1946). И снова везение. В те годы зав. отделом в окружной газете был Эммануил Фейгин. И по-

лучился у нас с ним долгий разговор. Он «проанатомировал» все мои стихотворения, показал, как в них хорошие строки выбиваются на общем фоне. Тогда же я сделал для себя открытие о существовании ритма, размеров. Словом, началось мое знакомство с техникой стиха. Это не самое главное, безусловно, но через этот период надо было пройти. Можно быть гениальным поэтом и не отличать хорей от амфибрахия, но лучше все-таки отличать».

Период вступления И.В. Кашпурова в литературу его дочерью воспроизводится таким образом: «Писать стихи отец начал еще до армии, но дальше уличных посиделок в Калиновке они не выходили. А будучи в армии, частенько отправлялся на гауптвахту, чтобы отдаться творческому процессу без конских хвостов и упряжи, т.к. служба не давала свободного времени для стихов. Поэтом, конечно же, тогда он себя не считал, но стихи из него просто лезли, и их надо было как-то записывать. Он сознательно дерзил командирам, за что попадал на гауптвахту. И вот тут-то начиналась творческая жизнь. (...) В общей сложности за время службы на гауптвахте он просидел 125 суток. В кавалерии он прослужил три года. Видимо, тогда и появилась привычка писать стихи карандашом. Не носить же с собой чернильницу и ручку с пером». Сам поэт в октябре 1996 года говорил В. Белоусову: «Впервые я напечатался, когда служил в армии в городе Баку. Стихотворение появилось в военной газете «Советский патриот» 1 января 1949 года». Но вернемся к записям Т.И. Дробязго об отце:

«Отслужив в армии, он вернулся на короткую побывку в Калиновку, но очень быстро заскучал. Делать там ему было нечего. Приехав в Ставрополь, он экстерном закончил вечернюю школу и поступил в пединститут на заочное отделение. Надо

было как-то кормиться, и он не гнушался никакой работой: был и билетным контролером, и экспедитором хлебозавода, и даже директором дома культуры успел побывать.

В это время в Ставрополе уже существовало литературное объединение, куда, конечно же, нашел дорогу и отец. Были там начинающие поэты и писатели. Возглавлял литобъединение Валентин Марьинский, были такие писатели, как Бибииков, Шевцов Георгий Данилович, у которого к тому времени собирался выйти или уже вышел сборник стихов. (...) И вот литобъединение, в очередной раз обсудив литературные потуги молодых поэтов, решило рекомендовать стихотворение И. Кашпурова в газету...»

Первая публикация Кашпурова на Ставрополье состоялась 23 октября 1949 г. и называлось стихотворение «Ставропольская осень». Это событие имело свое комическое продолжение. Вот как об этом рассказывает дочь поэта: «Его напечатали, и гордости отца не было предела. Ясно, что газету эту он затаскал до дыр. Решил зайти за вторым экземпляром в редакцию, а там на него накинулась свирепого вида секретарша: «Вы – Кашпуров?» – «Да», – опешил отец. «Почему не получили гонорар? Из-за вас вся отчетность стоит!»

Что такое «гонорар» отец точно не знал, да еще с перепугу слышалось «гонораж». Спросить было не у кого, и он с опаской побрел туда, куда указала канцелярская фурия. Подойдя к кассе, он и от молоденькой кассирши выслушал выговор: «Не успел напечататься, а уже ведешь себя как классик». Поставив свою подпись на каком-то бланке, отец уже было повернулся уходить, но назойливый голос вновь остановил его: «Да ты что, блаженный?! Деньги-то забери!» И швырнула в блюдечко 8 ру-

блей 42 копейки. Растерявшись вконец, отец взял деньги и отошел от кассы. «Нет, это какая-то ошибка или подвох. Сейчас все выяснится, деньги заберут, и все встанет на свои места». Но ничего не происходило. Потоптавшись еще с полчаса в редакции, он вышел на улицу и пустился бежать: «Будь, что будет!» Есть хотелось нестерпимо, казалось, что живот прилип к позвоночнику. Забежав в первый попавшийся магазин, он накупил снеди на все восемь рублей и отправился домой пировать. Придя на квартиру к Жоре Шевцову (а он снимал у него угол), он узнал, что гонорар платят за напечатанное в газете или журнале. Как же он был удивлен: за удовольствие писать стихи еще и деньги платят!!! «Все. Буду поэтом!», – решил мой гениальный, но такой наивный папка».

В следующем 1950-м начинающий поэт опубликовал 2 стихотворения, в 1951-м – 5, а еще 2 вошло в книгу молодых поэтов «За мир и труд», в 1952 г. Кашпуров вывел в свет уже 11 стихотворений... Начинающий поэт набирал творческие обороты: в 1955-м помимо публикаций отдельных стихотворений в «Молодом ленинце» была представлена уже подборка из пяти стихотворений, а в альманахе «Ставрополье» – другая подборка из шести...

Окончив два курса Ставропольского педагогического института, И.В. Кашпуров в 1952 году отправил свои стихи в Литературный институт им. М. Горького в Москве, куда в том же году он был принят вне конкурса.

В 1956 г. Ставропольским книжным издательством был выпущен первый поэтический сборник Кашпунова, о котором Н. Капиева отзывалась высоко: «И. Кашпуров – человек несомненно одаренный. Он еще только пробует себя, но и сейчас уже ясно, что более всего ему удаются стихи тонкого лири-

ческого рисунка. Есть что-то акварельно мягкое в его стихах, посвященных пшеничным просторам родного Ставрополя, милым и скромным картинам природы, поэзии колхозных будней. Поэту несвойственны резкие линии, твердый нажим пера, плакатная броскость слова. В лучших своих стихах он тщательно выписывает деталь, старается найти негромкие, но задушевные слова. И это трогает, волнует... В книге немало стихов, радующих непосредственностью, стихов, на которых лежит отсвет своего, незаимствованного, где краски незамутнены, язык чист».

Выпускной квалификационной работе Кашпурова – циклу стихотворений под общим названием «Над Ставрополем утро» – государственная экзаменационная комиссия выставила оценку «хорошо». Рецензентом дипломной работы был писатель Всеволод Иванов, который, по словам Т.П. Батуриной, «очень верно определив особенности поэтического стиля молодого поэта (...), дал высокий отзыв, (...) заметив, что стихам поэта присуща «окрыленная информационность», что из его стихов он «узнает больше, чем из иных очерков».

Диплом о высшем литературном образовании Кашпуров получил в конце июня 1957 г. и в том же году определился на работу в редакции Карачаево-Черкесской областной газеты «Ленинское знамя».

24 февраля 1958 года Иван Васильевич был принят в Союз писателей СССР, в этом же году он выпустил свой второй сборник стихов «Над седыми курганами»; в конце года его пригласили на газетную работу в Калинин, куда он и переехал в январе нового 59-го года вместе с семьей. Зима оказалась суровой, условия жизни были полуспартакскими, на частной квартире, в результате чего заболели и жена, и дочь. Не испытывая судьбу более, через

два месяца, когда до них наконец дошел контейнер, не распаковывая его, переадресовали на Запорожье, и следом сами уехали туда же. Иван Васильевич устроился литературным сотрудником газеты «Запорожская правда» (в скором времени она стала выходить под названием «Индустриальное Запорожье»), выходявшей на русском языке. Он достаточно быстро освоился на новом месте и, что называется, сходу включился в творческую работу, свидетельством чему служит поэма «Родины почетный сталеваар», которая была создана за май – июнь 1959 года, а в ноябре поэма вышла в свет в Запорожской областной типографии «Коммунар» тиражом 2000 экземпляров. Наладился и быт: в конце лета семье Кашпуровых была выделена благоустроенная двухкомнатная квартира в центре города, а в сентябре они уже отмечали новоселье.

Некоторые сведения о пребывании И.В. Кашпурова на Украине мы можем извлечь из публикации В. Довбыша «Слово о поэте»: «Появление Ивана Кашпурова в Запорожье в 1959 году не могло быть незамеченным. Стихи, напечатанные им в периодической прессе, выделялись мастерством, задушевностью, глубоким проникновением в жизнь, лаконичностью. (...)

Кашпуров был единственным из профессиональных литераторов, который после окончания Московского литературного института имени Горького был направлен в газету «Индустриальное Запорожье» литработником как член Союза писателей. Иван Кашпуров был истинным шестидесятником: прост, демократичен, доступен, задирист, раскован. Он был из тех нормальных людей, которые запоминаются, к которым тянутся со своими проблемами. Для всех он был своим. Он умел радоваться чужим успехам независимо от того, были ли

это однокашники, как приезжавшие к нему видные поэты Николай Старшинов, Владимир Фирсов, или совсем еще юные, как Алексей Цветков, теперь известный поэт дальнего зарубежья. (...)

Его квартира была открыта для всех и всегда, кроме ночи, когда он писал стихи мелким красивым почерком карандашом, ненужное стирал резинкой, фактически не оставляя дублей и вариантов.

Показательно: в партию его приняли только после третьего захода. И это при том, что его поэмы «Аппассионата», «Апрель» опубликовал «Огонек», а в числе рекомендателей был всесильный и авторитетный главный редактор газеты «Индустриальное Запорожье», член бюро обкома партии Андрей Ключенко. (...)

Старшему поколению памятно становление Запорожского телевидения, в которое Иван Кашпуров вложил много труда. Его лирической песней «Засыпает город», музыку к которой написал заведующий музыкальной частью областного театра Юрий Коваль, всегда заканчивалась вечерняя передача».

Прожили Кашпуровы в Запорожье 9 лет. За это время поэтом было выпущено четыре сборника: «Родины почетный сталевар» (1959), «Мои позывные» (1961), «Крылья» (1964), «Версты» (1967). Отметим и тот факт, что именно в годы пребывания на Украине приходится становление Кашпурова-эпика: поэма «Родины почетный сталевар», как говорилось об этом выше, была написана в мае – июне 1959 г., в ноябре 1961 года была создана поэма «Апрель», в том же 61-м была завершена начатая еще в 1958 г. поэма «Утоление жажды», в сентябре 1962 г. была закончена поэма «Аппассионата», в течение 1963 года были написаны 3 поэмы: в январе – марте – «Андреев», в апреле – «Земля», в июне – «Село в степи». Все эти поэмы были включены в сборник

1964 года «Крылья». «Поэма про гармонию» была завершена в 1964 г. и впервые опубликована в том же году 30 октября в газете «Ставропольская правда», в следующем 65-м году был закончен и 25 апреля опубликован в газете «Ставропольская правда» веннок сонетов «Окоем»...

Можно предположить, что человеческая и творческая судьба Ивана Васильевича на Украине складывалась неплохо, но в 1967 году семья оставила налаженный быт, устоявшийся круг общения и вернулась в Ставрополь. Главные причины такого шага Евгении Кузьминичне, жене поэта, видятся в том, что «Ваню тянуло на родину. Здесь были его родители. Мы каждый год сюда приезжали...»

В Ставрополе поэт прожил до конца жизни, и все эти годы были плодотворными в издательском плане: с 1968 по 1996 гг. он выпустил в свет 20 книг, включая детские и переводные сборники. Эти же годы были наполнены работой и другого характера: после возвращения из Украины Кашпуров был назначен заведующим бюро пропаганды краевого отделения Союза писателей, руководил организацией встреч литераторов с тружениками края, в которых сам принимал активное участие. О том, как проходили встречи с ним, можно получить представление из публикаций в краевых и районных органах печати. Вот как вспоминала Х. Байрамукова, писательница из Карачаево-Черкесии, об одной такой встрече: «В огромном зале Дворца культуры завода холодильного машиностроения в Черкесске, заполненном читателями, Иван Кашпуров читает свои стихи. Зал слушает, затаив дыхание. Его просят читать еще и еще. Я понимаю их – все, что пишет Кашпуров, идет от самой жизни, от этих людей, сидящих в зале, и возвращается в несколько

ином виде к ним же. Поэтому им понятны, близки и дороги эти стихи».

О другой встрече поэта с жителями Курского района поведал Н. Левченко: «В январе 1969 г. он представил на наш суд свою новую книжку «Осенний снег». Встреча была теплой, интересной. Прочитав несколько стихотворений из сборника, Кашпуров начал интересный разговор о творчестве, о месте поэта в рабочем строю.

– Поэт, кроме отличного знания литературы, должен хорошо знать жизнь людей, любить и понимать музыку, уметь играть хотя бы на одном музыкальном инструменте, – говорил он. – Ведь «поэзия – души движенье», а музыка волнует, способствует пробуждению вдохновенья.

– А на каком инструменте играете вы? – спросили его.

– Немного играю на балалайке, но больше на патефоне, – отшутился И. Кашпуров.

(...) Встреча продолжалась долго. Поэт читал стихи из сборника, рассказывал о творческом пути поэтов Ставрополья. Все были увлечены рассказом»...

В 1979 г. Иван Васильевич был избран ответственным секретарем краевой писательской организации, и эту обязанность он исполнял до 1987 г., сделав много для развития культуры и литературы Ставропольского края. В 1980 г. И.В. Кашпуров отчитывался в печати о проделанной им и его предшественниками работе и делился планами на ближайшее будущее: «В этой пятилетке литераторы Ставрополья дважды посетили соревнующуюся с нашим краем Николаевщину, побывали в Кабардино-Балкарии, в Карелии, во Владимирской и Житомирской областях. Группа ставропольских писателей в этом году выедет

в Болгарию и подготовит там болгарскую часть книги ставропольских и пазарджикских литераторов, которую мы в свою очередь, предложим нашему издательству».

Поэтому не случайно в публикации А. Мосинцева «Певец родного Ставрополья» специально оговаривалось: «Не без его помощи как ответственного секретаря писательской организации с каждым годом укрепляются контакты с творческими союзами других административных центров страны. Обмен делегациями с коллегами по перу стал традиционным». Правоту Мосинцева подтверждают и такие факты:

с 25 по 29 марта 1982 г. в Ставропольском крае прошли Дни Советской литературы, посвященные 60-летию образования СССР; в мероприятии принимали участие более 60-ти литераторов из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Сибири, Дальнего Востока, Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии;

с 23 по 27 июня 1983 г. на Ставрополье прошли Дни литературы и искусства Грузии; праздник был приурочен к 200-летию подписания Георгиевского трактата – договора о братстве и дружбе русского и грузинского народов;

с 12 по 17 октября 1984 г. в крае прошли Дни Российской литературы. Это было первое выездное заседание Секретариата Правления Союза писателей РСФСР, проведенное на Ставрополье. В заседании приняли участие писатели из Москвы, Ленинграда, Воронежа, Красноярска и других городов: Ю. Бондарев, Д. Гранин, П. Проскурин, Ю. Друнина, Н. Доризо и др.

Ничего подобного до Кашпурова в ставропольской писательской организации не происходило, а после него – и по-прежнему.

Отметим и такую сферу деятельности Ивана Васильевича, как оказание помощи молодой поросли писателей Ставрополья. В. Сляднева говорила о «целой плеяде поэтов», которых вырастил Кашпуров. О том же еще раньше на страницах «Кавказской здравницы» писал А. Мосинцев: «Работа с молодежью, подготовка литературной смены стала для него повседневной потребностью. Справедливости ради нужно отметить, что большая часть поэтических рукописей, прежде чем попасть в руки редактора краевого издательства, проходит чуткую и требовательную «прическу» на рабочем столе поэта. Помощь литераторам не исчерпывается вопросами литературного мастерства, она гораздо шире, тут и воспитательные, бытовые, материальные и организационные вопросы».

Дочь поэта, Т.И. Дробязго, вспоминала: «У отца была масса учеников, и практически каждый день кто-нибудь приходил за советом по поводу своих творческих изысков. Некоторые приезжали из районов, сел, хуторов. Приходили и школьники.

Он никогда не писал по заказу, к каким-либо праздникам; говорил: «Я не могу этого писать». Не мог писать экспромтом, но когда правил чьи-то стихи, мог тут же предложить хороший вариант строфы, двух. Были такие ученики, у которых он оставлял 1 – 2 строчки, а остальное дописывал сам. И так не один сборник».

И.В. Кашпуров многие годы являлся членом бюро краевой писательской организации, членом редколлегии альманаха «Ставрополье» и издательства «Современник», принимал участие в работе шестого съезда писателей России (был избран членом правления Союза писателей РСФСР), затем седьмого и восьмого съездов писателей СССР. На последнем из них он был введен в состав

центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР...

Указом Президиумом Верховного Совета РСФСР от 6 октября 1982 г. за заслуги в области советской культуры И.В. Кашпурову было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», а 22 августа 1986 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР он же был награжден орденом «Знак Почета»...

Но каким был в жизни этот, по определению А. Мосинцева, «признанный авторитет поэтического цеха»?

Если говорить о портрете, то В. Сляднева запомнила его «простоватым на вид сельским пареньком». Ту же черту выделяла в нем и Т.П. Батурина: «Много он учился, много ездил по белу свету, не раз был за рубежом, отлично рассказывает о своих путешествиях, а поглядишь в его лицо: остался в нем все тот же крестьянский парень из Калиновки, живущий всегда в ожидании чуда».

В воспоминаниях дочери Иван Васильевич больше предстает в бытовом, домашнем свете, и они приобретают большую ценность в житейско-человеческой характеристике поэта: «Отец был очень простым человеком в быту и легким в общении. Любил блины с капустой и с салом, армянский коньяк, маслины и арбузный мед, который сам и варил. Он с детским азартом разгадывал кроссворды. В этом мы с ним соперничали. Часто звонил и с ехидцей спрашивал: «А вот это слово ты разгадала?» И, получив утвердительный ответ, удивлялся: «Ну, надо же!» Иногда я указывала ему на пустые клетки, подсказывая слово, он с детской растерянностью ругался: «Тьфу, черт побери! Я же знаю это слово! Как это я не допер?!», но чаще победа была на его стороне.

При всей своей простоте и непосредственности, отец был человеком энциклопедических знаний. Он разбирался в науке и технике, прекрасно знал историю, географию, не говоря уже о литературе и словесности. И в лабиринтах политики он тоже хорошо ориентировался. Лично мне он предсказал перестройку в благополучные 70-е годы брежневского расцвета. Отец никогда не боялся, высказывал прямо и открыто свои взгляды на самые щекотливые и даже запретные темы, коих в то время было множество.

А какой он был рассказчик?! Многие теперешние артисты разговорного жанра здорово позавидовали бы ему. А он, если бы решился пойти по этой стезе, преуспел бы не меньше, чем на ниве поэзии. Он обладал тонким юмором, острым словом, богатой мимикой, умел рассказывать в лицах. Мы хохотали до слез, до колик в животе. О чем бы он ни рассказывал: о детстве, о студенчестве, о своих коллегах, о работе съездов, это всегда было очень интересно и смешно. Эх, если бы тогда иметь диктофон!»

27 апреля 1987 г. долго и бурно проходило отчетно-выборное собрание ставропольских писателей, на котором в адрес Ивана Васильевича прозвучало много нелицеприятных слов. В результате большинством голосов И.В. Кашпуров был смещен с занимаемого поста ответственного секретаря краевой писательской организации.

Начиналось новое время и пора новых политических песен. Ситуация менялась кардинально не только в области политики и экономики, но также и в культурной и литературной сферах. О том, как общественные перемены отразились на жизни поэта, дочь его воспроизводит достаточно лаконично: «Почти безразличный к житейским благам, он

обходился минимумом жилплощади, одежды, еды. Видимо, сказались голодное детство и военная юность, поэтому нищенскую пенсию он воспринял спокойно, ни разу не посетовав на долгорождающееся недоношенное дитя перестройки».

В 1989 году Союз писателей Украины пригласил Кашпурова принять участие в торжествах по празднованию 175-летия со дня рождения Т. Шевченко. Там присутствовали делегации из многих стран, в том числе и из Японии. Иван Васильевич познакомился и сдружился с японским поэтом, профессором университета г. Кобе Такаюки Мураи, предложившим ему издать сборник стихов в Японии. В скором времени (1991) Такаюки Мураи перевел и прислал Кашпурову сверстанную 176-страничную книгу под названием «Баллада о степи» с послесловием Т.П. Батуриной. Она до сих пор хранится в архиве поэта, но о дальнейшей судьбе сборника, к сожалению, ничего не известно: ни сам Кашпуров, ни его родные не получили известия о его выходе в свет.

Поездка Кашпурова на Украину обернулась для него и трагической стороной: последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС, повышенная радиация сказались на нем заболеванием лимфолейкоза.

Последние годы Иван Васильевич тяжело болел, но, как свидетельствует В. Сляднева, «он не оставлял своего духовного промысла, и, словно ловец жемчуга, выныривал из глубин своих творческих исканий с драгоценной поэтической находкой с просветленным лицом и улыбкой. (...) В поисках своей поэтической грани он не утомился и просил Бога дать ему возможность еще потрудиться на своей поэтической ниве».

Факт того, что Иван Васильевич не отложил перо, а работал до последних месяцев, подтверждается и В. Белоусовым: «В последние несколько лет Иван Кашпуров не раз заходил ко мне в редакцию, приносил стихи для газеты, хорошие стихи. Все они были напечатаны и вызвали добрые читательские отклики».

Одним из последних стихотворений поэта, датированным июлем 1997 г., является «Я вернусь»:

*Отпекаются трубы, привыкшие к горю,
и нетвердой походкой уйдут трубачи.
Над могилой моей холмик вырастет вскоре
и взгрустнет в изголовье побег алычи.
В повседневных заботах утешатся дома
и начнут привыкать к слову жесткому – был.
В это время вернусь я не грохотом грома –
песней трав, что когда-то сложил и забыл...
Я любил мою землю любовью звериной,
и она отвечала взаимностью мне;
и найдется строка, что, другие отринув,
прозвенит в молодых ковылях по весне.
Прозвенит по степям предкавказским России,
что иду я ложиной, сбивая репье,
что роса холодит мои ноги босые,
как в далекое сирое детство мое...
Вон горошек цветет, а вот – солнечный лютик
и спокойное небо над миром над всем...
Отдохните от слез, мои близкие люди, –
я вернусь к вам, вернусь не на срок – насовсем.*

Умер поэт 15 ноября 1997 года, прожив 71 год, 1 месяц и 1 день.

В эту ночь Татьяна Ивановна Дробязго, дочь поэта, написала стихотворение, в котором были строки: «Пройдут года и, как уже бывало, //К певцу «не зарастет народная тропа». Через год, в 1998-м,

решением Ставропольской Городской Думы библиотеке-филиалу № 13 г. Ставрополя было присвоено имя И.В. Кашпурова, а в доме, где он жил, – установлена памятная доска. Впоследствии библиотека и одна из улиц родного села также получили название «Кашпуровская». В 2000 г. литературное объединение «Колос» при районной газете «Александровская жизнь» стало носить имя Кашпурова, в том же 2000 г. был установлен памятник на могиле поэта в с. Калиновском и открыта мемориальная доска в средней школе родного села; с 2003 г. в Александровском районе стали проводиться, ставшие традиционными, «Кашпуровские чтения».

Рецензируя последнюю прижизненную книгу поэта, Т.П. Батурина говорила: «Когда я, как с хорошим добрым другом, общалась с книгой Ивана Васильевича, главным для меня было «нетленное», то, отчего стихи Кашпурова – и те, что писаны прежде, и нынешние – не утратили свою эстетическую ценность, отчего они остались и останутся – несмотря ни на какие общественные и житейские перемены. А в том, что это будет именно так, я не сомневалась никогда».

В справедливости этих слов сегодня сомневаться не приходится.

Тайны ставропольских сказок

(Древнеегипетские сюжеты
в нашем провинциальном
фольклоре)

Старинные ставропольские сказки, равно как и вообще весь местный фольклор, – явление малоизученное и слабо систематизированное. У нас очень мало книг, в которых были бы собраны изустные сказания, легенды, песни, поговорки, заговоры и другие исчезающие сокровища народной традиции Ставрополья. Не перенесенные на бумагу и не растиражированные для потомков, они гибнут безвозвратно, потому что их редкие носители постепенно уходят из жизни, а память человеческая недолговечна.

Между тем ставропольские сказания и легенды представляют собой немалую ценность не только для фольклористов и литературоведов, но и для всех нас, стремящихся знать свое прошлое и постигать сокрытые в нем тайны. А их-то в ускользающем от нас провинциальном фольклоре великое

РОМАН
НУТРИХИН

*Литературо-
ведение*

множество, примером чему может служить одна примечательная сказка, о которой я и хочу здесь поведать.

В 1888 году на страницах издававшегося в Тифлисе «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» было опубликовано несколько загадок и сказок, записанных двумя годами ранее в Новогригорьевском уезде Ставропольской губернии. Записал их заведующий Рогулинским одноклассным училищем Григорий Горбунов со слов жителя села Казгулак Дорофея Вареника.

Одна из сохранных таким образом сказок поразительно напоминает хорошо известную ныне древнеегипетскую легенду, дошедшую до нас в сообщениях Геродота. Появление этого сюжета в нашем фольклоре представляет собой настоящую филологическую сенсацию!

В силу важности данной сказки для понимания путей культурных заимствований, а также из-за труднодоступности дореволюционного первоисточника ее публикации, уже давно ставшего большой библиографической редкостью, думаю, есть смысл привести здесь целиком текст этой загадочной ставропольской побасенки:

**Сказание о колдуне Сазонке,
записанное в 1886 году в селе Казгулак
Новогригорьевского уезда
Ставропольской губернии**

«Сперва Сазонка жил, как мужик: косил траву, сеял хлеб, варил из хлеба брагу. Потом крестьянская работа показалась ему тяжелой, и задумал он пойти на легкие хлеба. Нанялся он к одному бари-

ну в лакеи. Барин ему понравился, и не захотел он обижать его. Раз вечером у барина было гулянье: к нему съехалось много гостей – тоже господ. Сазонка с этого вечера задумал начать свою работу. Вышел на крыльцо и крикнул, чтоб подавали тарантас такого-то барина, а сам вошел в сенцы, надел шапку и шубу этого барина, сел в тарантас и поехал к этому барину домой. Дорога была чрез степь. Дорогой Сазонка остановил кучера и говорит ему:

– Беги скорее назад: я потерял платок!

Кучер слез с козел и побежал искать платок. Сазонка по лошадям и был таков! Бежал, бежал кучер за платком, не нашел и вернулся назад. Смотрит, а барина уж нет, так и пришел домой пешком.

– Барин приехал? – спрашивает дома.

– Нет, нету!.. А где он?

– Так и так, дорогой, – говорит, – барин потерял платок и послал меня за ним, платка я найти не нашел, а, когда вернулся, барина и след простыл – так я пешком и пришел.

На другой день приезжает домой барин в чужой шубе и шапке. Позвал кучера:

– Ты, – говорит, – зачем вчера без спросу домой уехал? Да я, – говорит, – тебя за это на конюшне кнутами запрячу!

Кучер глаза выпятил: не с ума ли сошел барин? И говорит:

– Да вы сами вчера велели мне запрягать лошадей, сами сели в тарантас. Дорогой потеряли платок и послали меня искать его. Я, вернувшись, вас не нашел и пешком пришел домой, – а у самого поджилки так и трясутся.

– Врешь! – крикнул барин. – Ты еще вздумал людей морочить! Вот как всыпят тебе на конюшне сотенку, так скажешь правду!

Отодрали кучера на конюшне, а все-таки не узнали, кто уехал на барских лошадях.

Как пошел кучер за платком, Сазонка поехал на лошадях прямо в один большой город. Заехал он в этом городе к одному сапожнику и остановился у него на квартире. Познакомился хорошенько с хозяином и хозяйкой и говорит хозяину:

– Веди на базар лошадей и продай их!

– За сколько?

– За сколько хочешь!

Сапожник продал лошадей за пятьсот рублей, принес их и отдал Сазонке. Сазонка отсчитал двести рублей сапожнику за труды. И стали они вместе жить.

Раз вечером Сазонка спрашивает у сапожника:

– У кого тут, ты, может, знаешь, денег много?

– Да вот у попадьи, я слышал, денег рублей ста два есть!

– Ну, из этого и мараться не стоит! Еще у кого?

– У шабая, тут недалеко живет, с тысячу рублей денег водится.

– Ну, и из этого мараться тоже не стоит!

– В казначействе денег, должно, много.

– Собирайся, сейчас пойдем в казначейство за деньгами: бери мешок и пойдем!

– Как мы туда влезем? Кругом солдаты, сторожа. Сторожа сейчас поймают или убьют.

– Не бойся, не убьют – пойдем!

Подшли к казначейству, а стражи около него – тьма тьмущая: около каждого окна по солдату с ружьем. Сапожник испугался. Тогда Сазонка сказал какое-то слово, и все часовые заснули как мертвые. Сазонка с сапожником вошли в казначейство, а там денег – у сапожника аж глаза разбежались. Набрали они денег, сколько хотели, и пошли до-

мой. Утром весь город узнал, что казначейство обокрадено. Пришел губернатор, исправник, становой, урядник с сотскими, смотрят – все двери и окна целы, а денег нет, и часовые стоят на местах. Губернатор сам двери замыкал, а теперь денег нет. Спрашивают часовых:

– Никто не приходил ночью?

– Никого не видали! – сказали часовые.

Губернатор и руками развел. Вспомнил он, что в остроге сидит колдун, и отправился к нему. Пришел и говорит:

– Так и так, добрый человек, сегодня обокрали казну. Поможешь поймать вора – выпустим из острога, – и рассказал, как обокрали казну. Колдун слушал, слушал да и говорит:

– Это обокрал не простой человек – этот слово (то есть заговор) знает...»

Вы дня через три заставьте выкопать вечером яму против окон казначейства, – канаву сажень глубины, – и налейте в нее растопленной смолы, он опять придет за деньгами и увязнет в смоле.

Губернатор на третий день велел выкопать против окон казначейства яму и налить в нее кипящей смолы.

В этот вечер сапожник и говорит Сазонке:

– Пойдем в казначейство за деньгами!

– Не хочу – будет и этих!

– Нет, пойдем, пожалуйста!

Пошли. Стали подходить к казначейству. Сазонка сказал опять слово – часовые тотчас заснули. И говорит Сазонка сапожнику: «Тогда я шел вперед, а теперь иди ты!» Сапожник пошел вперед и увалился в яму по самый пояс. Стал Сазонка тащить сапожника, а он уж не живой, взял да и отрезал ему голову и положил ее в мешок. Потом взошел в каз-

начейство, набрал денег и отправился домой. Пришел домой и говорит хозяйке:

– На, – говорит, – твоего хозяина деньги!

– А сам он где?

– Так и так, – говорит, – около казначейства выкопали яму и налили в нее горячей смолы, а твой хозяин попал в эту яму и сварился в ней. Я взял да и отрезал ему голову, чтоб не узнали его, а то и тебе дрянно будет!

Сапожница заголосила по своему муже. Сазонка как крикнет на нее:

– Чего ты реवेशь, как корова? Услышат соседи, и ты пропадешь, как собака. С такими деньгами можно найти мужа еще лучше.

Сапожница перестала плакать. На другой день губернатор, чуть свет, пошел к казначейству. Глядь – часовые спят, а в смоле сидит человек без головы. Кинулся в казначейство – денег опять много нет. Приказал губернатор вытащить из смолы человека, а сам сейчас к колдуну в острог.

– Так и так, – говорит, – нашли в смоле человека без головы, а денег в казначействе нет!

– О, это, – говорит колдун, – очень хитрый человек: послал вперед другого – своего товарища, а сам шел сзади и отрезал ему голову. Теперь вы велите тушу этого человека возить три дня по городу и кричать: у кого не хватает человека? Вот мы нашли его за городом убитым! При нем нашли денег две тысячи! Если кто из родных у него есть, то будут плакать. Сзади пусть идут солдаты и, как кто заголосит, пусть берут его.

Губернатор пошел и приказал сделать так, как говорил колдун. Два дня возили тушу сапожника по городу, и никто не голосил по нем и не узнавал его. Сапожница каждый день хотела идти поголо-

сидеть над своим мужем, да Сазонка не пускал. На третий день сапожнице стало невтерпеж, и говорит она Сазонке:

– Как хочешь, пусть меня возьмут и тебя, а я все-таки пойду!

– Что тебе так надо идти? – спросил Сазонка.

– Хочется поголосить над своим мужем!

– Так ты вот что сделай, – говорит Сазонка. – Пойди в лавку, купи стеклянной посуды, завяжи ее в платок и ходи по улице. Как встретишь на повозке своего мужа, брось узел, упади на него и реви, сколько хочешь. Если кто спросит тебя, о чем ты плачешь, ты скажи: вот барыня накупила посуды и отдала мне нести ее домой. Я нечаянно уронила и разбила ее всю. Теперь мне и жить нельзя: моя барыня такая сердитая, что изобьет меня до полусмерти!

Сапожница пошла в лавку, понакупила там стеклянной посуды, завязала в узел и ходит по городу. Смотрит – везут на повозке тушу ее мужа, и какой-то человек, что есть силы, кричит:

– Эй, православные! У кого не хватает одного человека в семействе? Мы нашли его убитым за городом! При нем нашли денег две тысячи!

Сапожница, как услышала эти слова, бросила свой узел наземь, да как заревет, да как заголосит, что есть силы. Подбежали солдаты и спрашивают ее:

– Ты о чем плачешь, голубушка?

– Да как же мне не плакать, да как же мне не голосить? Отдала барыня мне нести посуду, а я загляделась на вашего мертвого человека, спотыкнулась о кочку, уронила узел и разбила всю посуду. Пропала моя головушка горькая! Барыня моя такая сердитая, что хоть в воду бросайся: все равно изобьет до

полусмерти и прогонит от себя. Ох, ты, головушка ж моя с трещиной! – и опять заголосила баба.

Солдаты постояли, постояли, послушали, как голосит баба, и пошли. Сапожница наголосилась вволю и пошла домой.

На четвертый день пошел губернатор в тюрьму и рассказал про все колдуну:

– Так и так, – говорит, – три дня возили тушу по городу, и хоть бы один человек признал ее, никто даже и не заплакал. Только одна баба несла посуду, уронила ее и почти целый день ревела по ней...

– Эх, солдаты ваши рохли, – говорит колдун, – эта самая баба и была – либо жена, либо мать, а может, сестра, или дочь этой туше... Поймай ее ваши солдаты, нашли бы мы и вора!

– Что же теперь делать? – спросил губернатор. Колдун молчал, молчал, да и говорит:

– Теперь за городом в лесу поставьте виселицу и повесьте на нее эту тушу. Да закажите своим солдатам хорошенько караулить ее. А караульщиков чтобы было человек десять, да чтобы они не заснули: вор задумает украсть своего товарища, вот тут-то и поймают его солдаты.

На другой день губернатор приказал поставить за городом в лесу виселицу, повесить на нее тушу вора, отрядил двадцать человек солдат караулить эту тушу и ловить всякого, кто захочет снять ее. Пришла сапожница домой, ревмя-ревет по своему муже и пристаёт к Сазонке, чтобы он украл ее мужа: а то, – говорит, – пойду к губернатору и расскажу про все.

Сазонка узнал, что сапожника повесили за городом, и говорит сапожнице:

– Не плачь, баба, не нынче – завтра принесу тебе твоего мужа!

Пошел Сазонка на базар, купил там повозку с лошадей и со всею упряжью рублей за двадцать, купил бочонок ведер в пятнадцать, набрал в него полон водки и поехал за город. Подъехал супротив виселицы и давай лошадь бить: «Но! Но! Проклятая!», а сам топором по передней оси. Ось сломалась, бочонок упал и разбился – водка так и потекла по дороге. Сазонка как заревет благим матом! Некоторые солдаты услышали это, прибежали и стали расспрашивать Сазонку, о чем он так горько плачет.

– Да как же, братцы, не плакать! – говорит Сазонка. – Нанялся вот водку доставить из города, а лошадь, шкура этакая, подвернула, и ось передняя сломалась. У, треклятая! Через тебя мне теперь хоть в петлю полезай! – да как хватит лошадь топором по голове. Лошадь тут же и околела. Поплакал Сазонка еще немного и со слезами на глазах пошел назад в город. Солдаты, как ушел Сазонка, по очереди приложились к водке раза три и сделались на третьем взводе: к виселице насилу уже дошли. Товарищи спрашивают их:

– Где это вы так налимонились?

– Да там... Мужик вез водку, ось перекосилась, да, вишь, переломилась, бочонок разбился; водки, сколько хочешь, даром!!!

Солдаты со всех ног бросились к водке и к виселице пришли уж и лыка не вяжут. Через час все солдаты спали, как убитые. Сазонка переждал, пока солдаты поуснут, снял тушу сапожника и был таков! Принес ее домой, и вместе с сапожницей похоронили дома и голову, и тушу.

Солдаты проспали всю ночь. Утром – глядь! – туши как и не было. Испугались солдаты, пошли и рассказали обо всем губернатору. Губернатор

очень рассердился на солдат, дал им всем по плюхе, посадил в каземат и пошел опять к колдуну в острог.

– Так и так, – говорит, – товарищ-вор переполнил всех караульчиков и украл тушу... Что теперь делать?

– Эх, барин, зачем вы становите на караул таких людей? Давно бы вор был у нас в руках, а теперь вот ищи его! Теперь вы вот что сделайте: у него в городе, должно, есть любовница. Найдите, где она живет, и прикажите около дома выкопать яму: он ночью, как будет идти к ней, так и попадет в яму. Да смотрите, не становите караульчиков, а то он заметит их и не пойдет в дом. Утром можно его вытащить оттуда.

Целую неделю искали Сазонкину любовницу, все-таки нашли. Выкопали перед порогом яму, сажени две в глубину, и застлали ее сверху тоненьким мостом. Вечером идет Сазонка к любовнице и под мышкой несет охапку соломы: надо ноги вытереть от грязи. Шел, шел, да в яму и попал. Но Сазонка не испугался: вытащил из кармана сернички, зажег ими солому, поднял ее вверх, да как закричит: «Пожар! Пожар!» Народ увидел огонь, да и бросился к тому месту, где был пожар. Сазонка сейчас потушил огонь и сидит себе в яме. Слышит – бежит один человек, подбежал к яме, да туда. За ним другой, третий и набралась их полная яма.

– Зачем вы, братцы, попрыгали в яму? – спрашивает их Сазонка.

– Да, попрыгали! Какой-то дьявол устроил штуку: наделал пожару, а около хат понакопал ям. Теперь вот и сиди тут в яме целую ночь!

Сазонка только ухмыляется.

Утром пришли солдаты, смотрят, – а в яме полно людей. Позабрали всех и повели к губернатору. Губернатор стал спрашивать всех: «Вы как попали в яму?»

– Так и так, – говорят, – кто-то наделал пожару, мы сами видали огонь, побежали на огонь, да и попали в яму. Целую ночь не спали, продрогли. Отпустите нас домой!

Губернатор посмотрел, посмотрел – взял да и отпустил их домой. Пошел опять губернатор к колдуну и рассказал ему, как было дело. Колдун выслушал и говорит:

– Теперь вы сделайте вот что: дайте любовнице пузырек с такой мазью, которой смыть нельзя, и пусть она этой мазью сделает ему полосу на лбу, а утром вы пошлите солдат, и пусть они поищут хорошенько человека с черной полосой на лбу. Если не найдут такого человека, то сделайте обыск в каждом доме. Теперь уж он не уйдет от нас, голубчик!

Сказано-сделано: подкупили любовницу и дали ей пузырек с мазью. Как только пришел Сазонка к любовнице, она посадила его вечером и за вечером помазала ему лоб мазью. Сазонка сейчас же кинулся к любовнице, отнял у нее пузырек с мазью и был таков. На другой день Сазонка пошел на базар и давай всякого встречного и поперечного мазать этой мазью, мазал до тех пор, пока вышла вся мазь. Солдаты стали забирать людей с черными полосами на лбу и вести их к губернатору. Набрали таких людей человек сто. Начал их губернатор спрашивать:

– Кто это так пообмазал вам лбы?

– Какой-то человек ходил по базару и обмазал нам лбы. Говорит, что вы велели!

Губернатор отпустил их всех домой и пошел в тюрьму...

– Ну что, не поймали человека с черной полосой на лбу? – спрашивает колдун.

– Какой не поймали! Более ста человек приводили ко мне сегодня... Спрашиваю: «Где это вы замазали лбы?» «Да какой-то, – говорят, – человек, по вашему-де приказанию велел мазать...» Теперь еще что осталось делать?

– Теперь вы позовите в трактир всех людей, кто есть в городе, на полу понасыпьте золота и поставьте часовых, чтоб смотрели, кто будет брать деньги: тот вор – человек корыстный и не расстанется с деньгами, вот тут-то его и можно сцапать!

Губернатор так и сделал: попривал почти всех людей в трактир, понасыпал кой-где золота и начал угощать гостей. Пришел и Сазонка. Посмотрел, посмотрел кругом, увидел на полу золотые и рысью побежал из трактира: прибежал он в лавку, купил там смолы, намазал ею подошвы на сапогах и вошел в трактир. Как пройдет Сазонка по трактиру, так, где станет, золотых как не было. Выйдет Сазонка из трактира, пообирает с подошвы золотые и опять в трактир. Ходил до тех пор, пока собирал все золотые. Караульщики диву дались: никто не нагнал, а золотых ни одного нет. Рассказали об этом губернатору. Тот рассердился на караульщиков, поперебил их всех и пошел в тюрьму к колдуну.

– Так и так, – говорит, – я понасыпал золота по трактиру, понаставлял много часовых. Часовые божатся, клянутся, что никто не нагнал, а золотых ни одного не осталось, куда они делись, никто и ума не приложит.

– Эка, какой хитрый этот вор: должно быть, на подошвах сапог была смола: к ней и поприлипали золотые. Теперь вы сделайте вот что: посозовите опять всех людей в трактир, понасыпьте золота, только из трактира ни одного человека до самого утра не выпускайте. Ночью, когда все поуснут, пошлите туда людей, и пусть они осмотрят подошвы на всех сапогах. Как только найдут человека со смоляными подошвами, пусть только заметят его, а утром возьмут, а то ночью брать не ловко: еще бунт сделают.

Губернатор так и сделал: опять созвал всех людей в трактир, понасыпал золота. Народу пришлось видимо-невидимо. Пришел опять Сазонка и принес в кармане кусок смолы. Увидел Сазонка золотые, налепил на подошву сапог смолы и начал ходить по золотым. Когда золотых поприлипло много, Сазонка пошел к двери. Но в дверях его остановили и не пустили: «Не велено пускать – ночуйте здесь!» Так из трактира никого и не выпустили. Все остались в трактире ночевать и положились спать на полу. Когда все уснули, вошли четыре человека с фонарями и начали искать человека со смолой на подошвах. Сазонке не спится: «А что, если сейчас и возьмут? Тогда пропал!» Искали, искали часовые, – нашли Сазонку, обрадовались: каждый из них хорошенько рассмотрел Сазонку, и начали совещаться часовые: когда взять Сазонку – сейчас или утром. И порешили взять лучше утром, а то как бы бунту какого не вышло. Сейчас же дали знать губернатору, что нашли-де человека со смоляными подошвами. Губернатор очень обрадовался и приказал, чтобы из трактира никого не выпускали до его приезда. Как только ушли часовые из трактира, Сазонка взял и отпорол подошвы

от своих сапог. После этого он сказал слово, и все, кто был в трактире, заснули как мертвые: и начал Сазонка отпарывать подошвы у всех сапог. После этого он поднял доску в полу и попрятал туда все подошвы, и сам лег спать. Утром приезжает губернатор и входит в трактир.

– У какого человека сапоги со смоляной подошвой? – спросил он у часовых.

Те показали. Губернатор говорит Сазонке:

– Ты, молодец, зачем крал здесь с пола золотые?

– Я не крал, что вы – Бог с вами: я знать ничего не знаю и ведать – не ведаю!

– Как не крал? А покажи-ка подошвы!

– Что они так вам понадобились? На-те!

Губернатор – глядь! – а там никаких подошв нет.

– Что же вы говорили, что у него смола на подошвах? – сказал губернатор часовым.

– Ей Богу, были! Еще на правой подошве прилипло восемь золотых, а на левой одиннадцать! – ответили часовые. Сазонка глядь на свои подошвы, а их нет.

– Братцы, – обратился он ко всем, кто спал в трактире, – у меня нынче, когда я спал, кто-то отрезал подошвы!

Те глядь на свои – ни у кого нет; подняли крик, шум, брань, начали ругать губернатора на чем свет стоит. Губернатор видит – дурна шутка, скорей бежать. Так Сазонка и остался.

Видит губернатор, что вора ему не найти, и написал обо всем царю: как украли деньги, как ловили вора, и как он обманывал и губернатора, и часовых, и солдата. Царь приезжает в этот город. Народу собралось – не перечесть! Царь вышел к народу и сказал:

– Признавайтесь, кто обокрал казначейство?
Сазонка вышел вперед, поклонился царю в ноги и сказал:

– Я, Ваше Величество!

Царь подошел к нему и спросил:

– Тебя как зовут?

– Был когда-то Сазонка! – сказал тот.

– Молодец ты, Сазонка! Очень хорошо воровать умеешь! А за твое сознание вот тебе деньги! Бери, сколько хочешь.

И стал с тех пор Сазонка жить-поживать, да добра наживать».

Удивительнее всего то, что в основе этого старинного фольклорного сюжета лежит древнеегипетское «Сказание о царе Рампсините и неуловимом воре». Оно дошло до нас в записи греческого историка Геродота и относится, по мнению специалистов, к фараону Рамсесу II, в правление которого, действительно, могло произойти нечто подобное. Чтобы не быть голословным, приведу для сравнения это египетское предание в изложении «отца истории» Геродота:

«После Протея, рассказывали жрецы, царская власть перешла к Рампсиниту... Этот царь, по рассказам жрецов, был очень богат, и никто из позднейших царей не мог превзойти его богатством или хоть как-то сравняться с ним. Желая сохранить свои сокровища в безопасном месте, царь повелел построить каменное здание так, чтобы одна стена его примыкала к внешней стене царского дворца.

Строитель же коварно обманул царя и придумал вот что: он сложил камни так, что один из них можно было с легкостью вынуть двум и даже одному человеку. И вот, когда здание было готово,

царь велел сложить туда свои сокровища. Спустя некоторое время строитель в предчувствии кончины призвал сыновей (а у него их было двое) и поведал им, какую хитрость применил при строительстве царской сокровищницы ради того, чтобы обогатить их. При этом он все точно объяснил сыновьям, как вынуть камень, и указал, на каком расстоянии в ширину и высоту лежит он. Если они не забудут этого, добавил строитель, то станут «казначейми» царских сокровищ. После этого строитель скончался, а сыновья тотчас же принялись за дело.

Ночью они подкрались ко дворцу, нашли этот камень в здании, легко вынули его и унесли с собой много денег. Когда же царю случилось как-то войти в сокровищницу, он удивился, что в сосудах не хватает золота, но не мог тем не менее никого обвинить, так как печати были целы и сокровищница заперта. Царь дважды и трижды открывал сокровищницу, и раз от разу там оказывалось все меньше золота (ведь воры продолжали похищать его).

Тогда он сделал вот что: приказал наделать капканов и поставить их около сосудов, полных золота. А когда воры пришли в обычное время, как и раньше, то один из них проник в сокровищницу и только лишь приблизился к сосуду, как тотчас же попался в капкан. Поняв, в какой он беде, вор тотчас же кликнул брата, рассказал, что случилось, и приказал как можно скорее спуститься и отрубить ему голову, чтобы и другой брат не погиб, когда его самого увидят и опознают, кто он. А тот решил, что брат прав, и поступил по его совету. Он вставил затем камень на прежнее место и ушел домой с головой брата.

На другое утро царь вошел в сокровищницу и был поражен, увидев тело вора в западне без головы, а сокровищницу нетронутой, без всякой лазейки для входа и выхода. В недоумении царь сделал вот что: он повелел повесить тело вора на городской стене, затем поставил около тела стражу с приказанием, если увидят, схватить и немедленно привести к нему всякого, кто вздумает оплакивать или сетовать о покойнике.

Когда тело вора было повешено, то мать его пришла в негодование. Она обратилась к оставшемуся сыну и велела ему каким бы то ни было способом отвязать и привезти домой тело брата. Если ж сын не послушается, то мать грозила прийти к царю и донести, у кого находятся царские сокровища. Мать принялась жестоко бранить уцелевшего сына, а тот не мог ее успокоить и тогда придумал вот какую хитрость. Он запряг своих ослов, навьючил на них полные мехи вина и затем погнал. Поравнявшись со стражами, которые стерегли тело, он потянул к себе два или три завязанных в узел кончика меха. Вино потекло, и он стал с громкими криками бить себя по голове, как будто не зная, к какому ослу сначала броситься. А стражи, увидев, что вино льется, сбежались на улицу с сосудами черпать льющуюся из меха жидкость, считая, что им повезло. Вор же, притворно рассерженный, принялся осыпать их всех по очереди бранью. Стражи старались утешить его, и через некоторое время он сделал вид, будто понемногу смягчается и гнев его проходит.

Наконец он согнал ослов с улицы и снова стал навьючивать мехи. Затем у них начались разговоры, и, когда один из стражей рассмешил его какой-то шуткой, он дал им еще мех. А стражи тут же на

месте расположились пить, причем приглашали и его остаться, чтобы вместе выпить. Он позволил себя уговорить и остался с ними. Во время попойки стражи чрезвычайно любезно пили за его здоровье, и он тогда подарил им еще мех с вином. От славной выпивки все стражи скоро захмелели. Сон одолел их, и они завалились спать тут же на месте. Была уже глубокая ночь. Тогда вор снял тело брата со стены и затем остриг в насмешку всем стражам правую щеку наголо. Потом навьючил тело брата на ослов и погнал домой. Так он выполнил приказание своей матери.

Когда же царю сообщили, что вор похитил тело, он распалился гневом и захотел во что бы то ни стало узнать, кто этот хитрец, придумавший такие ловкие плутни. А сделал царь для этого вот что. Он поместил будто бы свою дочь в публичный дом, приказав ей принимать всех без разбора. Но прежде чем отдаться, она должна была заставить каждого рассказать ей свой самый хитрый и самый нечестивый поступок в жизни. А кто расскажет историю с воров, того она должна схватить и не отпускать.

Дочь так и сделала, как приказал отец. Вор же понял, чего ради царь отдал такое приказание. Он решил превзойти царя хитростью и сделал вот что. Отрубив руку по плечо у свежего мертвеца и скрыв ее под плащом, вор пошел к царской дочери. Когда он явился к ней, царевна задала ему тот же вопрос, как и другим, и он рассказал, что совершил самый нечестивый поступок, отрубив голову брата, попавшего в западню в царской сокровищнице, а самый ловкий поступок, когда напоил допьяна стражей и унес висевшее на стене тело брата. Царевна же, услышав эту историю, хотела схватить

его. А вор в темноте протянул ей руку мертвеца. Та схватила ее, думая, что держит его собственную руку. Вор же оставил отрубленную руку в руке царицы и выбежал через дверь.

Когда царю сообщили об этой проделке, царь поразился ловкости и дерзкой отваге этого человека. Тогда наконец царь послал вестников по всем городам и велел объявить, что обещает вору полную безнаказанность и даже великую награду, если тот явится перед его очи. А вор поверил и явился к царю. Рамсесит же пришел в восхищение от него и отдал за него замуж свою дочь, как за умнейшего человека на свете. Ведь как он полагал, египтяне умнее прочих народов, а этот вор оказался даже умнее египтян».

Совпадения между древнеегипетской легендой о неуловимом воре и ставропольской сказкой о колдуне Сазонке поистине впечатляют. Египтяне тоже рассказывали Геродоту о том, как ловкий воришка, чтобы скрыть личность своего поделщика, попавшегося в капкан в ходе грабежа сокровищницы фараона, отрезал ему голову; как царские слуги, чтобы поймать его, выставили обезглавленное тело на всеобщее обозрение; как хитроумный вор переиграл их, разлив на дороге вино и опоив фараонову стражу; как власти безрезультатно пытались схватить тать при посредничестве его любовницы; как он сам признался в содеянном перед царем, и как фараон простил его, восхитившись его умом и смекалкой. Правда, три тысячи лет спустя, при пересказе данной истории крестьянином Дорофеем Вареником, фараон Рамсес II превратился у него в ставропольского губернатора...

Трудно сказать, каким путем этот легендарный сюжет перекочевал из Древнего Египта в Ставропольскую губернию и лег в основу вышеприведенной сказки. Читали ли здешние крестьяне Геродота, переиначивая изложенные им истории на свой лад? Или же египетское сказание проникло в ставропольский фольклор через многовековую изустную передачу? Теперь этого уже никто точно не знает. Однако факт остается фактом: в 1886 году житель ставропольского села поведал тамошнему учителю классический древнеегипетский сюжет, прекрасно усвоенный на местной почве, переработанный и расширенный народной молвой за счет множества сказочных добавлений.

Поистине, неисповедимы пути взаимопроникновения культур и цивилизаций. Равно как и непредсказуемы судьбы литературных сюжетов, переживающих порой не только века, но и целые тысячелетия, обретая новую жизнь в самых неожиданных местах и фольклорных формах.

Возьму твою боль

«Ладно, все», – думал он, вводя себе огромную «передозу». – Устал». Надоели постоянные скандалы, слезы и истерики матери. Все, что можно было вынести из дому, «проколот», даже вещи с себя распродал, одевать нечего. А дозу за пять лет в системе нагнал огромную, на нее каждый день нужны деньги. Где их взять? Работать? Когда руки дрожат, и общаться нормально разучился, об этом не может быть и речи. Чуда исцеления после неоднократного лечения в наркологическом диспансере, психиатрических больницах и различных клиниках, в том числе и столичных, уже не ждал. «Ну, а как трезвыми глазами смотреть на этот серый мир? Все, устал. Больше не могу», – теперь он лежал в постели, уставясь в потолок. Ломка отступила, не принеся обычного облегчения, – вдруг стало страшно. Страшно умирать. Сколько знакомых ребят уже ушли туда, теперь вот и его черед пришел. Двадцать пять лет всего, и не пожил. Что там, за чертой тлена? Боже, как жутко уходить навсегда! Взглядом он нашел старую дедушкину

ЕЛЕНА
АНОХИНА

*Публи-
цистика*

икону, что с детства стояла на шкафу, встал на колени и, не сводя заплаканных глаз со строгого лика Господа, начал горячо шептать слова единственной молитвы, которую знал: «Отче наш». Он читал ее двадцать раз, тридцать.... Потом пришло забытье.

Прошло десять лет с тех пор...

И теперь, к счастью, позади и опасные «взлеты» его криминальной карьеры, и губительные падения. Передо мной – крепкий и представительный тридцатилетний мужчина, руководитель Спасо-Преображенского центра по реабилитации наркозависимых при Ставропольской епархии, примерный отец семейства. Прошедший все круги ада, он анализирует причины поступков людей из криминальных группировок, как «рядовых», так и «авторитетов». «Почему пацаны «гудят» в кабаках? Просто у них болит душа,- задумчиво говорит он,- теперь я понимаю: грехи болят. Ведь, несмотря на все «достижения» жизни, идущей вне закона, морали и нравственности – вне Бога, – непонятная, неосознанная тяжесть эта никогда не проходит. А пустота требует наполнения. И как не пытаешься «залить» боль водкой, заполнить блудом, наркотиками или иными страстями, невыносимые страдания возвращаются. Потом идет новая попытка заполнить душевный вакуум, но все возвращается к нулевой отметке: к невыносимой боли».

Вот так и у него однажды наступил предел: он предпринял попытку самоубийства. Ведь деньги брать было уже неоткуда, а страдать он не хотел. Дальше так продолжаться не могло.

Когда внутривенно была введена доза наркотика, в пять раз превышающая допустимую, кожей почувствовал он близкое и тленное дыхание смерти – и физической, и духовной. Как человек, воспитанный без веры, но в православной культу-

ре, на уровне подсознания он не мог не понимать, что уходит не в блаженное Горнеее Отечество, что ждет христианина после естественной смерти. Что самовольно лишивший себя жизни уходит в ту же пустоту и боль, от которой бежит, и муки его после смерти только умножатся. Было ли Николаю видение, или ощущение ужаса совершаемого, и уже непоправимого грехопадения, Господь вложил в его сердце, но в последние минуты жизни возопил падший к Нему: «Бог! Если Ты есть, помоги мне!» Будто выплыла из глубины сознания спасительная истина: верь Господу, бойся Его гнева, и – проси милости к заблудшему чаду своему. Ибо просящему дает Господь свою защиту и правду.

И открылись глаза его. Рассказывает Николай, что произошедший в душе перелом невозможно было разглядеть извне. Проснулся он на следующий день в полном здравии (после такой передозировки!) и без ломки, но после обеда опять укололся. Ночи напролет, как и прежде, проводил в притонах – играл в карты, пил, кололся. Но странно: смотрел на все происходящее будто со стороны. И удивлялся про себя, глядя на друзей: «Вы тут сидите, играете, и не знаете, совсем не понимаете, что я – уже не свой. Я уйду от вас!», – думал Николай. Великая Сила тянула его прочь из этого бедлама, давала отвращение к прежнему существованию. Теперь он точно знал, что есть Свет в этой крошечной тьме.

От жалости к страдавшей матери и таявшему на глазах отцу (он и умер-то от горя), сердце теперь так разрывалось, что нечем было дышать. Но трезво понимал, что прежние, уже испытанные, методы лечения ничего не дадут. Не заполнят капельницы и гипноз, двадцать пятый кадр и иные манипуляции ту пустоту и боль, от которой пытается уйти каждый наркоман, укутываясь, как в спасительные

пелены, в туманный угар «радостных» душевных галлюцинаций. Николай, единожды испытав бескрайнюю Божью благодать, понял: только Господь может вытеснить наркотические суррогаты. А значит, и идти нужно – к Нему.

Так незаметно началось духовное перерождение.

Всегда и все случается вовремя. И потому одна нечаянная встреча повернула жизнь мятущегося на сто восемьдесят градусов.

Денег на спасение наркоманов не давал никто. Только протестантская церковь протянула руку помощи, конечно, не без выгоды для себя. Начинали дело в Краснодаре, постепенно открывая центры и в других городах России. Это были годы борьбы не только с внешними обстоятельствами, мешающими движению, но и противления самому себе.

Движение «Исход» набирало силу. Николай уехал в город Михайловск Ставропольского края, где от протестантской организации «Исход» начал организовывать «Фонд помощи наркоманам», но чувствовал: под нынешним флагом движение зашло в тупик. Дело в том, что духовно-нравственной основой единения и формирования нашего народа, его характера, испокон веков было Православие. Протестантство же, будучи отделившейся ветвью христианства, из-за некой чужеродной ограниченности не удовлетворяло его духовным исканиям как русского человека, стремящегося в совершенствовании все выше и выше. Само служение, теологические особенности протестантского учения, как и неоправданно быстрое продвижение проповедующего по служебной лестнице, жесткий надзор за личной жизнью прихожан вызвали ощущение несвободы.

А когда, прикормив деньгами стихийно возникшее в России жизнеспасительное движение, иностранцы стали хитро прельщать уже готовые, опытные кадры красочной зарубежной жизнью, Николаю все стало ясно. «Западные прагматики обедняют нашу страну, обещанием легкой жизни переманивая умы. Как только у нас появляются способные люди в любой области: науке, культуре, или иной другой отрасли, их тут же за гроши (по западным меркам) «покупают» и держат в золотой клетке. Повязанные кабальными договорами, наши специалисты работают там за деньги, смешные для западного профессионала того же уровня. В семьях иммигрантов рушатся русские традиции, в чужеродной среде отмирают духовные корни, заменяемые некой космополитической субкультурой. И внуков «перебежчиков» уже никто, в том числе и они сами, русскими не считает. Он не хотел такой участи для своих потомков, и не было желания быть марионеткой в чьих-то руках. Конечно, в Испании, например, реабилитационные центры для наркозависимых вроде бы выполняют те же функции, что и у нас. У сотрудников там есть дома, машины. Им не нужно думать, чем за газ заплатить, как короле сена заготовить, где трактор достать и – что принести в свою семью. Но в нашей истории уже была массовая миграция на Запад, и что стало с ними, спасшими свои жизни? А тех, кто остался, называют патриотами: в трудную минуту они не бросили Россию, разделив выпавшие на ее долю страдания».

Так, после пяти лет пребывания в «Исходе», очутился Николай с семьей (родился сын) в Ставрополе без средств к существованию. С огромной болью в сердце, отверженный старыми друзья-

ми (протестанты поставили запрет на общение с ними), пришел он к отцу Игорю Подоситникову после увиденной телевизионной передачи «Ставропольский Благовест», чтобы спорить, ссориться и доказывать свою правоту: ведь священник назвал протестантов из «Исхода» еретиками, посланными Западом. Шел Николай на бой и был смущен приемом, оказанным протоиереем. Тот усадил его за стол, налил чаю и спокойно выслушал, как старого друга. Объяснил точку зрения Православной Церкви на протестантское служение и предложил продолжить дело спасения от наркотической смерти заблудших людей, только уже в лоне родной, Православной церкви. И Николай задумался.

Занимая пост пресвитера протестантской церкви, там он имел власть: сто пятьдесят человек было в подчинении. Но, после тяжких раздумий, не слушая посыпавшихся предложений из других протестантских общин, приехал работать к отцу Игорю пономарем, – подавать пастырю кадило, брал благословение на всякое дело. «Возвращаясь в Православие, я понимал, что нужно начинать со смирения – основы отеческой веры, – объясняет свой поступок Николай. – Ведь для протестантов главное – гордыня. Они говорят: «Мы святые! Мы возьмем страну для Бога! Мы все можем!». А у православных главное – покаяние и тяжелый молитвенный труд. Мы просим: «Господи, будь милостив ко мне, грешному!», и потому, с божьей милостью, взлетаем к небесным высотам», – взволнованно говорит новообращенный.

Отец Игорь Подоситников, ставший Николаю духовным наставником, вел его за собой, простой жизнью и истовым служением, образованностью, начитанностью, мудростью и добротой завоевы-

вая у молодого человека все больший авторитет. Вникал пономарь в особенности православного богослужения, полюбил старославянские чтения и любовно штудировал предания старцев. Просвещение потребовало большой усидчивости и тяжелейшей работы над собой. «Если человек не будет трудиться, изучая после ереси основы Православия, то в очищенную душу могут прийти семь злейших. И тогда ты рискуешь, уйдя из одного ада, прийти в еще больший», - убеждает он.

И однажды отец Игорь и Николай решились обратиться за отеческим наставлением и поддержкой к Митрополиту Феофану. Владыка благословил подвижников на создание Спасо-Преображенской обители – центра реабилитации для наркоманов.

«Начинать с нуля, даже имея опыт работы, было страшновато, – вспоминает наш герой. – Но Преосвященный понимал, что создание реабилитационного центра нужно и важно для Церкви именно сейчас. В поисках места для размещения реабцентра мы с отцом Игорем уже через несколько месяцев остановили свой выбор на разрушенном комплексе строений за селом Темнолесское».

Огромное круглое плато, на котором расположены дома и хозпостройки, приподнято над округой на сотни метров и пологими террасами величаво спускается в глубокие и обширные долины. Кустарники и деревья, осенью сбрасывающие свою листву и возрождающиеся по весне, ложбины в утренней дымке, пруды между холмами, а над ними – высокий купол неба. Вокруг – горы Ставропольской возвышенности, одна из которых, – Стрижамент, – является и самой высокой ее точкой, и заповедником всероссийского значе-

ния. И если природотерапия что-то значит в исцелении, то здесь она налицо: красота такая, что дух захватывает!

К тому времени все пригодное для жизни в округе было уже куплено или стоило огромных денег, но приобретенный на скромные деньги епархии участок земли бесценен: кроме строевых, он содержит 220 гектаров заброшенных садов и 135 гектаров пашни. В корпусах не было ни окон, ни дверей, с их восстановления и началось движение вперед. О том, какими трудными были первые шаги, знают немногие. Не было ни света, ни воды, ни дров – не говоря уже о газе.

«В тот период мы мало читали, но много трудились, – продолжает воспоминания Николай. Низкий поклон Владыке и благодарность от нас отцу Игорю за помощь и поддержку – как в старой русской сказке, мы варили кашу из топора. Ездили и по предприятиям, и по различным организациям с просьбами пожертвований для обители. Жена с сыном жили в Ставрополе, а я дома почти не бывал. Трудно пережили первую зиму с горсткой людей, для которых Бог, Родина и жизнь слились воедино. Из пятидесяти прошедших через реабилитацию выдержали и остались меньше десяти, вот они-то и возглавили филиалы в Георгиевске, Невинномысске, Михайловске и Армавире. И ребята, ушедшие той холодной зимой, возвращаются – ведь у нас теперь щадящие условия для жизни».

Говорил Николай и о трудностях воцерковления, и о бесполезности попыток исцеления наркоманов в монастырях. Даже обычный, здоровый человек, по его словам, должен иметь не только духовную подготовку, но и определенный склад характера, склонность к суровому подвижничеству.

ству. «А наркоман, больной человек, – из мира, в грехе, сразу приходит в монастырь, находясь не просто в нуле – в глубоком минусе. Чтобы вернуться хотя бы к нормальному человеческому существованию, он должен будто заново родиться: научиться причесываться, умываться, чистить зубы, убирать за собой и т.д. И только когда личностное развитие удастся вывести, как минимум, на уровень двенадцатилетнего подростка, возможно православное просвещение, – продолжает он. – Человека нужно научить церковным обрядам, приучить ежедневно читать «Жития Святых», Писание – то есть ввести в церковную жизнь (что, по идее, должны были делать наши предки при нормальном ходе истории). И только тогда человек готов, при желании, жить в монастыре».

Непосредственной задачей реабилитационного центра, по мнению Николая, является не нотации и убеждение в пагубности наркомании, а создание условий для самоутверждения человека. «Каждый приходящий к нам должен состояться как личность – раскрыть Богом данные способности и понять свои собственные интересы, – продолжает Николай. – А что касается количества обитающих в обители и срока их пребывания на реабилитации, то вспомним учеников Христа, Апостолов. Неграмотные, безбожники, они пошли за Господом и, пробыв с Ним чуть больше трех лет, стали проповедовать истину на многих, дотоле неизвестных им языках. А затем написали Евангелие – Книгу, по мудрости и образности превосходящую все написанное в старой и новой истории человечества. Поэтому стараемся, чтобы в каждом филиале Спасо-Преображенского реабилитационного центра было не более двенадца-

ти человек, составляющих единую семью. И срок пребывания устанавливаем в тех же пределах – три года. Ведь ничего случайного у Господа нет, убеждает он. - Но не будет же реабилитант сидеть все эти годы на одном месте. Полгода прошло – едет старшим в другой филиал. Одновременно, при желании, учится и получает профессию, – например, водителя. В дальнейшем определяем его, по благословению Владыки Феофана, в любой храм епархии тем же водителем, или поваром, сторожем: лишь бы при храме, лишь бы при службах. Ведь если ты – с Господом, Он возьмет твою боль».

Линия Сулова

Одним из белых пятен в истории края является строительство с ноября 1941-го по май 1942 года между селом Бешпагир и хутором Базовая Балка линии оборонительных укреплений – дотов, противотанкового рва, траншей. Эти укрепления в народе прозвали оборонительной линией Сулова по имени первого секретаря крайкома партии. Но до сих о том беспримерном трудовом подвиге наших земляков, как правило, юных ребят допризывного возраста, девушек, женщин нам мало что известно.

Мы попытались лишь приподнять завесу над той самоотверженной стройкой, в которую только в нашем крае были вовлечены более сотни человек. В основу публикации легли архивные документы, сохранившиеся воспоминания трудармейцев, детей войны села Бешпагир.

Последний в селе свидетель

Места, связанные с той всенародной стройкой в селе Бешпагир, показать нам пообещала

**АЛЕКСЕЙ
КРУГОВ
ОЛЕГ
ПАРФЕНОВ**

Краеведение

директор местного краеведческого музея Елена Чернова, человек обаятельный, радушный, в дело свое влюбленный без остатка. Наше знакомство с ней, естественно, обернулось музейной экскурсией. Извинившись, что по образованию она не историк, Елена Викторовна тем не менее водила нас по небольшим музейным комнаткам часа три.

Мы не были с ней знакомы до этого, да и увидимся ли еще?.. Но первое впечатление от знакомства было таким: не программами по импортозамещению живо село наше, а людьми, которые живут в нем. И не надо быть историком, чтобы так искренне, так трепетно любить свою малую родину, с такой ответственностью подходить к своему делу, по крохам собирая историю заброшенного в степях села.

Елена Чернова узнала о судьбах почти всех сельских фронтовиков без вести пропавших и погибших на фронтах той войны, как правило, рядовых солдат. Ведет переписку с европейскими историками-исследователями в Чехии, Польше, Болгарии, кому дороги подвиги наших воинов, к могилам которых они приносят цветы.

Представьте: попадаешь ты в неизвестное тебе место, слушаешь рассказы о людях, которых ты никогда не знал, но живших здесь, фронтовиках и военнопленных, вернувшихся с орденами или сожженных в печах концлагерей, всматриваешься в их лица на стареньких фотоснимках и вдруг ощущаешь, что их судьбы – это и твоя судьба, это твое прошлое, твоя история, твоя страна. И щемит сердце... Ну что еще добавить?

Если кто из вас, уважаемый читатель, окажется в Бешпагире, зайдите в местный музей в небольшом деревянном домике бывшего волостного правления. Местные охотно покажут дорогу вам.

Это одно из тех мест, где понимают разницу между рассчитанным на массы лубочным овеществлением войны и великой трагедией народа.

Строителей Суловской оборонительной линии в селе давно уже не осталось. Елена Викторовна знакомит нас с Николаем Кузьмичем Клишиным, местным старожилом, в 1941 году восьмилетним мальчишкой, о том времени оставившем самые живые воспоминания. Как, например, срезал кожаные ремни, на которых немцы к мотоциклам крепили канистры с бензином, за что и был выпорот ими посреди двора. Как после спешного ухода немцев с товарищем пальнул из брошенной гаубицы – благо, никто не пострадал, но соседний дом чуть не развалился.

Помнит и то, как до оккупации в их хатке с ноября 1941-го по апрель 1942-го жили шестеро городских, присланных на строительство оборонительной линии. Вместе с домашними на три крохотных комнатки приходилось десять человек, так что спали вповалку, подстелив на полу соломы.

Молодые ребята, студенты, не знавшие крестьянского труда, уже после первого дня ладони в волдырях, а некоторые стерли руки «до самого мяса». Никакой техники на стройке Николай Кузьмич не помнит, да и не было ее, копали вручную. Зимой в степи продувало до костей, не то, чтобы работать – порой устоять на ногах невозможно было. Но вся эта трудовая армия, состоявшая в основном из старшекласников, студенток институтов, упорно прокладывала противотанковые рвы – четыре метра в ширину, три в глубину.

Сохранилось, правда, еще одно свидетельство той стройки – давнишнее письмо работников бешпагирского колхоза имени В.И. Книги в редакцию краевой газеты: *«Грянула война. Всех мужчин за-*

брали в армию, остались в селе старики и женщины с малолетками. Родителей наших заставляли копать траншеи, чтобы не прошли танки. Холод, а они работали у Соленого озера и у хутора Базового....»

Больше о той стройке в селе ничего не известно.

500 и более процентов

На Бешпагирских холмах, по словам Кузьмича, точно можно отыскать следы восьми-десяти долговременных огневых точек, или ДОТов. Наверное, еще есть, но кто его знает, где они...

Мы едем в сторону Соленого озера, что за селом километрах в трех-четыре. По правую сторону от дороги среди гладкого распаханного поля Елена Викторовна показывает на холм – лет двести назад здесь находился Бешпагирский редут Азово-Моздокской оборонительной линии. Неподалеку видны небольшие поросшие лесом и кустарником островки – один, второй, чуть поодаль – третий. Там, среди зарослей боярышника и дички, огромными каменными глыбами из земли торчат остатки тех самых огневых точек.

Почему они не сохранились до наших дней, ведь строили на века – из местного камня и металлической арматуры? Разрушить эти толстостенные укрепления даже современной техникой дело непростое. Немцы перед отходом – Кузьмич подтвердил – их не взрывали, да и не до этого было им, если по всему селу побросали такни, грузовики, легковушки. Противотанковых рвов здесь не видно – еще в советские времена их распахали под колхозные поля.

Елена Викторовна показывает на высокий пригорок, левее озера. Между кошарами и посадками крымской сосны, в паре километров от нас, отчет-

ливо видны два ДОТа. Мы направляемся к ним. У подножия холма переходим противотанковый ров. Несмотря на оползни в этом месте, ров сохранился очень хорошо. Выше, метрах в ста, находятся огневые точки. До самого сосняка от них с равными интервалами уходят сети соединительных траншей. Вся округа как на ладошке. Если подняться еще выше, к самому лесу, оттуда ясно виден Ставрополь. Вот оно место тех трудовых подвигов – для жизни, для Победы.

Если по прямой, от Бешпагира до Базовой Балки будет километров семь-восемь, то сколько всего было построено на этом участке таких укреплений? Сколько их вообще надо было возвести, чтобы остановить немцев или хотя бы задержать? На сколько километров протянулся огромный противотанковый ров – на десять, двадцать?.. Вообще же масштабы проделанной работы впечатляют. Странно, что никто не пытался установить здесь хотя бы скромный памятный знак.

К Ставрополю немцы подошли со стороны Ростова, заняв город 3 августа, а в Бешпагире были только спустя пять дней. Кому вообще на этом направлении советское военное командование хотело дать отпор? Единственно возможная версия – Советский Союз всерьез опасался вступления в войну на стороне немцев Турции. И если под Ростовом подобные оборонительные сооружения строились на самых подступах к городу, чтобы не сдать его немцам, то на Ставрополье линия Сулова, по всему, имела совсем иное предназначение.

Работы по созданию оборонительной линии, писали местные газеты, велись ударными темпами и «с большим патриотическим подъемом». В приказе за №47 по Бешпагирской стройке от 22 ноября 1941 года было сказано: «Ни холод и стужа, ни

дождь и снег – ничто не останавливает советских патриотов выполнять и перевыполнять задания на 200-500 и более процентов!»

Между тем эта линия, отнявшая здоровье у тысяч молодых людей, но так и незавершенная, была пройдена немцами без единого выстрела.

Куратор товарищ Берия

Летом и осенью Ворошиловск, ныне Ставрополь, жил новой жизнью, вслушиваясь не только в сводки Совинформбюро о событиях на фронтах, но и к тому, что происходило в самом городе. Настораживало буквально все, особенно растущее число госпиталей, скоро занявших большинство зданий школ, институтов, клубов. Стремительно росло число беженцев, как правило, евреев.

В городском парке и в других местах появились бомбоубежища. Железобетонное газобомбоубежище, сложенное из бутового камня на специальном растворе, построили в начале бульвара, на углу сегодняшних проспектов К. Маркса и Октябрьской революции. Перекрытия и стены снаружи были покрыты слоем жирной газопоглощающей глины. Это было сооружение с герметически закрывающимися дверями, рабочими и спальными комнатами, столовой и могло выдержать прямое попадание 500-килограммовой авиабомбы.

Молодежь записывалась в различные кружки – связистов, автомобилистов, парашютистов. Проходили занятия по стрелковой подготовке и химзащите. 13 октября 1941 года Государственный комитет обороны принял постановление о создании Главного управления оборонительного строительства с целью форсированного возведения оборонительных линий по типу полевых укреплений.

Специальным группам строителей поручалось возведение оборонительной линии в районе предгорий Северного Кавказа от Темрюка по южному берегу реки Кубань через Баталпашинские предгорья и далее по южному берегу Терека до Каспия. Предстояло возвести следующие укрепрайоны – Краснодарский, Тихорецкий, Ставропольский, Грозненский... Рубежи необходимы были для того, чтобы задержать немецкие войска и выиграть время для формирования воинских частей на периферии страны. Общее руководство оборонительным строительством поручалось Наркому Берии.

Уже 21 октября в Ворошиловске прошло заседание бюро Орджоникидзевого крайкома, на котором было принято решение о строительстве укрепрайона на Бешпагирских высотах, а также о мобилизации 115,5 тысяч человек трудоспособного населения из числа колхозников, студентов вузов и техникумов, старшекласников, служащих учреждений и домохозяек. Но и эти цифры, думается, занижены, ведь строго учета никто не вел.

Судя по документам, одновременно с мобилизацией «трудовых единиц» из колхозов и учреждений на стройку направлялось 7550 подвод с лошадьми, 126 автомашин и 176 тракторов.

Каждый за 40 дней работы должен был «выполнить 100 кубометров земляных работ». Если «трудовая единица» не выполнит объем работ в установленный срок, говорилось в решении бюро, то должна выполнить его в дополнительное время.

За работы по возведению линии Сулова непосредственно отвечали работники крайкома партии Шадрин, Баранов, Золотухин, Щелкунов и Громов.

Киркой и лопатой

Мобилизация населения «на окопы» проходила в большой спешке, людям зачастую не объясняли даже, что ждет их. Многие не брали с собой ни сменного белья, ни теплой одежды, ни подходящей обуви. Сажали в машину и – вперед! Десятки тысяч людей разного возраста (мужчины от 15 до 55 лет, женщины – от 16 до 50) и профессий отправились на строительство оборонительных укреплений.

Понятно, что такую огромную трудовую армию требовались снабдить кирками, топорами, стальными клиньями, но, как оказалось, инструмента катастрофически не хватало, не говоря уже о тракторах и машинах. Строители ходили по дворам колхозников и выпрашивали лопату и лом.

Осенью начались затяжные дожди, в степи стояла непролазная грязь, затем резко ударили морозы, доходившие до 20 градусов. Ледяной ветер валил с ног. Земля промерзала до метра, работа превращалась в сущий ад.

В декабре 1941 года «Орджоникидзевская правда» писала:

«Сильный холодный ветер сковывал движения, снег слепил глаза. Земля с трудом поддавалась даже под многократными ударами лома и кирки. Одно и то же место приходилось долбить долго, пока не отлетала глыба смерзшегося грунта... В двенадцать ночи отделение выбросило из котлована последнюю лопату грунта... Никто из них раньше не был ни землекопом, ни каменщиком... Пурга была такая сильная, что кое-где вынуждены были прекратить стройку, работали почти 18 часов без отдыха... Поздно ночью сооружение было почти закончено».

Большинство строителей оборонительных укреплений на Ставрополье были девушками. Студентка Ставропольского педагогического института Ольга Грачева, выполнявшая по 150-200% нормы, была награждена медалью «За трудовую доблесть». Другим передовикам торжественно вручали грамоты.

К сожалению, в крае нет полных и точных сведений о строительстве оборонительных сооружений на Северном Кавказе.

Вот лишь некоторые цифры. Так, до 29 января 1942 года в крае было выполнено 8767 тысяч кубометров земляных работ. На танкоопасных направлениях под руководством военных инженеров и саперов населением было построено 533 километра противотанковых рвов, эскарпов и других преград, 2437 пулеметных и пушечных дотов и дзотов, а также открытых огневых площадок.

В мемуарах бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев в целом по югу страны приводит такие данные: построено около 100 тысяч оборонительных сооружений, из них свыше 70 тысяч огневых точек; противотанковых рвов вырыто 660 км, противопехотных препятствий – 316 километров, ходов сообщения и траншей – 1639 километров.

Всего на строительстве оборонительных рубежей на Северном Кавказе было задействовано не менее 300 тысяч человек. В районе Туапсе, а также на высокогорных перевалах, приходилось взрывать скалы, валить лес. Кроме гражданского населения были задействованы военные строители 9-й и 10-й саперных армий и заключенные.

Между тем труд сотен тысяч людей оказался практически напрасным. Уже после войны это при-

знал бывший начальник штаба инженерных войск Северо-Кавказского фронта Б.В. Баданин:

«Никакой пользы не принесли и те оборонительные рубежи и заграждения, которые строились без учета реальной обстановки и боевых возможностей войск. Немало было противотанковых рвов и других земляных заграждений, заблаговременно открытых на Кубани и в Ставрополье по рубежам рек и на городских оборонительных обводах, которые легко были преодолены противником...»

Еще более категорично высказался бывший начальник оперативного отдела Генштаба, генерал армии С.М. Штеменко: *«Никаких серьезных, подготовленных к бою оборонительных рубежей южнее Ростова у нас не было».*

Вот она, наверное, и есть та главная причина, по которой о народной стройке скоро забыли и сегодня не вспоминают, не знают. Да и зачем лишний раз напоминать о растерянности и бездарности верховного советского руководства, командармов, бросивших сотни тысяч граждан на бессмысленную стройку. Так-то оно так.

Но разве можно забыть о трудовом подвиге наших родителей, защищавших родину на своем посту? Память наша о том событии и есть высшая награда для них.

Воспоминания жителей Ставрополя, мобилизованных в 1941 году на строительство оборонительных сооружений у Бешпагирских высот

Лариса Ивановна ЧУРИКОВА, накануне войны студентка Ставропольского мединститута:

– Нас, студентов, отправили рыть окопы у села Бешпагира и хутора Базовая балка. Ночевали в сви-

нарнике вместе со свиньями. Замерзали до окоченения, мне потом пальцы на ногах чуть не отрезали. С утра до ночи долбили кирками промерзшую землю, затем выгребали ее на тачки лопатами. И так изо дня в день при скуднейшем питании, пока не распустили по домам. Как пережили это, до сих пор не знаю...

Екатерина Александровна РАСТОРГУЕВА, в прошлом студентка Ставропольского пединститута:

– Зима была ранняя и суровая с постоянными метелями, большими заносами и ледяным ветром. Нас расселили по хатам колхозников. Кормили только по вечерам, когда приезжала полевая кухня, в основном – кашей. Спали прямо на полу, на соломе, поверх которой стелили дерюжки. В чем работали, в том и засыпали.

Поднимались в пять утра. До места работы шли пешком более часа и работали до семи вечера. Лопатами и кирками вгрызались в землю. Почти у всех на руках образовались кровавые мозоли, были отморожены руки, пальцы ног, лица. Начались болезни, а лекарств никаких...

Анатолий Григорьевич ШУТКО, в 1941-м школьник:

– Осенью нас, старшеклассников, отправили на рытье противотанковых рвов в районе Бешпагира. Завидовали тем, кто попадал на постой в дом к кому-нибудь из колхозников. Спали на полу, вповалку, кроватей не было. Жили по военному порядку, вставали в шесть утра, а то и раньше, завтракали и в степь.

Осенью было не так холодно, трудились с полной отдачей, молодые ребята, крепкие, силы были.

Понимали: для фронта работаем, для Победы!.. А когда пошли дожди, утопали по уши в грязи, ноги вязли так, что нельзя было с места сдвинуться, лопаты залипали. Мы проклинали Гитлера, непогоду и... продолжали копать. Одежда за ночь не просыхала – топили в хатах скудно, экономно, да и то под утро. Работали в насквозь мокрых фуфайках и пальтишках, ими же укрывались ночью.

Но тяжелее всего пришлось зимой, лютой и вьюжной. Не у всех были теплые вещи. Ночью пурга почти полностью заметала ров, и сначала приходилось очищать его от снега, а потом уже вгрызаться в промерзшую землю. Пытались разводите костры из курая и соломы, да что толку. Долбили ломами что было сил. Особенно доставалось девушкам, многие и лопату-то никогда в руках не держали, ладшки стирали в кровь.

Голод, помню, мучил постоянно. Селяне подкармливали нас картошкой, чечевичной кашей, но огромную армию не прокормишь. Купить продукты тоже было невозможно – колхознику деньги не нужны. Правда, местные жители охотно выменивали у нас, городских, на продукты вещи, но что могли мы предложить им, когда сами ходили в обносках?..

Благодарненские хроники

Город Благодарный, возникнув в 1782 году, быстро развивался и становился крупным экономическим и культурным центром региона. В 1880 году, тогда еще село Благодарное, стало центром Новогригорьевского уезда, а после его разукрупнения в 1900 году, центром Благодарненского уезда, самого большого, как по территории, так и по численности населения в Ставропольской губернии.

Культурная жизнь в селе Благодарном на рубеже XIX–XX веков

В конце XIX века основным местом культурной жизни уездного села Благодарного было общественное собрание, где проводились танцевальные вечера, любители сценического искусства ставили спектакли. Спектакли показывались бесплатно для бедной части населения, а также были платные – для сбора благотворительной помощи голодающим, или, как в 1897–98 годах, для сбора средств педагогическому музею Ставропольской дирекции. Кроме

**ВЛАДИМИР
ЗАБЕЛИН**

Краеведение

общественного собрания спектакли показывали и в отдельных училищах.

Устраиваемые любителями (так назывались артисты самодеятельного театра, еще их называли «любители сценического искусства») пользовались большой популярностью и уважением среди населения. Репетиции проходили при участии зрителей. На генеральные репетиции всегда приглашались «местные крестьяне и беднейшие обыватели села Благодарного» для бесплатного просмотра постановок.

Вторым культурным центром было 2-х классное министерское училище (заведующий Н. Рябых), в котором «для отвлечения от пьянства народа и чтобы доставить ему разумное развлечение в праздничные и другие свободные дни» велись учителями чтения с показом туманных картинок. По окончании их, «дабы развить охоту к чтению», крестьянам раздавали книги из имеющейся при училище народной библиотеки. Здесь же за счет благотворительных средств проводились различные мероприятия и устраивались, например, для детей елки на Новый год. Активными деятелями такой благотворительности были полковник Козлов, почетные блюстители П. И. Шевченко и В. И. Меланьев.

Традиционными были мероприятия, проводимые по случаю дня рождения и памяти знаменитых поэтов и писателей. Утром 26 мая 1899 года в здании 2-х классного училища, в присутствии учеников всех школ, членов уездной администрации и любопытствующих была отслужена панихида по А. С. Пушкину. По ее окончании один из учеников 2-х классного училища рассказал биографию великого поэта. Для более полного ознакомления с творчеством Пушкина всем присутствующим раздали по одному экземпляру его сочинений юбилейного издания.

На другой день, вечером, 27 мая, состоялось чтение из сочинений поэта с показом сюжетов световыми картинками. На чтении было много людей, поэтому решили перенести чтение во двор училища. Кроме световых картинок, чтение сопровождалось пением хора учащихся, пением церковного хора и игрою специально для этого приглашенного оркестра. Вся территория двора и прилегающие улицы были переполнены желающими послушать. Торжество закончилось далеко за полночь. Присутствующим предложили скромное угощение, а ученики получили по кульку разных лакомств.

В праздничные дни в Благодарное приезжали разные артисты. В марте 1899 года на праздновании «масленицы» выступал цирк Дейки. В течение недели артисты покоряли зрителей выступлением наездниц на 9 лошадях, клоуны смешили публику и пр. Зрители располагались следующим образом: первые два ряда занимала интеллигенция, а остальные ряды – крестьяне, которых было значительное большинство. Как вспоминали впоследствии присутствовавшие, «между двумя категориями зрителей, – несмотря на разницу социального положения, – царствовала гармония, единодушие».

В 1901 году современники говорили о культурной жизни в селе Благодарном с восторгом: «Иной раз, право, забудаешься... Представляется, что живешь не в селе Благодарном, а в каком-то городке, где можно получить массу развлечений. Есть клуб, где очень часто устраивались танцевальные вечера...; есть народный дом попечительства о народной трезвости с устроенною в зрительном зале театральною сценою, напоминающей собою театр в миниатюре, где местные любители сценического искусства почти каждый месяц устраивают любительские спектакли с благотворительной целью. Не оставляют своим посещением село Благодарное и заправские актеры».

В наступившем XX веке главным культурным центром села стал Благодарненский народный дом Благодарненского уездного комитета попечительства о народной трезвости. Точная дата его открытия автору неизвестна (примерно декабрь 1899 – январь 1900 годов). Руководили деятельностью народного дома члены комитета. Само здание народного дома состояло из главного зала, в котором была построена сцена, здесь же работала чайная и читальня, а также были еще 3 комнаты.

Одним из направлений деятельности народного дома было проведение чтений. В 1902 году заведующим народными чтениями с января по март был член комитета, податный советник Макаровский, а с марта по 31 декабря – член-соревнователь Мануйлов. В течение года ими и при участии представителей местного духовенства, училищного персонала и чиновничества было устроено 38 чтений, которые посетили 8360 слушателей. Желающих было так много, что некоторые «оставались за дверями аудитории».

Среди слушателей были местные крестьяне, обыватели и интеллигенция, а также приезжие из соседних сел. Когда слушателей было слишком много, интеллигенция уступала место крестьянам, а сама уходила в другие комнаты, а если и те были заполнены, садилась прямо на сцене. Чтения проводились в основном в осенне-весенний период, преимущественно по воскресным и праздничным дням. С мая по конец сентября месяца во время проведения полевых работ делался перерыв.

Чтения обычно состояли из 2–3 отделений: в первом отделении предлагались рассказы из священной истории, медицины, географии и истории вообще; во втором отделении проводились литературные чтения. Большой интерес у крестьян вы-

зывали очерки и рассказы на исторические темы и повести о народном быте. Чтения сопровождалась демонстрацией соответствующих теневых картин.

В антракте между чтениями слушателям предлагались пение и музыка. Регулярно на чтениях выступал с 1901 года любительский хор певчих из местных чиновников и крестьян под управлением нанимаемого комитетом крестьянина-регента Н. Затонского.

Музыкой развлекал созданный из местных любителей (6 человек) оркестр бальной музыки, предлагавший слушателям пьесы легкой аранжировки. Популярностью пользовался приобретенный комитетом механический инструмент «Эолан», исполнявший различные музыкальные пьесы, тем самым доставлявший «не малое наслаждение слушателям».

По окончании чтений для развлечения слушателей нередко показывались виды городов и местностей России и Европы, картины с движением и юмористического характера и хромотропы (игра цветов).

С удовольствием выступал перед слушателями не только народного дома, но и перед учащимися школ самодеятельный ансамбль балалаечников, организованный помощником исправника г. Орловым. Музыкальные инструменты были куплены на средства, заработанные на благотворительном спектакле 31 августа 1901 года, проведенном здесь же в народном доме. В репертуаре ансамбля были русские народные песни, доставлявшие крестьянам видимое удовольствие, так как «по окончании каждого назначавшегося к исполнению пьес на балалайках отделения, аудитория оглашалась дружным и несмолкаемым криком, выразившим восторг слушателей и просьбу их повторить игру на балалайках».

В сентябре 1902 года из запасных нижних чинов был организован оркестр духовой музыки в составе 10 человек, который также производил на крестьян весьма приятное впечатление игрой и привлекал массу посетителей, доставляя им большое удовольствие.

Популярностью среди населения продолжали пользоваться благотворительные спектакли, которые ставились любителями сценического искусства ежемесячно в народном доме. Репертуар постановок был разнообразным: Островский «Не в свои сани – не садись», комедия в 3-х действиях; С. Н. Кириллов «Мачеха», драма в 3-х действиях; Н. Н. Никитский «В гостях без хозяина», водевиль в 1-м действии; «Бедовая бабушка», водевиль в 1-м действии; «Вторая молодость», драма в 4-х действиях; и др.

Свои впечатления о проводимых в народном доме спектаклях оставил Илья Дмитриевич Сургучев, приезжавший в Благодарное к родителям своей жены – Меланьиной (в девичестве) Ольге Григорьевне. В 1902 году он опубликовал в газете «Северный Кавказ» следующую заметку: «Волею судеб, чувствовать Н. В. Гоголя мне пришлось в сел. Благодарном. Чувствовалось как-то не по себе. Общее настроение походило на то, какое испытывает религиозный человек, встречая Пасху где-то на чужбине, далеко от родных, в неспражничной обстановке. Достал у знакомого сочинения Н.В. и начал перечитывать.

– Хоть так праздную.

Вдруг объявляют:

– Спектакль!

В местной чайной, оказывается, есть небольшая сцена, где любителями предполагалось в один из юбилейных дней поставить «Женитьбу». Вечный скептик, когда говорят о хорошей любительской

игре, я и на этот раз сначала было остался верен себе – и приятно разочаровался.

Гоголевский шедевр был так мило разыгран, так осмысленно, что пришлось диву даваться.

– Да это еще что! Не то было бы! Жаловались мне: и не так еще можно было бы отнестись к делу – да не с кем играть. Тот жену не пускает, того жена не пускает – хоть волком вой!

А режиссер здешний, г. М., сам очень недурной исполнитель, безусловно понимает дело, ведет его очень толково и жаль, конечно, что человеку разойтись негде.

А в общем, кроме спасибо ничего нельзя сказать благодаренной интеллигенции: хоть лыком, а все-таки пришиты к общему культурному празднику.

Перед спектаклем был показан при помощи волшебного фонаря портрет Николая Васильевича, а затем хор любителей пропел в честь его кантату, кажется, любительского сочинения: уж очень кантата смахивала на херувимскую старинного распева».

Как уже было отмечено выше, Благодарное посещали и гастролирующие театры. Заметным явлением в культурной жизни села 1900 года было выступление здесь Малороссийской труппы под управлением Каменского, состоявшей из 8 артистов и давшей 10 представлений. На следующий 1901 год они снова прибыли сюда, но уже в качестве Товарищества малороссийских артистов, состоявшего из 16 человек. Население охотно посещало спектакли. Интерес у зрителей и полный ансамбль (зал) собирали драмы Манько «Несчасне Коханне» и Тобилевича «Безталанна». По мнению зрителей, «многие сцены были проведены так естественно, что, право, лучшего желать грешно. Словом, состав труппы очень не дурен».

В народном доме царила атмосфера не только трезвости, но и боролись с курением через его запрет. По этому поводу один из членов-соревнователей даже поместил негодующую статью в прессе: «Посетив 29 марта с. г. народный дом, открытый уездным комитетом попечительства о народной трезвости, я невольно обратил свое внимание на одно неправильное распоряжение, сделанное г. заведующим чайной, о котором не могу умолчать. – В помещении чайной и читальни появились объявления о том, что «курить воспрещается». (Хотя объявления не подписаны, но они написаны рукой заведующего). Насколько мне известно – воспрещение курить посетителям – не есть цель, преследуемая попечительством о народной трезвости. Посетители не должны быть стеснены запрещением курить, как это ясно выражено в указаниях главного управления неокладных сб. и казенной продажи питей, последовавших по рассмотрении отчетов о деятельности попечительства за 1896 и 1897 гг. Довольно странным кажется, что эти объявления появились через 1 год и 4 месяца после открытия чайной, раньше же этого не было, и что г. заведующий чайной будучи членом комитета так плохо знаком с указаниями по этому поводу главного управления. Само собою разумеется, что лицам, посещающим чайную и читальню не с исключительною целью выпить чаю, а провести часть своего вечернего и праздничного досуга – запрещать курить табак – явится довольно чувствительным стеснением. Не мешало бы, кому следует обратить на это неправильное распоряжение, должное внимание и этим избавить посетителей от неправильно предъявляемых к ним требований, а г. заведующему чайной – следует следить за другими нужными порядками, а не фантазировать своими желаниями».

В период первой российской революции 1905-1907 гг. чайная с читальней народного дома была тем местом, где активно обсуждались политические события, происходившие в стране, и открыто пропагандировались идеи конституционно-демократической партии.

По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 года грамотных в селе Благодарном было 15,9%. Чтобы как-то стимулировать развитие грамотности, создавались народные библиотеки, на которые возлагались, как культурные, так и воспитательные функции. С их открытием у населения появлялась надежда на то, что «в значительной степени сократятся картежная игра и служение Бахусу, царствующие ... безраздельно почти во всех селах».

В начале XX века в Благодарном функционировали три народные библиотеки: при 2-х классном министерском училище, при чайной общества трезвости и для интеллигенции.

В 1898 году по инициативе земского начальника И. И. Успенского и при поддержке местного купечества родилась идея об открытии публичной библиотеки на особых паях. На одном из заседаний под руководством Успенского был выработан Устав, который определял порядок пользования книгами и периодическими изданиями. Был установлен денежный взнос, подписчики по размеру взноса были разделены на три категории. В члены правления библиотеки избрали несколько человек, также создали ревизионную комиссию. Кроме обязательного взноса предложено было желающим сдать отдельные пожертвования на первоначальную закупку книг и мебели для библиотеки. Пожертвований было собрано достаточное количество. Братья В. И. и Г. М. Меланьины, И. Я. Слепков и др. дали сотни рублей «на это доброе дело». За сравнительно короткий срок было собрано

более 1000 рублей, и пожертвования продолжали поступать. Приносили и книги. П. И. Шевченко принес из волостного правления несколько тюков книг, находившихся там «без всякой пользы на хранении». Через некоторое время взнос сделали повторно.

Библиотека не имела своего здания и временно разместилась в уездном съезде. Отдельные подписчики считали, что это было одной из причин того, что библиотека работала не так, как от нее ожидали. Приходить сюда некоторые стеснялись. Библиотека обслуживала подписчиков не только Благодарного, но и из близлежащих сел, находящихся на расстоянии 35–40 верст от уездного центра. Так как книги из библиотеки привозились часто с опозданием, то приходилось платить штраф за их задержку при чтении. Поэтому подписчики считали, что лучше увеличить паевой взнос с двух рублей до трех, но зато улучшить работу по доставке.

В 2-х классном министерском училище народная библиотека была открыта (ранее 1898 года) на средства от частной благотворительности по инициативе уездного исправника А. М. Мейлаха.

В народном доме библиотека-читальня была при чайной. Для пополнения ее фондов попечительство выписывало журналы, газеты и закупало книги.

Несколько преувеличенно, но тем не менее можно сказать, что уже к началу XX века в Благодарном сложилась сеть библиотек, берущих свое начало с конца XIX века. Библиотеки, любительский театр, самодеятельные оркестры и певчий хор способствовали не только культурному времяпрепровождению, но и помогали развитию общего образования и раскрытию творческих способностей жителей уездного села Благодарного на рубеже XIX–XX веков.

Сведения об авторах

Анохина Елена Алексеевна. Родилась в Ставрополе. Окончила Ставропольский государственный пединститут. Преподавала в школе, работала воспитателем детского сада. Произведения публиковались в местной периодике, нашем альманахе. Член Союза журналистов России. Живет в Ставрополе.

Забелин Владимир Михайлович. Родился в г. Благодарном нашего края в 1962 г. Окончил Ставропольский государственный пединститут. Кандидат исторических наук. Заслуженный работник науки и образования. Член Международной ассоциации исторической психологии. Профессор Северо-Кавказского социального института. Живет в Ставрополе.

Кашпуров Иван Васильевич (1926 – 1997). Известный российский поэт, переводчик, автор песенных текстов. Родился в селе Калиновском на Ставрополье. Первые стихи опубликованы в красноармейской газете. Трудовую деятельность начал с юности. Сменил несколько профессий. Член Союза писателей СССР. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор многочисленных поэтических книг. Произведения переведены на многие иностранные языки. Входил в руководящие органы СП РСФСР, в течение восьми лет возглавлял Ставропольскую краевую писательскую организацию, уделяя особое внимание работе с молодыми литераторами и социальной защите коллег по перу. Его творчеству посвящены многие литературоведческие работы. Награжден государственными наградами.

Кругов Алексей Иванович. Родился в 1959 году в Перми. Окончил Ставропольский педагогический институт и Институт российской истории ВАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий, публикаций по вопросам аграрной истории и краеведению. Живет в Ставрополе.

Маляров Владимир Константинович. Родился в 1946 г. в Саратовской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Сменил несколько профессий. Возглавлял краевую писательскую организацию. Лауреат литературной премии губернатора Ставропольского края им. Губина. Член Союза писателей России. Живет в Михайловске.

Нутрихин Роман Владимирович. Родился в 1982 году на Ставрополье. Окончил Ставропольский госуниверситет. Кандидат юридических наук. Автор прозаических произведений и многих исследовательских работ по истории Кавказа и Ставрополья. Публиковался в коллективных сборниках и центральной периодике. Живет в Ставрополе.

Полумискова Екатерина Петровна. Родилась в Ставрополе. Окончила Ставропольскую государственную сельхозакадемию. Поэт. Прозаик. Лауреат литературных премий. Автор поэтических книг и многочисленных публикаций в периодике. Возглавляет региональное отделение Общероссийской общественной организации писателей «Общероссийское литературное сообщество». Член Союза писателей России. Живет в Ставрополе.

Туз Галина Георгиевна. Журналист. Прозаик. Публицист. Окончила Литературный институт им. Горького. Работала ответственным секретарем нашего альманаха, преподавала в университете. Лауреат премии губернатора Ставропольского края им. А. Губина. Член Союза российских писателей. Живет в Ставрополе.

Чекалов Петр Константинович. Родился в ауле Кубина Карачево-Черкесской республики. Окончил Ставропольский педагогический институт. Доктор филологических наук. Профессор. Автор многочисленных публикаций о русских и северокавказских писателях. Живет в Ставрополе.

Шевченко Галина Александровна. Родилась в Пятигорске. Окончила Московский геодезический институт. Известный краевед. Поэт. Критик. Автор фундаментального исследования «Благословенный край Пятигорья», изданного в двух томах. Заслуженной известностью пользуются ее книги «На земле предков», «Полет сквозь время» и др.. Член Союза писателей России. Живет в Пятигорске.

Шумаров Георгий Михайлович. (1932 – 2010). Известный ставропольский писатель. Родился на станции Ночка Пензенской области. Окончил Ленинградский медицинский институт. Многие годы работал детским хирургом. Автор многих повестей и рассказов, романов: «Круглый стол на пятерых», «Ни элину, ни варвару», «Дороги бортхирурга Басова» и др. Лауреат премии губернатора Ставропольского края. Член Союза писателей СССР и Союза российских писателей.